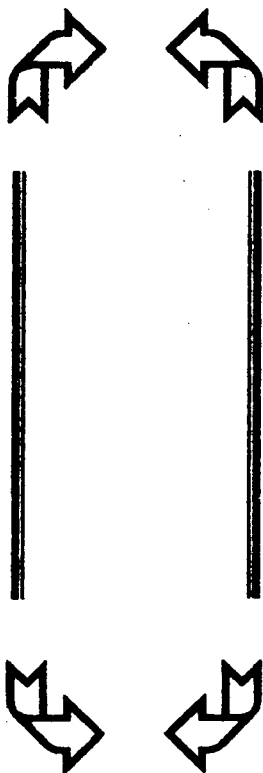

K1366456

Л. Г. Яцкевич

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Функционально-типологическое
исследование

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
ЧАСТЕЙ РЕЧИ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2004

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ВГПУ
Л. М. Кознева;
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой французского языка ВГПУ *С. А. Кузичев*

Я 92

Яцкевич Л. Г. Категориальные значения частей речи: Функционально-типологическое исследование. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2004. – 158 с. ISBN 5-87822-230-2.

В монографии проводится функционально-типологическое исследование категориальных значений частей речи русского языка на основе теории грамматических концептов. Грамматические концепты частей речи рассматриваются как формы языкового обобщения в процессе коммуникации. Определяется содержание каждого концепта на основе опорных его компонентов: объекта, основания, способа и цели обобщения. Исследуются полевая структура грамматических концептов частей речи, выделяются грамматические сверхклассы слов. В книге предлагается новая функционально-типологическая систематика частей речи русского языка, рассматривается соотношение категориальных значений частей речи с лексическими, словообразовательными, морфемными и морфологическими значениями в структуре слов.

Книга предназначена для лингвистов, специалистов в области морфологии и функциональной грамматики.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Виды классификаций в морфологии	4
1.1. Лингвистические классификации в свете современной теории классификаций	4
1.2. Основные виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика	11
1.2.1. Классификация по эталону, универсальной модели	13
1.2.2. Функционально-семантическая классификация и принцип поля	20
1.2.3. Функционально-типологическая классификация	22
1.2.4. Коммуникативно-смысловые классификации в морфологии. Грамматические концепты	26
Глава 2. Категориальные значения частей речи как формы языкового мышления и коммуникации	34
2.1. Коммуникативный логоцентризм КЗЧР. Способы обобщения и предикации	34
2.2. Грамматические концепты частей речи. Формы их существования в структуре русского языка	40
2.3. Грамматический концепт – сложное семиотическое образование	41
2.4. Грамматический концепт – двусторонняя единица грамматической системы языка	43
2.5. Функциональный анализ содержания грамматических концептов частей речи	45
2.6. Функциональная типология категориальных значений частей речи	49
2.7. Психоцентризм и антропоцентризм КЗЧР. Способы восприятия и представления	53
2.8. Культурная значимость категориальных значений частей речи	59
2.9. Способы выражения грамматических концептов частей речи в русском языке	61
Выводы.	70
Глава 3. Категориальные значения частей речи в структуре языка	72
3.1. Проблемы типологии частей речи	72
3.2. Грамматические концепты частей речи в структуре лексического значения лексемы	87
3.3. Соотношение лексических значений и категориальных значений частей речи у слов разных частей речи	89
3.4. Соотношение категориальных и субкатегориальных значений частей речи в структуре лексического значения слов	90
3.4.1. Категориальные и субкатегориальные значения в лексической системе имён существительных	91
3.4.2. Категориальные и субкатегориальные значения в лексических системах других частей речи	111
3.5. Соотношение КЗЧР и дифференциальных сем в ЛЗ слов	113
3.6. КЗЧР в структуре словообразовательного значения производного слова	114
3.7. КЗЧР в морфемной структуре слова	123
3.8. КЗЧР в морфологической структуре словоформы	125
Заключение.	140
Литература	141
Приложение. Индексированный список терминов	153

ГЛАВА 1

ВИДЫ КЛАССИФИКАЦИЙ В МОРФОЛОГИИ

1.1. Лингвистические классификации в свете современной теории классификаций

Классификация как метод изучения языка широко используется в лингвистике. В истории языкознания в различных его направлениях применялись разные принципы и приёмы классификации, то есть разнообразные способы группировки и систематизации лингвистических объектов и понятий. Считается, что проблема научной классификации является наиболее актуальной для типологической лингвистики. Именно этот раздел языкознания внёс существенный вклад в теорию лингвистических классификаций [Бенвенист 1963; Курилович 1962; Мещанинов 1945; Морфологическая типология ... 1965; Степанов 1975; Рождественский 1969; Теоретические основы 1980; Успенский 1965]. Однако не менее существенной оказывается эта проблема и для описательной грамматики одного отдельного языка. Типология языков может быть построена только на надёжном фундаменте внутриязыковых классификаций. Тем не менее современная лингвистика не имеет общей теории лингвистических классификаций, хотя и располагает множеством частных классификационных систем. Общая теория лингвистических классификаций должна объективно оценивать и конструктивно использовать их богатый опыт. В то же время она должна быть основана на важнейших принципах современной теории классификаций, которая является составной частью общенаучной методологии познания [Кедров 1965; Мейен 1975; Мейен, Шрейдер 1976; Мельников 1978; Садовский 1974]. История науки свидетельствует о том, что во все времена происходил обмен классификационными приёмами. На современном этапе вопросы методики классификаций наиболее интенсивно разрабатываются в биологии, геологии и науковедении [Мейен 1975]. Многие достижения этих наук в развитии теории классификаций ещё не учтены лингвистической методологией. Вместе с тем следует отметить, что на современные приёмы лингвистических классификаций большое влияние оказали математические методы, в основе которых лежат принципы формализации классифицируемых объектов, логическая выводимость и непротиворечивость классификационной системы. Наиболее глубоко в методику лингвистических классификаций внедрился принцип дихотомии, бинарности признака

классификации и принцип логической последовательности бинарных противопоставлений [Кантино 1972; Маркус 1963; Ревзин 1967; Степанов 1975; Теория ... 1980; Хлебникова 1969; Перцов 2001]. Именно этим объясняется распространение методов оппозиционного анализа из фонологии на морфологию и лексику. Вопрос о том, следует ли положительно оценивать это влияние, является сложным и дискуссионным [Абаев 1971; Будагов 1980; Головин 1976; Налимов 1979; Яцкевич 1981]. Основной момент этой дискуссии – различное понимание познавательной ценности и целесообразности сферы применения естественных лингвистических классификаций, с одной стороны, и методов формального моделирования в лингвистике, с другой стороны.

Несмотря на то, что в результате распространения методов математического моделирования в наше время «происходит глубокая перестройка методологической основы науки» [Засорина 1974], лингвисты не должны забывать об особом положении языкознания в системе наук. Об этом пишут учёные различных отраслей науки: филологи, философы, математики. Они обращают внимание на то, что язык, являясь основным средством выражения, хранения и передачи мыслей и знаний, представляет собой специфический объект для научного познания. Стронники математических методов описания языка предпринимали попытку языку-объекту описания противопоставить язык-средство описания. Известны многочисленные попытки создать мета-язык описания, свободный от «изъянов» естественного языка. Несмотря на то, что данное направление исследования обогатило языкознание частными методиками и приёмами анализа, в целом оно вызвало к себе критическое отношение не только со стороны филологов, но и математиков [Вальков 1981]. Установка на формализацию языковых свойств была охарактеризована как нежелательное явление «дегуманизации науки о языке» [Абаев 1971]. Конструктивная несостоятельность такого подхода к языку была убедительно раскрыта с лингвистических позиций [Котелова 1975] и с позиции теории математического моделирования [Вальков 1981].

На проблему соотношения лингвистического термина, лингвистической идеи и языковой реалии как на одну из серьёзнейших в современной лингвистической науке» указывал Б. Н. Головин. Он пишет: «Лингвистическая терминология в её отношении к лингвистическим идеям настоятельно требует осмысления и в прагматическом, утилитарно-практическом плане» [Головин 1976, 20]. Автор предупреждает, что использование термина, ориентированное на некоторую абстрактную логико-языковую идею, некий конструкт, не имеющее устойчивой объектной отнесённости, «открывает широкий простор для понятийно-терминологического и идейно-содержательного произвола» [Головин 1976].

Та же самая идея на материале различных наук обсуждалась в монографии В. В. Налимова [Налимов 1979, 116–139], но автор расходится с Б. Н. Головиным в некоторых важнейших выводах. Если Б. Н. Головин основное внимание обращает на важность объектного значения термина, то В. В. Налимов подчёркивает, что «термины науки глубоко связаны с её теоретическими концепциями» [Налимов 1979, 118]; здесь же приводится обзор отечественной и иностранной литературы по теме. Он пишет: «На первый взгляд кажется, что многие термины являются просто названиями некоторых вещей или явлений, на самом деле смысл термина становится понятным не из простого указания на то, что он обозначает, и не из некоего семантического определения, а из понимания теории этого явления <...>. Смысл слов меняется со временем по мере того, как развиваются наши научные концепции» [Налимов 1979, 118–119].

Новый интересный поворот в научной дискуссии на эту тему можно найти в работах К. И. Валькова [Вальков 80; Вальков 81; Вальков 84]. В них обосновывается принцип инвариантной неопределённости, раскрывающий информационное своеобразие естественных языков, которое делает бесплодными все попытки их формализации. Термин «инвариантная неопределённость» возник первоначально в результате анализа аксиоматического метода в геометрии [Вальков 75], но в дальнейшем был использован автором для сопоставительной характеристики естественных и искусственных языков, для коммуникативно-семантического анализа языка науки. Он пишет: «Действительно, в геометрии или, захватывая шире, в математике, принцип инвариантной неопределённости начинает играть существенную роль в тот самый момент, когда математика от утверждений, относящихся к совершенно конкретным соотношениям, переходит к утверждениям об объектах вообще и их соотношениях вообще, когда, иными словами, вводятся представления об аксиоматике и структурах. Но именно в этот момент математика из науки описательной, какой надлежало ей быть наряду с физикой, химией и другими дисциплинами естественного цикла, превращается в науку декларативную, то есть начинает оперировать не только с объектами-вещами, но и с объектами-словами. Язык всё более и более глубоко втягивается в орбиту математики и постепенно – и незаметно! – становится её предметом» [Вальков 80, 19]. То же явление наблюдается, по мнению автора, в автоматике и кибернетике [Вальков 80, 19]. «Вот почему в современных условиях принцип инвариантной неопределённости имеет такое же непосредственное отношение к математике, какое он имеет к языкознанию или к автоматизации: во всех этих случаях с разных сторон, но с одинаковой неизбежностью затрагивается одна и та же проблема – проблема творческого познания действительности» [Вальков 80, 19]. Автор развивает мысль о том, что ин-

формационная неопределённость составляет ту глубинную сущность языка, которая позволяет ему быть функционально гибким и многогранным средством общения и познания. Но в отличие от известного уже в науке понимания неопределённости языка как многозначности (полисемии) его значимых единиц, множественности его функциональных трансформаций, в понимании К. И. Валькова главное внимание обращается на неопределённость иного плана – на тот фон, на котором приобретают смысл значимые единицы языка, в частности слова. Для убедительности, опираясь на наглядные геометрические аналогии, он указывает, что «значение любого слова имеет не только положительное, но и отрицательное содержание, что с помощью слова обозначается не только предмет, но и отделяющаяся от него беспредметность. Как нельзя употребить кисть для создания картины, если нет холста, так нельзя, например, употребить слово «стол» для обозначения соответствующего понятия, если нет инвариантного фона, из которого это понятие будет вырублено <...> слово всегда двусторонне, оно состоит из предметной части и из части, выделившей данный предмет» [Вальков 80, 16].

Близко к такому пониманию информационных свойств языка подошли в психологическом направлении языкознания вначале при разграничении «ближайших» и «дальнейших» значений слов (термины А. А. Потебни), а затем при определении различных видов пресуппозиций [Звегинцев 1976], а также в самое последнее время при постановке задач коммуникативно-ориентированных грамматик [Забавников 1980 б; Золотова 82; Золотова 1998; Яцкевич 1987], в когнитивной психологии [Солсо 2002] и лингвистике [Кубрякова 1999; Селиверстова 2002], а также в лингвистике текста и теории коммуникации.

«За последние 15 лет лингвистика в своём развитии явно обнаруживает максималистские тенденции, то есть стремительно продвигается от исследования низших уровней: фонетического и морфемного – к исследованию всё более высоких уровней: уровня текста, коммуникативного уровня и уровня, на котором уже должны изучаться чрезвычайно сложные отношения между языком и мышлением. Иначе говоря, лингвистика радикальным образом развивается в направлении к макронауке, науке синтетической, причём её границы, её взаимосвязи с другими научными дисциплинами утрачивают определённость, а бурный рост числа конкретных исследований (парадокс!) ведёт к известному отставанию лингвистической теории» [Ван де Вельде 1979]. На смену структурно-математическим теориям, описывающим язык как жёсткую, дискретно структурированную конечную систему, пришли новые коммуникативно-ориентированные концепции языка, в которых также предлагаются различные способы сведения неформального к

жёсткой классификации, к статической форме [Биаши 1979; Бирвиш 1978; Дорфмюллер 1978].

Принцип инвариантной неопределённости, последовательно учитываемый при решении семантических проблем языка, позволяет избежать многочисленных заблуждений, которые встречаются или могут встретиться на пути исследователя в этой области. Это убедительно показано применительно к основной единице языка – слову [Вальков 1980]. Разъясняя двустороннюю информативность слова, К. И. Вальков сопоставляет предметную и внепредметную, фоновую, части его содержания: «Предметная часть слова персональна, единична. Дерево, например, – это вещь, представляющая собой единство. Много деревьев, множество деревьев, все деревья, – это тоже единая вещь. Внепредметная часть слова, напротив, антиперсональна, множественна. <...> Капуста – это не дерево, вода – не дерево, летопись не дерево ... Множественность непредметной части не имеет ограничений, она разнообразна до бесконечности» [Вальков 1980, 18]. Автор делает вывод, что в словарях обычно определяется только предметная часть значения слова, а внепредметная часть в принципе не допускает определений: «Противопоказанность определений заложена здесь гораздо более глубоким и неотменимым образом: нельзя нарисовать фон, нельзя заставить звучать тишину, нельзя двинуться вперёд, если что-то не осталось позади. Понятие о дереве или о другом предмете предполагает наличие мира, в котором это дерево (или другой предмет) может существовать и иметь какой-то смысл» [Вальков 1980, 18–19].

Важно отметить, что общетеоретический принцип инвариантной неопределённости фактически является обоснованием тех традиционных приёмов семантического описания лексических значений слов в лингвистических словарях, которые сложились в процессе длительной лексикографической практики, но которые пришлось в недавнее время заново переосмысливать и упорно защищать от критики сторонников формализации семантики языка [Котелова 1975].

Грамматическая сфера языка в силу её обобщённо-формализованного характера (в лингвистическом понимании) особенно часто представляется лингвистам-математикам тем языковым уровнем, который можно описать аксиоматически, с помощью конечного набора исходных понятий [Гладкий 1973]. В качестве примера можно привести статью А. В. Гладкого «Попытка формального определения понятия падежа и рода существительного» [Гладкий 1973], в которой автор не соглашается с теми грамматическими описаниями, где принцип формализации не доведён до конца сознательно. Прежде чем дать «простое» и «естественное», то есть формализованное, определение падежа и рода, он делает довольно обширные предварительные поясне-

ния [Гладкий 1973, 27–31] и вводит многочисленные исходные понятия, заимствованные из языка математической логики. Но и этого оказывается недостаточно, так как в конце концов автор предупреждает, что «для определения понятия падежа, согласовательного класса и рода нам понадобятся следующие сведения о языке: а) нужно знать все сегменты данного языка; б) для каждого сегмента нужно знать, является ли он формой существительного» и т. п. – всего 6 пунктов [Гладкий 1973, 34]. Заключительное замечание А. В. Гладкого: «Никаких других сведений о языке для определения понятия падежа, согласовательного класса и рода не нужно, не кажется нам утешительным! Ведь даже одного пункта перечисленных «сведений о языке» достаточно, чтобы сделать предлагаемое автором сложное построение формальной процедуры определения падежа и рода лишённым смысла. Дело в том, что формализация грамматических понятий и в этом случае, как и в любом другом, *имеет смысл только на фоне знания языка*. А это знание принадлежит человеку, оно *антропоцентрично*, и поэтому не объективируется в формализованной модели. Как справедливо отмечает К. И. Вальков, «процесс обобщения, воплощённый в терминологически определённое научное понятие, приобретает смысл лишь после того, как вводится позиция наблюдателя или, выражаясь геометрически, вводится “операция проектирования”» [Вальков 1977, 11]. Таким образом, даже математика опирается не на строго формальные, а на содержательные исходные понятия, предполагающие инвариантную неопределённость объекта исследования. Тем более лингвистам не следует разделять распространённое суеверие об аксиологической замкнутости и формальной безупречности математических методов.

В современной теории классификаций всё большее внимание обращают на изучение принципов естественной классификации, которая иначе называется интенциональной, сущностной классификацией, или систематикой [Мейен, Шрейдер 1976, 69], и противопоставляется экстенциональным, дескриптивным, искусственным классификациям. С. В. Мейен и Ю. А. Шрейдер, авторы методологической статьи по теории классификаций, указывают такие свойства естественной классификации: «Систематика – установление такой упорядоченности объектов, которая приобретает статус привилегированной системы, выделенной самой природой, это примерно то же, что и естественная классификация (система)» [Мейен, Шрейдер 1976, 69]. Такая классификация должна обладать объяснительной силой, высокой степенью информативности. Классическим образцом такой классификации в науке является периодическая система Д. И. Менделеева. В методологии классификаций так определяется место естественной классификации среди других видов классификации: «Наиболее совершенной

системой является такая, где все признаки объекта определяются положением в системе. Чем ближе система стоит к этому идеалу, тем она менее искусственна, и естественной системой следует назвать такую, где количество свойств объекта, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальной» [Мейен, Шрейдер 197, 102–103]; «чем больше общих утверждений об объектах даёт возможность сделать классификация, тем она естественнее»; «классификация тем более естественна, чем более существенные связи она отражает» [Мейен, Шрейдер 1976, 78]; «в отличие от возможности нескольких дескриптивных классификаций объектов их естественная классификация является единственной» [Мейен, Шрейдер 1976, 79]; таким образом, естественной классификации свойственна объективность, надёжность, прогностическая сила [Мейен, Шрейдер 1976], а сама эта классификация оказывается не только средством изучения объектов, но и её конечной целью, конечным результатом.

Следует сказать, что в сфере лингвистики общая теория естественных классификаций должна быть значительно уточнена и развита в силу того, что язык является специфическим объектом познания. Общие принципы недостаточны для создания естественной классификации единиц конкретного языка. Необходима лингвистическая методология естественной классификации. Она формулируется в процессе сложного научного поиска. О методике естественной классификации в грамматике писали в своё время Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, В. Г. Адмони, Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. Глубокое методологическое развитие она получила в книгах А. В. Бондарко, где также можно найти и обзор литературы по данной проблеме [Бондарко 1983].

Существует мнение, что понятие «естественность» можно отнести не только к собственной языковой классификации морфологических единиц, но и к их научному описанию. Так, И. А. Мельчук, рассматривая свойства дедуктивной системы описания морфологии, указывает и на свойство «естественность», которое он трактует так: «Естественность системы означает способность введённых понятий достаточно точно отражать интуицию лингвистов относительно наблюдаемых фактов. Понятие должно охватывать некоторую совокупность фактов, которая воспринимается исследователем как естественная; различия, устанавливаемые данным понятием, также должны выступать как естественные» [Мельчук 1997, 25]. Автор добавляет далее, что, хотя такое понимание естественной системы «в высшей степени расплывчато и субъективно», поскольку опирается на языковую интуицию исследователя, «тем не менее, при всей неясности понятия естественности, его важность несомненна» [Мельчук 1997, 26]. Нам представляется, что «естественная система описания» должна отражать «естествен-

ную классификацию языка», поэтому она должна, кроме обязательной опоры на интуицию, иметь собственную методологию, которую трудно уместить в дедуктивную морфологическую теорию.

Методология естественной классификации в морфологии должна учитывать следующие существенные особенности грамматического строя русского языка: 1) наличие межуровневых связей морфологии с другими сферами языка (фонологией, лексикой, синтаксисом); 2) наличие различных уровней организации в самой морфологической системе; 3) семантическую и формальную вариативность как существенное свойство морфологических единиц; 4) политипологичность морфологического строя русского языка; 5) развивающийся исторический характер морфологической системы, предполагающий диалектическое единство системного и асистемного, атомарного, инвариантного и вариантного, формально-структурного и коммуникативно-смыслового.

1.2. Основные виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика

Традиционные описания морфологии русского языка по своей логической структуре обычно приближаются к классификации [Кацнельсон 1974, 6]. В современных морфологических исследованиях также используются различные типы классификаций. Они различаются: 1) по объекту классификации; 2) по назначению; 3) по характеру классификационных признаков; 4) по внешней и внутренней структуре выделения классов и соответствию между ними; 5) по приёмам классификационного анализа.

Понятие классификации как метода научного познания неоднозначно. Следует указать четыре основных познавательных процесса, которые связаны с этим понятием. Во-первых, классификацией называют процесс распределения по классам изучаемых объектов на основе уже сложившейся системы классификационных признаков. В этом случае классификация не самоцель, а способ осмысления нового фактического материала на основе известных теоретических данных. Например, при описании морфологической системы какого-либо говора русского языка используют традиционную классификацию по частям речи. Такими классификациями обычно пользуются и в учебной практике.

Во-вторых, классификация является удобной формой передачи информации об изучаемых объектах. Такие классификации позволяют констатировать факты, описывать их в удобном виде, упорядочивать накопленные результаты, но не объяснять их сущность. Подобными классификациями в морфологии пользуются довольно часто при описании распространения того или иного морфологического или морфо-

нологического явления в лексическом составе части речи. Например, указываются лексико-семантические группы существительных, являющихся *singularia* или *pluralia tantum*, лексико-семантические группы качественных прилагательных, двувидовых глаголов, типы склонения существительных, типы спряжения глаголов и др.

В-третьих, классификацией называется процесс распределения по классам изучаемых объектов на основе новых существенных признаков, которые были обнаружены в процессе их лингвистического изучения. Новый аспект языковых явлений требует их новой классификации. Например, изучение синтаксического аспекта грамматического рода имён существительных в русском языке привело к созданию новой классификации по родам – к выделению согласовательных классов имён существительных [Durnovo 1924; Зализняк 1967; Ревзина 1970; Милославский 1981]. Изучение особенностей словообразовательной структуры производных слов привело к выявлению словообразовательных типов и позволило создать новую классификацию, которая существенно отличается от классификации производных слов по способам словообразования.

В-четвёртых, классификацией называют процесс создания систематики, которая отражает естественную систему и структуру изучаемых объектов. Многомерность грамматических явлений делает очень сложной задачу создания *морфологической систематики русского языка*. Во второй главе данной книги предлагается опыт построения систематики частей речи.

При такой классификации нет необходимости учитывать все различительные признаки слов, поскольку значимость их относительно друг друга и относительно задач систематики может быть неодинаковой. Существенные для данной классификации различительные признаки называются классификационными. Классификационная релевантность различительного признака определяется предметом классификации и назначением классификации.

Выбор классификационных признаков обычно связан с поисками инвариантов, то есть постоянных неизменных оснований, на которых строится вся классификация. Обзор используемых в морфологии классификаций позволяет говорить о существовании трёх основных представлений о классификационных инвариантах: 1) классификационный инвариант – это эталон, абстрактный объект, универсальная модель описания класса реальных объектов; 2) классификационный инвариант – это свойство, функция класса единиц языка; 3) классификационный инвариант – это дискретно структурированный элемент грамматического строя языка, субстанциональная языковая единица определённого типа. Далее последовательно рассматривается каждый принцип классификации.

1.2.1. Классификация по эталону, универсальной модели

В этом случае инвариантом классификации является эталон, универсальная модель описания класса объектов, то есть абстрактный объект, а его вариантами – реальные объекты языка. Такие классификации используются как для формальной, так и для содержательной (контенсивной) типологии морфологических единиц. Основным приёмом систематизации классификационных признаков является построение матрицы. Обычно это таблица – схема соотношения классификационных признаков и объектов классификации. Систематическое изложение этого вопроса можно найти в книге Ю. С. Степанова [Степанов 1975]. Примером эффективного использования такой классификации в русской морфологии является классификация именных парадигм с точки зрения внешнего выражения в них грамматических противопоставлений, разработанная А. А. Зализняком [Зализняк 1967] и получившая практическое воплощение в его «Грамматическом словаре». Классификация строится на основе понятия эквивалентности парадигм, которое предполагает одинаковые характеристики: 1) внутреннего устройства парадигмы; 2) выбора окончаний; 3) устройства основ; 4) акцентуации [Зализняк 1967, 118]. «Две парадигмы имеют одинаковое внутреннее устройство, если: 1) они состоят из одинакового числа клеток с соответственно одинаковыми названиями (= словоизменительными грамматическими значениями) и 2) всякие две одноименные клетки этих парадигм либо обе пустые, либо обе непустые». Ср.: *стол и армия*, б) *тот и который*; в) *новый и сильный*; г) *кто и что* [Зализняк 1967, 93]. Для классификации парадигм по внутреннему устройству вводится два различительных признака: грамматический разряд и дефекты парадигмы [Зализняк 1967, 93]. Полная характеристика парадигмы складывается в такой классификации из указанных выше главных различительных признаков, которые также участвуют в построении классификации и «показывают, не нарушено ли в данной парадигме какое-либо стандартное правило или соотношение» [Зализняк 1967, 290]. К второстепенным признакам А. А. Зализняк относит, например, особенности так называемых «вторичных словоформ» – нестандартную омонимию чисел [Зализняк 1967, § 6, 50], нестандартное выражение винительного падежа [Зализняк 1967, § 6, 52], второго родительного падежа [Зализняк 1967, § 6, 53], второго предложного падежа [Зализняк 1967, § 6, 54] и др., отклонения от схемы ударения [Зализняк 1967, § 6, 41–42], нестандартные окончания и чередования в основах [Зализняк 1967, § 6, 30–31, 46]. В итоге такой классификации получилась совокупность непесекающихся классов парадигм.

В отличие от древовидного типа классификаций, которые до этого применялись в морфологических описаниях, например при классификации частей речи [Виноградов 1947; см. также учебники по русскому языку], автор использует универсальный тип классификации. Их различие заключается в следующем: при древовидной классификации «имеется хотя бы один различительный признак, по которому характеризуются не все объекты, а только их часть», а при универсальной классификации «каждый различительный признак, используемый в классификации, принимает какое-то из своих значений у каждого классифицируемого объекта» [Зализняк 1967, 7]. А. А. Зализняк отмечает, что «универсальная классификация позволяет при необходимости получать разбиение всей рассматриваемой совокупности объектов на классы по любому различительному признаку или по любой совокупности признаков. Древовидная классификация такой возможности не даёт» [Зализняк 1967, 7]. Для создания универсальной классификации парадигм разного внутреннего устройства он предлагает следующий способ установления соответствия между словоформами различных парадигм: каждая словоформа каждой именной парадигмы соотносится с единым эталоном, который служит посредником между парадигмами разного внутреннего устройства [Зализняк 1967, 136]. Эталон представляет собой набор клеток, каждая из которых имеет своё обозначение. Затем «даются правила, позволяющие установить для любой первичной словоформы любой именной парадигмы, какой клетке эталона она соответствует» [Зализняк 1967, 136]. Вот один из таких эталонов, данных А. А. Зализняком [Зализняк 1967, 136].

Таблица 1

		Согласовательные классы								
		1	2	3	4	5	6	7		
Ед. число	Неатрибутивные формы									
		И.								
		Р.								
		Д.								
		В.								
		Т.								
П.										
Мн. число	Неатрибутивные формы									
		И.								
		Р.								
		Д.								
		В.								
		Т.								
П.										

Этот эталон «состоит из 98 клеток – по числу словоизменительных грамматических значений, представленных у различных словоформ <...> парадигмы расширенного адъективного разряда» [Зализняк 1967, 136].

Исследования А. А. Зализняка имеют большое значение для развития теории морфологических классификаций и для практики составления описательных грамматик и грамматических словарей. Более глубоко и всесторонне этот вопрос обсуждается в книге В. А. Плуныяна [Плуныян 2003] и в статье С. А. Крылова [Крылов 2002].

Эталонные модели классификации характерны также для дедуктивной теории морфологии, что характерно, например, для серии книг по морфологии И. А. Мельчука [Курс общей морфологии. Т. 1 (Введение: Часть первая: Слово). М.; Вена, 1997; Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая: Морфологические значения). М.; Вена, 1998] и книги В. М. Панова «Позиционная морфология русского языка» [М., 1999].

Вместе с тем необходимо представлять сферу и границы использования такого рода классификаций. Они эффективны для описания внешнего формального аспекта морфологии. Однако такие классификационные приёмы не совсем соответствуют целям морфологической систематики, то есть естественной морфологической классификации русского языка, которая отражала бы внутреннюю структуру системы частей речи и формообразования, взаимосвязь морфологии с другими уровнями языка – лексикой и синтаксисом. Как отмечал В. Г. Адмони, обосновавший многомерно-доминантный подход к грамматике. «для грамматических явлений в качестве одного из важнейших признаков характерна многомерность. Это означает, что одному и тому же грамматическому явлению, как правило, свойственны такие признаки, которые лежат в разных плоскостях, не сводимы друг к другу, то есть относятся к разным измерениям <...> Наличие ряда сторон у одного и того же явления часто связывает его не с одним рядом, а с многими рядами других явлений, что и заставляет рассматривать их в разных плоскостях, с разных точек зрения, с применением разных критериев. Грамматические явления, входящие по данному признаку в данный ряд явлений, тяготеют с точки зрения других своих признаков в разной степени к другим рядам, так что и само рассматриваемое явление и соответствующие ряды явлений в целом оказываются часто неоднородными. Лишь в редких случаях все признаки у какого-либо ряда явлений однозначны и параллельны» [Адмони 1964, 35]. А. В. Бондарко, развивая идеи естественной классификации, пишет, что она может характеризоваться: 1) отклонением от единого основания членения на классы; 2) неполной однородностью признаков; 3) возможностью пересечения классов [Бондарко 1983, 11].

На наш взгляд, применительно к проблеме классификации грамматических систем принцип отклонения от единого основания членения на классы должен касаться внутреннего устройства этих систем. Мы имеем в виду тот факт, что системы, эквивалентные на реляционном уровне, то есть на уровне различительных грамматических признаков, могут быть неэквивалентными на субстанциональном уровне, то есть на уровне морфологических единиц. Так, словоформы, объединённые общим различительным признаком, могут обладать различной морфологической структурой и объединяться в морфологические парадигмы различного типа у разных слов одной части речи. Ср. парадигмы числа у существительных: 1) *сливки, молоко* – грамматическая классификация по числу; 2) *сын > сыновья* – грамматическая деривация словоформы мн. ч. от словоформы ед.ч.; 3) *стол-а, -а, -у, -а, -ом, -е* и *стол-ы, -ов, -ам, -ы, -ами, -ах* – грамматическая конверсия (здесь – смена парадигмы склонения); 4) *курица > куры, цветок > цветы* – грамматическая реверсия; 5) *сани* (ед.ч.) – *сани* (мн.ч.) – грамматическая мутация, внутреннее преобразование словоформы по числу [Яцкевич 1987]. Внутренняя типология формообразования рода и числа имён существительных была разработана нами в ряде исследований [Яцкевич 1987; 1988; 1992].

Таким образом, задачи создания морфологической систематики требуют дальнейших поисков методов классификации. Важность новых исследований в этом направлении обусловлена также тем, что попытки использовать эталонные классификации для описания морфологической семантики не решают многих проблем, стоящих перед грамматической теорией и практикой, хотя имеют, безусловно, большое значение для развития теории лингвистических классификаций. Эталонные семантические классификации использовались, во-первых, при описании грамматической семантики грамматических категорий и форм и, во-вторых, для описания семантической системы частей речи. Эталонные семантические классификации первого типа строятся на основе понятия семантического инварианта грамматических форм, которое положено в основу теории общих и частных значений в морфологии. Содержание морфологической категории рассматривается как иерархическая система дифференциальных семантических признаков грамматических форм, которые определяются с помощью оппозиционного анализа. Как известно, наиболее существенный вклад в методологию классификации на основе семантических инвариантов в морфологию внесли представители пражской функциональной грамматики Р. О. Якобсон, В. Скаличка, Б. Трнка. Анализ их исследований содержится, например, в работах А. В. Бондарко, Л. Н. Засориной, Е. В. Клобукова и др. [Бондарко 1971, 3–9; Засорина 1974, 104–110; Клобуков 1979], В. Г. Руделёва [Руделёв 1976, 20–42]. Развитие их

идей продолжили чехословацкие учёные и отечественные лингвисты, заложившие основы функциональной морфологии русского языка (А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, И. И. Резвин, В. Г. Руделёв, Е. И. Шендельс). Новейшим исследованием этой проблемы является книга Н. В. Перцова «Инварианты в русском словоизменении» [Перцов 2001]. Теория общих значений в грамматике не является единой. Для определения семантических инвариантов грамматических форм используются различные методические приёмы. Поэтому при анализе одних и тех же фактов получают различные результаты. В рамках этого методического направления, а также вне его, постепенно сложилось критическое отношение к первоначальному пониманию морфологических корреляций только как бинарных оппозиций. Критика абсолютизации привативных оппозиций в морфологии содержится в работах Б. Н. Головина [Головин 1962, 29–37], Е. И. Шендельс [Шендельс 1962, 49–55], А. В. Бондарко [Бондарко 1981], Е. Кржижковой [Křížkova N. 1964, 203–213], М. Докулила [Докулил 1978], В. И. Кодухова [Кодухов 1974], С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972], Е. Н. Засориной [Засорина 1974], В. Г. Адмони [Адмони 1973, 14–23], М. А. Шелякина [Шелякин 1977] и других авторов. Хотя анализ семантического содержания грамматических категорий на основе понятия семантического инварианта не сложился в законченную методологическую систему [Засорина 1974, 105; Степанов 1975], тем не менее опыт использования оппозиционного анализа с целью нахождения семантических инвариантов в морфологии представляет большой интерес. В своё время они открыли новые аспекты исследования в области грамматической семантики. Как отмечает А. В. Бондарко, «теория грамматических оппозиций далеко не исчерпала возможностей своего развития. Думается, что её дальнейшей разработке может лишь способствовать включение темы оппозиций в более широкую проблематику типологии отношений между элементами категориальных структур» [Бондарко 1983, 19]. Наибольший интерес представляет изучение функционирования грамматических форм слова в различных условиях контекста и исследование семантической структуры словоформ в этом аспекте. Важнейшим понятием, на основе которого осуществляется функционально-семантическая классификация грамматических форм слова, является представление о семантическом потенциале грамматических форм, то есть «комплексе регулярных и устойчивых семантических функций данной формы» [Бондарко 1983, 18]. Разработанная А. В. Бондарко методика определения семантического потенциала грамматических форм заключается в следующем: 1) учитывается не один семантический признак грамматической формы, а целый ряд таких признаков; 2) принимаются во внимание разные типы отношений к данному признаку (в том числе тот случай, когда этот признак может быть выражен,

но не является постоянным для грамматической формы); 3) установление семантических признаков строится прежде всего на учёте сочетаемости грамматических форм с элементами грамматически значимого контекста [Бондарко 1971, 11]. Данные методологические принципы А. В. Бондарко использовал при семантической классификации грамматических форм вида и времени русского глагола. Он учитывал следующие типы отношений грамматических форм к классификационным семантическим признакам: 1) признак выражается данной формой всегда, постоянно – в таблице знак +; 2) признак может быть выражен, но может быть и не выражен: $\bar{+}$; 3) возможность выражения данного признака ограничена особыми условиями, в частности синтаксическими и лексическими: $(\bar{+})$; 4) ограничена возможность невыражения признака: $(\bar{-})$; 5) выражение признака данной формой исключено –. Например, такой функциональный анализ позволил автору выделить следующие дифференциальные признаки форм вида: целостность действия (Ц), процессность (Проц.), локализованность действия (Л), длительность (Д), наступление действия (Наст.), последовательность (Посл.) и одновременность (Одн.) действия [Бондарко 1971, 12–16]. Отношение форм совершенного и несовершенного вида представлены в следующей таблице [Бондарко 1971, 16].

Таблица 2

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ВИДА

Семантические признаки Виды	Ц	Проц.	Л	Д	Наст.	Посл.	Одн.
Совершенный	+	-	$(-)$ +	$(\bar{-})$	$(-)$ +	$(-)$ +	$(\bar{-})$
Несовершенный	$(\bar{-})$	$\bar{-}$	$\bar{-}$	$(\bar{-})$	- $(+)$	- $(+)$	$(-)$ +

На таких же методических принципах автор строит семантическую классификацию и других грамматических форм глагола.

Теория грамматического значения получила глубокое освещение в «Теории функциональной грамматики», изданной в 6-ти томах под научной редакцией А. В. Бондарко [1987–1996], а также в книге «Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка» [Бондарко, 2002].

Эталонные семантические классификации использовались также и при описании семантики частей речи. В. Брёндаль, опираясь на логический анализ значений частей речи на основе категорий Аристотеля, пришёл к выводу, что в категориальной семантике частей речи отразились в различной комбинации только четыре основные логические категории: субстанция, количество, качество и отношение [Brøndal Viggo 1928, 1948]. Подробный анализ семантической классификации частей речи Брёндалем дан в книге А. Н. Савченко «Части речи и категории мышления» [Савченко 1959, 9–17]. Автор пишет: «Основные логические категории, по мнению Брёндаля, могут выражаться в языке либо в чистом виде, каждая в отдельности, либо в сочетании по две, три и даже четыре категории» [Савченко 1959]. Брёндаль описывает систему частей речи фактически на основе эталонной семантической классификации. «Объект (relatum) автор обозначает буквой R, отношение (relator) – r, количество (descriptum) – D, качество (descriptor) – d» [Савченко, 10]. В соответствии с этим он определяет следующие теоретически возможные классы слов: 1) четыре наиболее абстрактных класса, выражающие четыре категории: R, r, D, d; 2) шесть конкретных классов, выражающих сочетание двух категорий: Rr, Dd, Rd, rD, RD, rd; 3) четыре сложных класса: Drd, DRd, rRd, rDr; 4) один недифференцированный класс: rRDd [Brøndal Viggo 1948, 87; Савченко, 10]. Применяя подобную эталонную семантическую классификацию к реальным частям речи, Брёндаль разрушает традиционную систему частей речи и создаёт новую, достаточно субъективную. Так, наиболее абстрактными и соответственно основными в его классификации являются: имена собственные как особая часть речи, слова которой обозначают предмет без всякой качественной характеристики (R); имена числительные, обозначающие количество (D); наречия, обозначающие качество (d); предлог, выражающий отношение (r). Имя нарицательное выражает сочетание категории субстанции и качества и равняется сочетанию имени собственного и наречия (Rd), глагол выражает отношение и качество и равняется сочетанию предлога и наречия (rd); местоимение выражает предмет и количество и равняется сочетанию имени собственного и числительного (RD) [Brøndal Viggo 1948, 89–100; Савченко, 11]. Подобная семантическая классификация не лишена оригинальности и смысла, однако строится только на логических основах и не учитывает категории языкового мышления, которые И. И. Мещанинов называл «понятийными категориями языка» и «грамматическими понятиями» [Мещанинов 1978, 236–242].

1.2.2. Функционально-семантическая классификация и принцип поля

Наибольшее распространение в отечественной грамматике имеют морфологические классификации, основанные на теории грамматической категориальности. основоположниками этой теории являются А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов. Глубокий анализ их грамматических концепций с позиций современной теоретической морфологии содержится в работах А. В. Бондарко [Бондарко 1971; 1976], Т. В. Булыгиной [Булыгина 1977; 1980], Е. В. Клобукова [Клобуков 1979], И. С. Милославского [Милославский 1981]. Теория грамматической категориальности получила дальнейшее развитие в современной функциональной грамматике, в теории понятийных или функционально-семантических категорий. На основе этой теории были разработаны и новые принципы классификаций в морфологии: функционально-семантические категории и соответствующие им функционально-семантические поля. Разноуровневые единицы, классы и категории объединяются на основе общей семантической функции (языковой понятийной категории) в функционально-семантическое поле. В исследованиях А. В. Бондарко теория функционально-семантических полей разрабатывалась на основе функционально-семантических категорий, соотносительных с грамматическими категориями русского глагола. В основе этой теории лежат два принципа: 1) принцип семантической общности как основы группировки языковых явлений (А. В. Бондарко опирается на концепцию Ф. Брюно, теорию понятийных категорий О. Есперсена [Есперсен 1958] и И. И. Мещанинова [Мещанинов (1945) 1978], исследование категории модальности В. В. Виноградова [Виноградов (1949) 1975], см. также о данном методе в книге Ю. С. Степанова [Степанов 1975, 18–28; 1981, 36]); 2) принцип поля (теория поля в отечественной грамматике разрабатывалась В. Г. Адмони [Адмони 1964], Е. В. Гулыгой и Е. И. Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969], С. Г. Щуром [Щур 1974], чехословацкими учёными [Daneš 1966; Leška 1964; Vachek 1964]. А. В. Бондарко так определяет понятие функционально-семантического поля: «Функционально-семантические поля – это языковые группировки, которым присущи следующие черты: 1) наличие у языковых средств, входящих в данную группировку, общих инвариантных семантических функций; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов – грамматических и лексических; 3) структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки: а) членение «центр (ядро) – периферия», б) постепенные переходы между компонентами данной группировки и разными группировками, частичные пересечения, «общие сегменты»» [Бондарко 1971, 204]. Полевой структурой характери-

зуются, например, функционально-семантические категории темпоральности, аспектуальности, персональности, залоговости, модальности [Бондарко 1971; 1983]. А. В. Бондарко подчёркивает, что необходимо различать: «а) поле как особый тип системы – группировки, связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности, то есть поле как объективную данность» [Бондарко 1971, 205] (см. также [Адмони 1973, 49]); б) «принцип поля, то есть подход к фактам языка с точки зрения теории поля как отражения этой объективной данности в приёмах лингвистического анализа <...> принцип поля представляет одну из сторон системного (в частности, структурно-функционального) анализа языковых фактов» [Бондарко 1971, 205]. Он отмечает, что «применение принципа поля в грамматике встречается с серьёзными трудностями», так как «возникает опасность абсолютизации и гиперболизации понятия поля» [Бондарко 1971, 223]. «Приложение термина «поле» ко всевозможным языковым явлениям без необходимого основания приводит к возможности дискредитации лишь начинающего складываться способа описания языковых фактов в общих рамках системного анализа <...> О поле целесообразно говорить лишь при всей полноте признаков, существенных для этого понятия по принимаемому определению, причём применительно к определённом типу группировок языковых фактов, а не к отдельным фактам, явлениям, единицам. Важно проводить различие между полем и полевой структурой (структурой поля), те или иные стороны которой действительно свойственны множеству языковых явлений, например частям речи, морфологическим категориям, парадигмам, словообразовательным разрядам и т.д.» [Бондарко 1971, 223]. В то же время А. В. Бондарко считает, что части речи и лексико-грамматические разряды не являются полями. Это верное положение требует дальнейшего обсуждения и исследования (см. об этом во 2 и 3 главе). Для описания класса единиц, выделяемых по семантической общности и имеющих полевую структуру, но не являющихся функционально-семантическими полями, необходимо разработать собственную систему понятий и основанную на ней методику. В сфере морфологии эта задача наиболее актуальна в отношении классификации грамматических категорий, частей речи и лексико-грамматических разрядов слов внутри одной части речи. Принцип семантической общности и принцип поля, которые лежат в основе функционально-семантических классификаций, нуждаются в конкретизации относительно той сферы языка, которые при этом изучаются. В своё время мы описали своеобразие семантической общности и особенности полевой структуры одного из разрядов имён существительных – вещественных существительных [Яцкевич 1970], а также класса единиц со значением предметности (субстантивов) [Яцкевич 1984]. В результате мы пришли к выводу, что

данные группировки относятся к морфологически значимым лексико-семантическим полям (вещественные существительные) и к морфологически значимым ономаσιологическим полям (номинативный класс со значением предметности). Они существенно отличаются от своему устройству от функционально-семантических полей в указанном выше смысле.

Предварительно отметим, что части речи, действительно, не являясь функционально-семантическими полями, тем не менее включаются в структуру коммуникативно-смысловых полей, компоненты которых объединяются на основе определённых грамматических концептов, обобщённо представляющих основные коммуникативно-смысловые категории языка. Если «**функционально-семантическое поле** – это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко 1983, 40], то **коммуникативно-смысловое поле** – это двустороннее (формально-содержательное) единство слов и эквивалентов слов данного языка, являющихся средством выражения определённого грамматического концепта, соотносительного с той или иной частью речи. Методической основой рассмотрения коммуникативно-смысловых полей, ориентированных на грамматические концепты частей речи, является функционально-типологическая классификация [Яцкевич 1987].

1.2.3. Функционально-типологическая классификация

Данный принцип классификации был разработан и использован нами при классификации функциональных типов парадигм в русской морфологии [Яцкевич, 1987; 1988].

Функционально-типологическая классификация по своей сути является естественной классификацией языка, её принципы отражают морфологическую систематику языка. Инвариантом такой классификации является дискретно структурированная единица грамматического строя (морфема, словоформа, морфологическая парадигма лексем, лексема, эквивалент лексем), характеризующаяся определённой структурой и функциональной спецификой. Например, флексии в словах *жена*, *вельможа* и *сирота*, несмотря на материальное тождество, функционально не однородны, с их помощью образуются словоформы различного функционального типа, которые включаются в различные типы парадигм: в слове *жена* флексия *-а* оформляет словоформу грамматического женского рода (*моя жена*), в слове *вельможа* флек-

сия -а оформляет словоформу грамматического мужского рода (*важный вельможа*), а в словоформе *сирота* флексия -а оформляет словоформу общего рода, то есть такую словоформу, которая в различных условиях контекста подвергается грамматической мутации, внутреннему преобразованию, и соответственно является то словоформой мужского рода (*Он круглый сирота*), то словоформой женского рода (*Она круглая сирота*). Таким образом, перед нами не одна флексия, а различные флексии с неодинаковой функционально-типологическим статусом.

Вопрос о мнимых тождествах в морфологии связан с проблемой асимметрического дуализма языкового знака [Карцевский (1924) 1975] и проблемой дискретного и недискретного в языке [Степанов 1975, 52–54; Булыгина 1977, 43–73]. Впервые этот вопрос во всей своей сложности был поставлен А. А. Потепнёй. Учение А. А. Потепни о функционально-семантических основах определения грамматических форм слова и их системной взаимосвязи является существенным вкладом в развитие морфологической теории. Его концепция грамматической категориальности, его исследование различных типов асимметрии плана выражения и плана содержания в морфологии получила дальнейшее развитие в различных направлениях современной грамматики. Вместе с тем функционально-семантический принцип выделения отдельных грамматических форм в морфологической системе языка в том виде, в каком он был предложен А. А. Потепнёй, почти не получил практического применения в конкретных морфологических описаниях. Учёный писал: «Необходимо твёрдо знать, что при счёте форм должно стремиться к тому, чтобы считать за единицу действительную форму, а не абстракцию. Всякое употребление творительного есть новый падеж, так что, собственно, у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного. Сколько именно таких особых употреблений и вообще сколько падежей в современном русском или другом языке, — это вопрос не из тех, которые можно предлагать детям в школе, так как и сами учёные в этом между собой не согласны» [Потепня 1958, 64]. Непризнание указанного принципа в практике грамматических описаний языка объясняется, в частности, тем, что А. А. Потепня только поставил проблему семантического динамизма грамматических форм слова, «предупреждая систематическое решение таких вопросов» [Потепня 1958, 64]. Решить их нельзя, пользуясь только такими понятиями, как грамматическая многозначность и омонимия, так как они не в состоянии отразить всего многообразия системных отношений в сфере грамматической семантики. Не может быть решена эта проблема и на основе теории нейтрализации, которая может объяснить только часть фактов, связанных с явлением неоднородности, неоднотипности морфологического строя русского языка. Методическая

недостаточность этих понятий убедительно доказана в исследовании Т. В. Булыгиной [Булыгина 1977, 153–204]. Интересный в аналитическом плане методический подход предлагается в статье В. А. Жеребкова и Л. Н. Балаганиной «Понятие мнимости как средство объяснения языковых фактов» [Жеребков, Балаганина 1984]. Лингвистическое понятие мнимости отражает существующие в языковой системе псевдокорреляции, для которых характерно следующее: 1) они состоят из исходного факта и псевдофакта, который «действительно похож на этот исходный факт, хотя и не тождествен ему, а в ряде случаев аномален по отношению к нему»; 2) они «предполагают разноуровневость соотносительных единиц и явлений, которая может быть самой различной: аффиксально-корневой, морфолого-синтаксической, синтаксико-морфологической и т. д.» [Жеребков, Балаганина 1984, 57]. В качестве примеров авторы рассматривают псевдоосновы, квазиморфемы, псевдоформы инфинитива, перфекта и другие явления (преимущественно на материале немецкого языка). Однако для конструктивной теории морфологических классификаций данный методический принцип может быть использован только на начальном, аналитическом этапе исследования.

Перспективными для развития теории функционально-типологических классификаций представляются идеи Ю. С. Степанова о наличии в языке более обобщённых или более глубинных по сравнению с грамматическими категориями формально-семантических категорий [Степанов 1975, 20–28], которые отражают принцип структурной иерархии: «Категориям большей обобщённости или большей «глубины» соответствует дистрибуция на больших линейных отрезках» [Степанов 1975, 20]. Такой принцип «укрупнения грамматики позволяет выделить слои грамматики или несколько грамматик в системе одного языка» [Степанов 1981, 331–343]. Автор пишет: «Слоем или пластом в грамматике мы назовём сочетание (а также предрасположенность к сочетанию) имени определённого морфологического строения с глаголом или вообще с предиктом определённого строения. Таким образом, понятие слоя в грамматике устанавливается на формальной, или морфологической, основе, но формальному различию классов слов соответствуют определённые различия в семантике» [Степанов 1981, 331–332].

В русле функционально-типологических классификаций находятся также идеи И. И. Ревзина о формальном и функциональном распространении грамматических категорий в языке [Ревзин 1977], методика исследования и описания динамики структуры современного русского языка, исследования В. Г. Руделёва, а также работы, выполненные под его руководством [Руделёв 1976; 1979], мысли Р. А. Будагова о субстанциональном подходе к грамматике [Будагов 1980].

В чём заключается отличие функционально-типологической классификации от функционально-семантической, рассмотренной выше? Если функционально-семантическая классификация определяет семантические инварианты в грамматике и выявляет их структурно-языковую вариативность – «многообразные структурные типы грамматической семантики» [Бондарко 1983, 17], то функционально-типологическая классификация находит структурно-морфологические инварианты в грамматике и выявляет их функционально-семантическую вариативность. Если в задачи функционально-семантической классификации входят поиски функционально-семантических категорий (семантических типов, понятийных категорий языка) и полей, отражающих межуровневую структуру грамматического строя языка, то задачей функционально-типологической классификации является поиск субстанциональных (структурных) типов грамматических единиц и их группировок, которые также отражают межуровневую структуру грамматического строя. Следовательно, функционально-типологические инварианты, так же, как и функционально-семантические, обнаруживают межуровневые отношения в грамматическом строе языка. Но это отношения иного типа. Основной особенностью такой классификации является её многомерность, то есть использование в ней разнопорядковых (разноуровневых) признаков и учёт ориентировки этих признаков относительно друг друга. Это позволяет построить динамичные, нежёсткие, открытые классификационные инварианты, отражающие естественную классификацию языка, её грамматическую политипологичность. Такой способ классификации подсказан самой практикой традиционных описательных грамматик, а также сопоставительно-типологическими исследованиями, опирающимися на классификационные инварианты субстанционального типа.

В основе функционально-типологической классификации лежат три принципа: 1) субстанциональная общность единиц одного класса, определяемая местом в парадигматической и синтагматической системе языка, 2) разноаспектность (разноуровневость) интегральных признаков единиц одного класса, отражающая их межуровневые связи в естественной систематике языка, 3) соответствие такого класса единиц одному грамматическому концепту. Таким образом, *к одному функционально-типологическому классу относятся единицы, обладающие тождественной системой разноаспектных интегральных признаков, имеющие тождественные парадигматические и синтагматические отношения с другими единицами и выражающие один и тот же грамматический концепт или одно и то же сочетание концептов.*

Система частей речи и их категориальные значения будут рассмотрены во второй и третьей главах на данной методологической ос-

нове. Однако первоначальная классификация категориальных значений частей речи должна иметь коммуникативные основания.

1.2.4. Коммуникативно-смысловые классификации в морфологии. Грамматические концепты

Коммуникативно-смысловые классификации получили широкое распространение во второй половине XX века, хотя, безусловно, основы данного типа классификаций были заложены ранее в работах А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова в России, К. Бюлера, О. Есперсена, Г. Гийома, Е. Куриловича за рубежом. Наиболее последовательно эти классификации стали применяться в функциональной лингвистике последних десятилетий. Наибольшую значимость они приобрели в теории разговорной речи, коммуникативных грамматиках, психолингвистике, когнитивной лингвистике.

Процесс речевого общения (речевой коммуникации) имеет свои грамматические основы, то есть свои строевые элементы, которым подчинены грамматические категории языковой системы. Поэтому термин «коммуникативная грамматика» имеет два значения. Во-первых, это система коммуникативных категорий, отражающих строение речевого акта, речевой коммуникации. Во-вторых, это аспект грамматического строя языка, отражающий коммуникативные свойства грамматических единиц; такая коммуникативная грамматика рассматривает грамматический строй языка как открытую нежесткую систему, обладающую функциональной гибкостью в процессе речевой деятельности. Обе коммуникативные грамматики взаимосвязаны: основные коммуникативные категории речи объективируются в грамматических категориях языковой системы, а функционирование грамматических категорий языка обусловлено коммуникативными категориями речи. Следует отметить, что коммуникативная грамматика не имеет пока стабильного понятийного аппарата и сложившихся методических традиций. На это обращают внимание лингвисты, занимающиеся данными проблемами [Николаева 1979, 8, 10; Золотова 1982, 337; Кубрякова 1999; Селиверстова 2002].

К общенаучным факторам, повлиявшим на становление коммуникативной грамматики и когнитивной лингвистики, следует отнести возникновение и бурное развитие теории коммуникации и информации как составной части любой сферы человеческого познания. В системе научного знания сформировалось представление об обязательной ориентации процессов коммуникации на ситуацию общения, то есть на её участников, место и время. См., например, [Рассел 1957; Ревзин 1972; Вальков 1980; Яцкевич 1987]. Изучение информационных про-

цессов, различных видов коммуникации создало предпосылки для более глубокого осознания важнейших коммуникативных категорий языкового общения. Поэтому одним из основных принципов грамматического анализа языка должен быть **принцип коммуникативной относительности**. Ю. С. Степанов справедливо отмечает: «Согласно современным лингвистическим представлениям, акт речи с его центром – говорящим человеком – является ядром всей системы языка» [Степанов 1975, 139].

Тем не менее приходится констатировать, что системный коммуникативный анализ морфологии и методы коммуникативно-смысловой классификации морфологических единиц до сих пор в лингвистике не разработаны. Вместе с тем исследования в области коммуникативной грамматики активно развиваются [Золотова 1982; 1998; Ван Дейк 1989 и др.]. А. Б. Бондарко, развивая идеи предшественников, в частности А. М. Пешковского, разработал классификацию морфологических категорий с точки зрения их коммуникативной значимости. Он выделил категории актуализационного типа и неактуализационного типа [Бондарко 1976].

Актуальной задачей коммуникативной и когнитивной грамматики является разработка методов коммуникативно-смысловой классификации слов по частям речи.

Существование частей речи в индоевропейских языках относится к числу **аксиом**, несмотря на то, что время от времени эта аксиома подвергается сомнению некоторыми учёными. Так, как отмечает В. Г. Гак, «трудности выделения ЧР побуждали некоторых лингвистов отказаться от этого понятия. Например, Брюно [Brunot 1965] считал, что это понятие – схоластика, от которой надо избавиться» [Гак 2000, 93]. Вместо этого он рассматривал ономаσιологические понятия, «очищенные от грамматической формы»: предметы, качества, действия [Гак 2000, 94]. В некоторых направлениях структурной грамматики понятие частей речи заменяется понятием «функциональных классов», «дистрибутивных классов» [Martinet 1979; Гак 2000, 94], позиционно-дистрибутивных классов [Блумфилд 1968; Fries 1952].

Существуют неоднократные попытки пересмотра и самого термина, унаследованного из античных грамматик (лат. *Partes orationis*). Предлагаются, например, такие термины, как: франц. «parties de langue» – «части языка» (Гийом), «categories lexicales» – «лексические категории» (Балли), «classes grammaticales» – «грамматические классы» (Дюбуа) [Гак 2000, 95].

Однако неоднократно отмечалось [Гак 2000, 95; Блох М.Я. 2000, 64], что все критики понятия «части речи», как правило, пользуются этими традиционными терминами: «существительное», «прилагатель-

ное», «глагол» и др. Этот факт показателен и свидетельствует ещё раз об **аксиоматическом** характере данного понятия.

Именно этим объясняется тот факт, что категориальное значение части речи, являющееся основой данного языкового феномена, до сих пор не исследовано так, как этого оно заслуживает. В академических и вузовских грамматиках такая проблема даже не ставится, в то время как семантика морфологических категорий частей речи в них представлена достаточно глубоко. Следует согласиться с М. И. Стеблин-Каменским, который писал: «Нам, лингвистам, едва ли целесообразно, уподобляясь страусам, прятаться от того факта, что наши познания в области природы слова, и в частности его грамматической природы, ещё не достаточно глубоки для того, чтобы можно было построить грамматическую классификацию слов в научном смысле этого слова... Распределяя слова по частям речи, т. е. утверждая, что среди слов есть так называемые существительные, прилагательные, глаголы и т. д., мы, примерно, делаем то же самое, как если бы мы, суммируя то, что мы знаем об окружающих нас людях, сказали, что среди них есть блондины, есть брюнеты, есть математики, есть профессора, а есть и умные люди...» [Стеблин-Каменский 1974].

Безусловно, существует большая литература по этому вопросу, части речи изучены основательно во всех языках. Новейший обзор по этой проблематике можно найти, например, в книге В. А. Плуногьяна «Общая морфология» [Плуногьян 2003.] Однако **собственный статус категориального значения части речи** по-прежнему остаётся в лингвистике неопределённым. Значения частей речи описываются или в категориях философии, которые в данном случае рассматриваются как ономаσιологические (предметность, признаковость, процессность и т.д.), или в терминах теории морфологических категорий, то есть указываются морфологические признаки части речи (род, число, падеж, например), или в синтаксических терминах, то есть указываются синтаксические функции и синтаксические связи в предложении и словосочетании (подлежащее, сказуемое, определение и т.д., функциональные классы, дистрибутивные классы). Всё это не противоречит свойствам частей речи, но является лишь внешним проявлением их категориальных значений. Это та среда, в которой обнаруживаются эти значения. В силу этого формальные определения частей речи возможны, но они не раскрывают их собственную языковую природу.

О семантическом статусе части речи необходимо говорить исходя из её **внутренних свойств** как особого языкового образования. Части речи, как словесные грамматические категории, соотносительны со словообразовательными, морфологическими и синтаксическими категориями, но они имеют и свой языковой статус, который связан с коммуникативной и сигнификативной функциями языка. В отечественной

грамматической традиции на это обратили внимание А. А. Потебня и А. А. Шахматов, А. М. Пешковский. А. А. Шахматов так определял части речи: «Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи» [Шахматов 1941, 420]. Напомним, что предложение он понимал как «единицу речи, воспринимаемую говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащую для словесного выражения единицы мышления» [Шахматов 1941, 19]. Психологической основой предложения А. А. Шахматов считает «тот особый акт мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений», этот акт он называет **коммуникацией** [Шахматов 1941, 19]. Таким образом, части речи он выводил из коммуникации, а коммуникация фактически понималась как акт словесной предикации. Нам представляется важным установление связи между этими явлениями языка. Несмотря на многолетнюю критику коммуникативной теории частей речи А. А. Шахматова, такой подход получил широкое распространение в современной функциональной грамматике. Д. А. Штелинг отмечает: «Несомненным достижением современного языкознания является то, что в нём большое внимание уделяется коммуникативной функции языка, а в широком смысле функциональная грамматика и есть такое описание речевых произведений, которое стремится вскрыть динамический характер языковой системы» [Штелинг 1996, 9].

И. И. Мещанинов, развивая идеи А. А. Потебни и А. А. Шахматова, выдвигает идею **понятийных категорий языка**, которая, с одной стороны, ориентируется на коммуникативно-смысловые функции частей речи и членов предложения в языке и речи, а с другой стороны, учитывает их формальные, морфологические и синтаксические, категории. И. И. Мещанинов пишет: «Такое формальное выделение тех или иных языковых категорий является результатом того выделения, которое уже существует в отдельном их восприятии как особо воспринимаемых в сознании общественной среды. То, что осознаётся как единое целое, как единая категория, и получает свои формально отличительные показатели. И если эти последние, то есть отличительные формальные показатели, выявляются в **грамматических категориях** (здесь и далее курсив наш. — Л. Я.), то лежащие в основе их **семантически** выделяемые в языке *категории* можно было бы назвать понятийными категориями» [Мещанинов (1945) 1978, 236–237]. Автор указывает, что «вовсе не все выявляемые в языке понятия» имеют грамматическую значимость. Он выделяет особо «формально характеризованные в языке понятия», которые он не отождествляет с грамматическими категориями и называет их «**грамматическими понятиями**» [Мещанинов 1978, 237]. В итоге автор даёт такую схему характеристики понятийных категорий: «1) **понятийная категория**

выявляется в семантике слов, в синтаксических построениях и в оформлении слова, 2) синтаксически и морфологически выявляемая **понятийная категория** становится **грамматическим понятием**. 3) **грамматические понятия**, выявляясь в синтаксическом строе и морфологии, должны получать в них свои **грамматические формы**. 4) **грамматические формы**, образующие в языке определённую систему, выделяют те **грамматические категории**, по которым происходит деление на **члены предложения** и **части речи**» [Мещанинов 1978, 239].

Теория понятийных категорий И. И. Мещанинова по-разному трактуется в последующих работах по теории грамматики. Существенное развитие его идеи получила в исследованиях А. В. Бондарко, в его теории функционально-семантических категорий языка. Понятийные категории И. И. Мещанинова он трактует как интегральные семантические функции, объединяющие единицы различных уровней языка и имеющие грамматическое ядро – грамматическую категорию [Бондарко 1971; 1983].

Мы обратили внимание на то, что И. И. Мещанинов, наряду с термином «**понятийные категории**», употребляет термин «**грамматические понятия**». Эти термины не являются для него синонимами, о чём свидетельствуют приведённые выше цитаты, а также следующее высказывание: «Таким образом, **понятийные категории** могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, и, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся **грамматическими понятиями**» [Мещанинов (1945) 1978, 238]. Итак, если соотнести употребляемые И. И. Мещаниновым термины, то получается следующая терминологическая система: 1) «**семантически выявляемые в языке категории**» = «**понятийные категории**»; 2) «**грамматически выявляемые понятийные категории**» = «**грамматические понятия**»; 3) «**грамматические понятия**» имеют в морфологии и синтаксисе «**свои грамматические формы**»; 4) «**система грамматических форм**» = «**грамматической категории**»; 5) на основе **грамматических категорий** выделяются **члены предложения** и **части речи**. В данной терминологической системе центральное положение занимает термин «**грамматическое понятие**», поскольку все остальные термины соотносятся друг с другом только через него. Эта закономерность прослеживается на протяжении всей работы И. И. Мещанинова. Представляется, что термин «**грамматические понятия**» в лингвистической литературе не получил должного внимания. Мы считаем, что актуальной задачей теоретической грамматики является дальнейшее уточнение и теоретическое обоснование содержания этого важного термина. Особенно важно такое исследование для теории категориальных значений частей речи, которая в должной степени до сих пор

не разработана. Поскольку термин «грамматическое понятие» нередко отождествляют с терминами «грамматическое значение» и «грамматическая категория» (И. И. Мещанинов эти понятия принципиально разграничивает, как это было показано выше), а также в силу новой проблематики, далее в нашей работе мы используем термин *«грамматический концепт»*.

Специфика теории понятийных категорий и грамматических понятий (раздел книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» так и называется «Понятийные категории и грамматические понятия» [Мещанинов (1945) 1978, 236]) заключается в том, что она была разработана применительно к сравнительно-сопоставительному изучению членов предложения и частей речи в языках различного типа. Если сосредоточиться на изучении грамматических понятий в грамматической системе одного языка, то возникает необходимость в теоретическом обосновании этого термина применительно к данному языку. Мы будем исходить из того, что для каждого языка существует определённый тип грамматического мышления, единицами которого и являются грамматические понятия или грамматические концепты, которые воплощаются в грамматическом строе языка, в системе его частей речи.

Представляется, что определить языковой статус категориального значения частей речи как грамматических классов слов можно исходя из того, как понимается их основное назначение в процессе языковой коммуникации. О необходимости первостепенного учёта коммуникативной функции языка писал М. М. Бахтин: «Методологически совершенно недопустимо ставить коммуникативную функцию языка рядом с другими его функциями (экспрессивной, номинативной и пр.). Коммуникативная функция вовсе не является одной из функций языка, но выражает само существо его: где язык – там и коммуникация. Все функции языка развиваются на основе коммуникации, являясь лишь оттенками её. Нет выражения эмоций и аффектов вне сообщения их: выразить себя в слове – значит сообщить себя. Далее и названия (номинации) вне сообщения не существует. Нет и становления мысли вне сообщения и речевого воздействия. Мысль становится, дифференцируется, уточняется, обогащается лишь в процессе становления, дифференциации и расширения обобщения» [Бахтин 2000, 587–588].

Кратко формулируем основную проблему нашего исследования. **Основное назначение частей речи – осуществлять коммуникативную проекцию познаваемых объектов и отношений в наше языковое сознание и выражать грамматические концепты.** Что такое коммуникативная проекция? И как понимать «языковое сознание» и «грамматические концепты»?

Коммуникативная проекция – это способ передачи сообщения от человека к человеку путём грамматического моделирования содержания этого сообщения, то есть представления его в виде грамматических знаков с постоянной семиотической нагрузкой – грамматических концептов. Так, слова *дом, река, дерево, лодка, мальчик*, несмотря на различие реальных значений, грамматически моделируют эту информацию одинаково, имеют одну и ту же коммуникативную проекцию, один грамматический концепт, которые отличаются, например, от коммуникативной проекции и грамматического концепта слов *домашний, речной, деревянный* и т. д. **Языковое сознание** говорящих на одном языке имеет общее строение, которое формируется сложившимися **грамматическими концептами**, а они лежат в основе категориальных значений частей речи. Для данного языкового сознания они имеют аксиоматический характер и их нельзя отменить или заменить произвольно, по воле говорящего. Таким образом, нельзя передать полноценное сообщение, минуя выражение грамматических концептов и не распределяя слова этого сообщения по частям речи. Облигаторный, т. е. обязательный, характер частей речи и делает их КЗ грамматическими. Их грамматический характер связан также и с тем, что ЧР – это формальные классы слов, имеющие свою морфологическую структуру и свои синтаксические связи и функции в предложении.

Проекционный схематизм слов как лексических единиц [Вальков 1988], рассматриваемый в работах К. И. Валькова (Вальков 1995; 2002), отличается от исследуемого здесь **проекционного схематизма частей речи**. Если проекционный схематизм слова как лексической единицы предполагает его соотнесённость в бесконечном множестве речевых актов с бесконечным множеством реальных объектов (ср. *яблоко*) или, в другом случае, с бесконечным множеством субъективных толкований и понятий (ср. *свобода*), то проекционный схематизм частей речи выполняет иные функции. Он соизмеряет и формирует передаваемую и получаемую в предложении информацию по принципам естественной классификации, которые и определяют формы языкового мышления в сфере грамматики – грамматические концепты. Естественная классификация по частям речи соответствует, по нашему мнению, тому **«общему, достаточно простому принципу семантической и структурной организации языка»** [Штелинг 1996, 10], который делает возможным воспринимать и усваивать всю его безграничную сложность. «Единый принцип организации всей системы, разнообразно преломляясь и видоизменяясь, пронизывает все частные закономерности языка в разных звеньях его системы – в частях речи, в грамматических категориях, в словосочетаниях и т.п.» [Штелинг 1996, 11]. Следует отметить, что естественная классификация, соответствующая общему семантическому принципу структурной организации,

отличается от естественной классификации, которая основана на разнородных принципах. О естественной классификации второго типа писал в своё время Л. В. Щерба, а позже А. В. Бондарко (см. выше).

Общим семантическим принципом классификации частей речи является **способ участия в процессе коммуникации**. Дифференциация по этому признаку и привела к грамматической классификации по частям речи, а «основой всех основ являются цельные, нерасчленённые представления» [Пауль 1960, 424]. Доказательством существования этого принципа является и такое широко распространённое явление, как переход слов одной части речи в другую часть речи, разнообразные виды транспозиции частей речи. Без единого функционально-семантического основания классификации слов по частям речи – их коммуникативного назначения в высказывании – это было бы невозможно.

Основной целью данной книги является исследование категориальных значений частей речи как языковых форм мышления и коммуникации, то есть грамматических концептов, имеющих общие принципы семантической организации в каждом языке. В задачи книги входит также описание положения категориального значения частей речи в структуре языка и наблюдение над их функционированием и эволюцией.

ГЛАВА 2

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ФОРМЫ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ И КОММУНИКАЦИИ

В данной главе рассматриваются категориальные значения частей речи на основе общих принципов языкового мышления и коммуникации. К таким принципам относятся: **коммуникативная ориентация, логоцентризм, антропоцентризм и культурная значимость**. Они отражают основные важнейшие аспекты языка как сложного семиотического образования.

2.1. Коммуникативный логоцентризм КЗЧР. Способы обобщения и предикации

В XIX и XX вв. логический подход к частям речи неоднократно подвергался критике с разных позиций. Так, широко бытует мнение, что классификация по частям речи не имеет логической последовательности, это стихийная естественная классификация частей речи [Пауль 1960, 415; Щерба 1974]. Г. Пауль писал, что классификация частей речи «не имеет в своей основе последовательно выдержанных логических принципов, она сложилась в результате попыток учесть самые разные стороны проблемы. Поэтому для неё характерна известная произвольность. Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков» [Пауль 1960, 415]. При этом Г. Пауль отмечает, что «нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничения вообще несостоятельны» [Пауль 1960, 415]. Однако вопреки этому категорическому заявлению, Пауль даёт образцы логического анализа семантики частей речи. Например, он так описывает различия в семантике существительных и прилагательных: «Прилагательное обозначает одно простое представление в виде простого свойства предмета, существительное включает в себя целый комплекс свойств» [Пауль 1960, 423]. Интересным является и его функционально-семантический анализ транспозиции частей речи, также объективно свидетельствующий о его логоцентрическом понимании частей речи. Правда, сам Г. Пауль, не предполагая единого коммуникативно-семантического основания в классификации частей речи, сделал такой опрометчивый вывод: «Если принять во внимание, что при обычном разграничении частей речи приходится учитывать весьма разнородные моменты, которые к тому же могут

прийти в столкновение друг с другом, то отсюда следует вполне естественный вывод, что на деле это разграничение вообще неосуществимо. Явления, с которыми при этом приходится иметь дело, настолько многообразны и выступают в стольких различных комбинациях, что классификации из восьми или девяти рубрик тут явно недостаточно. Ведь здесь имеется множество промежуточных ступеней, благодаря которым становится возможным постепенный переход слова из одного класса в другой». И далее Г. Пауль опять фактически говорит о логоцентризме частей речи: «Такого рода переход происходит по аналогии и <...> Проследив за этими переходными случаями, мы одновременно сможем уяснить себе и те причины, которые привели к первоначальной дифференциации частей речи» (выделено нами. – Л. Я.) [Пауль 1960, 418].

Логический анализ категориального значения частей речи даёт много для понимания смысла такой категоризации лексического состава языка. На необходимости сопоставления грамматических и философских понятий настаивал А. А. Потебня. Он писал: «Сопоставления грамматических и философских понятий могут казаться праздными лишь тому, кто полагает, что качество нашей мысли для нас самих не зависит от выражения. Если же о нашей мысли мы знаем по слову, то для нас самих (а не для слушателя только) она рождается и изменяется вместе со словесным выражением» [Потебня 1968, 8]. Далее он рассуждает о том, что именно язык, обобщая явления в грамматических понятиях, создаёт необходимую базу для формирования философских и математических понятий: «Собственно эти исследования (т. е. философские исследования. – Л. Я.) и не были никогда вполне утопичны, так как философы всегда выводили их из языка; но сознательность или бессознательность такого необходимого приёма должна сказаться в его результатах <...>» и далее: «...если язык считает только до трёх или, обладая и более совершенным счислением, он даёт представить число только вещь, вместилищем, то $2 \times 2 = 4$, в смысле группировки отвлечённых единиц, в нём невозможно» [Потебня 1968, 8–9]. А. М. Пешковский справедливо считал, что «части речи есть <...> не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общественной стадии развития» [Пешковский 1956, 74]. Таким образом, оба лингвиста считали, что логоцентризм частей речи не привносится извне, а является собственно языковым явлением.

Логоцентризм теории частей речи восходит к античным временам, прежде всего к философии Платона и Аристотеля. Платон, говоря о тождестве мысли и речи, рассматривал структуру предложений «как движущую силу логических аргументов. ... Именно с этой точки зрения он говорил о том, что впоследствии было интерпретировано как пред-

ложение, имя и глагол» [Лукин 2001, 138–139. См. также: Перельмутер 1980]. У Аристотеля, в соответствии с аксиоматическими принципами его логики, основные обобщающие категории знания соотносятся с категориальной семантикой частей речи в греческом языке [Степанов 1981; Лукин 1999; Алпатов 1999; Арутюнова 1990].

«Наиболее ранние термины, применявшиеся к языку, имели синкретический логико-лингвистический смысл. Термином *logos* обозначались и речь, и мысль, и суждение, и предложение; имя (греч. *Оνομα*) относилось и к классу слов (существительных), и к их роли в суждении (субъекту); глагол (греч. *Rhema*) означал и часть речи, и соответствующий ей член предложения (сказуемое) и т.п.» [Арутюнова 1990, 273–274].

Доказательством логоцентризма частей речи как языковых образований являются категории Аристотеля, которые он считал высшими сущности объективного бытия. Исследователи считают их речемыслительными категориями [Степанов 1981, 121]. Ниже предлагается список категорий Аристотеля (по источнику: [Степанов 1981, 121]):

1. Ὀυσία	Substantia	Сущность (Субстанция)
2. Ποσόν	Quantitas	Количество
3. Ποιόν	Qualitas	Качество
4. Πρός τι	Relatio	Отношение (Соотнесённое)
5. Που	Ubi	Где? (Место)
6. Πότε	Quando	Когда? (Время)
7. Κεῖσθα ι	Situm	Положение
8. Ἐχειν	Habitus	Обладание (Состояние)
9. Ποιεῖν	Actio	Действие
10. Πάσχειν	Passio	Претерпевание (Страдание)

Ю. С. Степанов считает: «Что касается порядка категорий, то нет никаких сомнений в том, что перечень развёртывается в полном соответствии с системой греческого языка – от именных форм к глагольным и одновременно от более независимых к более зависимым: 1 – имя существительное; 2, 3, 4 – имена прилагательные; 5, 6 – наречия и имена существительные в значении наречий; 7, 8, 9, 10 – глаголы, из них 7 и 8 – весьма специфические глагольные категории древнегреческого языка» [Степанов 1981, 125–126]. Он не соглашается с критикой категорий Аристотеля, данных Дж. С. Миллем с точки зрения эмпиризма [Лосев 1962, 475]. Дж. С. Милль пишет: «Этот перечень соответствует просто тем грубым различиям, которые устанавливает между вещами *повседневная речь* (курсив наш. – Л. Я.); в нем нет (или почти нет) попытки проникнуть философским анализом в рациональное основание даже и этих различий» [Милль 1914. 40.] Ю. С. Степанов спра-

справедливо комментирует это так: «Но мы-то видим, что Милль не заметил того действительно *рационального основания*, которое заключено в категориях Аристотеля, – основания, данного *самим языком*» (курсив наш. – Л. Я.). [Степанов 1981, 126].

В средние века логика и грамматика также были тесно взаимосвязаны, что нашло отражение в теории частей речи. В грамматических трактатах того времени различались два направления в трактовке частей речи: логическое, восходящее к Аристотелю, и грамматическое, связанное с Присцианом [Лукин 2001, 141]. «Схоластическая наука V–XIV вв., продолжавшая греко-римскую традицию, не разорвала связи между логикой и грамматикой. Логизация грамматики усилилась в эпоху П. Абеляра (XI–XII вв.), когда было заново открыто наследие Аристотеля. <...> Абельяр подчёркивал, что предложения обозначают не предметы, а состояния предметов. Диктум, как объективная часть значения предложения, соотносится с модусом – операцией, производимой мыслящим субъектом. В XX в. Ш. Балли ввел в лингвистику теорию модуса и диктума» [Арутюнова 1990, 274].

В схоластической науке XIII–XIV вв. в трактовке предложения опирались на идею движения, заимствованную из «Физики» Аристотеля. В грамматической школе модистов (XIII – начало XIV вв., Парижский университет) «предложение понималось как динамический переход от начального пункта (лат. *terminus a quo*), называемого *suppositum* (букв. – подставленное), к конечному пункту (лат. *terminus ad quem*), называемому *appositum* (букв. – присоединяемое). К частям речи, соотносительным с исходной позицией, причисляли существительные и местоимения в им. п., называемые *modus entis* («модус сущего»). К частям речи, соотносительным с конечным пунктом, причисляли глаголы, прилагательные, причастия и наречия, называемые *modus esse* («модус существования, бытия»). Третья из выделенных групп объединяла части речи, выражающие отношения (предлоги, союзы и междометия)» [Арутюнова 1990, 274]. Современные исследователи считают модистов подлинными авторами первой ономазиологической грамматики [Даниленко 1988, 112; Симашко 2001, 163; Лукин 2001]. Наиболее ценным представляется введение в научный оборот понятия «модусы значения», которые понимались, если использовать современную терминологию, как грамматические концепты частей речи. В литературе по истории языкознания они не получили однозначного истолкования [Ольховиков 1985, 107; Даниленко 1988, 112; Симашко 2001, 161–163; Лукин 2001].

В XX в. идеи модистов возродились в теоретических работах французских лингвистов. Выше уже упоминалось о теории модуса и диктума Ш. Балли. Следует в связи с этим обратиться и к работам Г. Гийома, которого «по праву называют «последним и величайшим из

модистов» (Stéfanini J.)» [Скрелина 1997, 35]. Поскольку здесь обсуждается проблема семантики частей речи, то рассмотрим только то, как он рассматривает категоризацию слов по частям речи. Г. Гийом пишет: «Начиная с какого-то момента развития в языках возникает универсальная тенденция к всё более и более формальному и категоричному различению имени и глагола. Это языковое различие имени и глагола тесно связано с ноологическим различием времени и пространства. <...> Любая семантема является результатом двух мыслительных операций, направленных в противоположные стороны: операции выделения (*discernement*) и операции включения (*entendement*). <...> В наших развитых языках за операцией выделения автоматически следует обратная операция, являющаяся в некотором роде её репликой. Абстрагированное из всеобщего в отдельное возвращается обратно во всеобщее. Эта вторая операция <...>: операция категоризации, направленная (при сохранении семантемой достигнутой ею индивидуализации) на пробуждение в мышлении как можно более общей, не привязанной к частному, классификации; **категоризацию выражают части речи** (курсив наш. – Л. Я.). <...> Речь идёт о противопоставлении всеобщего самому себе двумя различными, взаимоисключающими, иначе говоря, антиномическими способами. Это два способа категоризации, генезис которых в мышлении остаётся загадочным, хотя много раз составлял предмет размышлений самых глубоких философов, эти два антиномических способа категоризации универсума суть **пространство и время**. На основании этого можно дать такое определение глагола: глагол – это слово, включение (категоризация) которого завершается во времени; а имя – это слово, включение (категоризация) которого завершается вне времени, следовательно, в пространстве (здесь пространством является всё то, что не является временем)» [Гийом 1992, 116–117]. Исследовательница творчества Г. Гийома Л. М. Скрелина замечает: «В чём устанавливается близость теоретических воззрений модистов и Г. Гийома? Во-первых, в понимании **потенциального** и **виртуального** в языке; во-вторых, в трактовке формирования слов как частей речи в связи мыслимыми областями **Времени и Пространства**...» [Скрелина 1997, 35].

С XIII в. начинают развиваться идеи всеобщей грамматики, также предполагающие логический анализ языка, но в рамках универсализма как особого типа мировоззрения. Например, широкую известность получила «Грамматика Пор-Рояля» (1660), ставшая образцом универсальных грамматик [Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля 1990; Арутюнова 1990, 274]. Это первая научная грамматика, в которой начинается разработка общей теории языка и рассмотрены рациональные основания общего и различного в языках [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975, 201–250].

Первые опыты логического анализа конкретных языков с целью исследования их семантической структуры относятся к XVIII в. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова части речи дифференцируются на функционально-семантических основаниях: по объекту и по способу обобщения: «Посему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именований; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам и деяниям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междуметие для краткого изъяснения движений духа» [Ломоносов 1952, 407]. Следует отметить, Ломоносов употреблял термин не «части речи», а «части слова» («слово» имеет значе. ие *речь*»), и термин «знаменательные» он использовал в значении «выражающие значение, передающие значение». Например: существительные и глаголы «всегда *знаменуют* вещи и деяния», а «предлоги для *знаменования* обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам...» (курсив наш. – Л. Я.) [Ломоносов 1952, 406]. Именно поэтому у Ломоносова все части речи «знаменательные», в смысле коммуникативно значимые. Важно подчеркнуть, что Ломоносовская теория частей речи строится на основе единого коммуникативного, функционального принципа описания, относительно которого и дифференцируются части речи. В XIX в. идеи М. В. Ломоносова развивал И. Давыдов [Поспелов 1954; Савченко 1959]

В XX в. в западноевропейском языкознании неоднократно предпринимались попытки логического анализа категориальных значений частей речи. Это исследования А. Сешез «Очерк логической структуры фразы» [Séchehaye 1926], В. Брёндаля [Brøndal 1948], Р. Магнуссона [Magnusson 1954].

Опыты логического анализа языка с их неоднозначными и неодинаковыми результатами показательны. Они позволяют сделать два разных вывода и принять два различных методологических решения. Одно из этих решений уже неоднократно принималось, когда лингвисты категорически отрицали логоцентризм частей речи. Второе решение представляется нам более конструктивным: логоцентризм в равной мере лежит в основе и грамматических классов слов – частей речи, и сверхклассов слов – коммуникативно-смысловых полей, и субклассов – лексико-грамматических разрядов слов внутри части речи. Таким образом, возникает задача не устранения этого принципа из описания системы частей речи, а исследования того, как этот принцип действует в языковых образованиях различного уровня.

2.2. Грамматические концепты частей речи. Формы их существования в структуре русского языка

Категориальные значения частей речи соотносятся с **грамматическими концептами**, которые являются результатом и средством внутриязыкового обобщения слов как компонентов высказывания и участников коммуникации. Коммуникативно-смысловые категории, выражаемые частями речи, имеют структурно-формальное выражение в самом слове и в его синтаксическом употреблении, поэтому являются грамматическими.

Грамматические концепты частей речи обладают следующими свойствами.

Грамматический концепт – результат внутриязыковой концептуализации, обусловленной логикой познания мира человеком и логикой разворачивания сообщения в процессе коммуникации. Поэтому грамматический концепт – сложное семиотическое образование, содержание которого раскрывается в логическом, атропоцентрическом, коммуникативном и культурном аспектах.

2. Грамматический концепт – двусторонняя единица грамматической системы языка, она имеет план содержания и план выражения. План содержания грамматического концепта определяется коммуникативными функциями слова в высказывании, определяющими, в свою очередь, разные формы языкового мышления. План выражения грамматического концепта – это грамматическая оформленность слова или словосочетания.

3. Грамматическая концептуализация происходит на основе семиотической целостности процесса познания и коммуникации, поэтому категориальные значения частей речи и их грамматические концепты находятся в отношениях функциональной **дополнительности** друг к другу. Этот принцип предполагает сосуществование частей речи в процессе коммуникации в высказывании.

4. Принцип функциональной дополнительной частей речи создаёт их функциональную неоднородность, которая обнаруживается в различии у них объекта обобщения, основания, способа и цели обобщения.

5. Грамматические концепты и категориальные значения частей речи соотносительные, но не тождественные понятия. Соотносительность проявляется в том, что состав грамматических концептов языка определяет состав его частей речи и их категориальных значений. Нетождественность грамматических концептов и категориальных значений частей речи обусловлена тем, что грамматический концепт – результат обобщения более высокого уровня, чем категориальное значение части речи. В силу этого на основе грамматического концепта в

лексической системе языка формируются не только грамматические классы – части речи, но и грамматические и лексико-грамматические сверхклассы, подклассы и метаклассы. Именно в силу различия грамматического концепта и категориального значения части речи создаётся возможность различных видов транспозиции частей речи, явления формального и функционального расширения частей речи.

6. Разграничение грамматических концептов частей речи и частей речи как грамматических классов слов не носит спекулятивного характера, поскольку служит не только теоретическому осмыслению грамматического строя русского языка, но, главным образом, конструктивно изменяет методику описания морфологии и его результаты.

Далее рассматриваются последовательно все указанные свойства ГК.

2.3. Грамматический концепт – сложное семиотическое образование

Термин «грамматический концепт» вводится в языковедение впервые, хотя понятие, обозначаемое им, уже существовало, но не имело точного определения. Именно о грамматических концептах фактически шла речь, когда исследователи рассматривали части речи как полевые структуры [Адмони 1968] или выделяли сверхклассы слов [Блох 2000; Гак 2000; Штелинг 1996].

Грамматические концепты частей речи отличаются от культурных концептов, которым посвящены многие современные исследования [Лихачёв 1997; Степанов 1997; Логический анализ языка 1989–2001], и **лексических концептов** [Попова, Стернин 1999; Логический анализ языка 1999], которые в последнее десятилетие стали предметом изучения многих исследователей. Существует также понятие «синтаксический концепт» [Волохина, Попова 1999]. Часто термин «**концепт**» употребляется в лингвистических исследованиях без уточнения, о какого рода концептах идёт речь, а для описания языка это уточнение необходимо. Например, в «Кратком словаре когнитивных терминов» «концепт» понимается как информационная структура, присущая сознанию индивидуума и соответствующая «представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, 90]. Такое общее понимание концепта помещает его только в ментальное пространство, а языковая специфика концепта не учитывается вообще. Видимо, здесь имеются в виду культурные концепты, которые не имеют прямого выражения в структуре языка.

Лексическими концептами называют концепты, которые объективируются с помощью слов. «Основаниями группировок лексем обычно служат важные для говорящих признаки концептов (форма, цвет, способ функционирования, степень качества и др.). Такие признаки, по которым группируются концепты, получили в когнитивной лингвистике название когнитивных классификаторов» [Попова, Стернин, Волохина 2001, 95]. Авторы различают «**концептосферу** (концептуальную картину мира, состоящую из концептов, которые структурированы с помощью когнитивных классификаторов)» и «семантическое пространство языка, образуемое семантикой всех языковых знаков, с помощью которых те или иные концепты получили вербальное или структурное закрепление, языковую объективацию» [Попова, Стернин, Волохина 2001, 96–97]; далее авторы замечают, что «в концептосфере могут быть концепты, не получившие вербального или структурного языкового выражения» [Там же, 97]. О грамматических концептах частей речи авторы не упоминают, так как эти концепты имеют иной статус существования. Они (грамматические концепты частей речи) обобщают не когнитивные классификаторы, а коммуникативные свойства слов разных частей речи.

Синтаксические концепты имеют более высокий уровень обобщения по сравнению с лексическими концептами [Там же, 96]. Они представлены в языке структурными схемами простого предложения, которые, по мнению авторов, «являются знаками типовых пропозиций, отражающих наиболее распространённые отношения в окружающем человека мире» [Там же, 96]. Однако нам представляется, что выделение синтаксических концептов, минуя грамматические концепты частей речи, неправомерно. Во-первых, известно, что синтаксическая и морфологическая семантика имеют общие концептуальные инварианты, что подтверждается и историей развития морфологии и синтаксиса русского языка (да и других языков). Во-вторых, существует очевидный факт, что синтаксис языка определяет его морфологию, а морфология языка определяет его синтаксис. В силу этого приводимые авторами примеры вариантов одного синтаксического концепта предложения (*Небо становится тёмным. Небо темнеет. Темнеет.*) являются, на наш взгляд, разными синтаксическими концептами, поскольку выражают разные формы синтаксического мышления.

Грамматические концепты частей речи отличаются от синтаксических концептов объектом обобщения: здесь обобщаются **слова как части высказывания**, а не синтаксические конструкции высказываний в целом. Основание обобщения для обоих типов концептов может быть общим – это коммуникативно-смысловые категории.

Таким образом, грамматические концепты частей речи имеют собственный семиотический статус. Он заключается в отражении в ментальной сфере форм языковой словесной коммуникации. Эти концеп-

ты обращены к языку. С их помощью формируются языковое сознание и представления об основных коммуникативных классах слов языка. Коммуникативное членение словаря осуществляется в современном языке с помощью уже сложившихся грамматических концептов. Семантическая сложность грамматических концептов частей речи обусловлена тем, что в них, как в разных формах языкового мышления, обобщающая функция слов представлена дифференцированно с точки зрения объекта обобщения, основания, способа и цели обобщения (см. раздел 2.3).

2.4. Грамматический концепт – двусторонняя единица грамматической системы языка

По мнению Ю. С. Стеганова, «концепт получает всегда генетическое определение» [Степанов 1997, 5]. Это относится также и к грамматическим концептам частей речи. Они сформировались в каждом языке в процессе эволюции языковой коммуникации, которая обнаруживается в эволюции грамматических типов слов, то есть в языковой структуре. Языковое сознание развивалось по мере развития грамматического строя языка, поэтому грамматические концепты частей речи – это двусторонние единицы грамматической системы языка. Они имеют план содержания и план выражения. План содержания грамматических концептов определяется коммуникативными функциями слова в высказывании и соответственно разными формами языкового мышления, а план выражения – это грамматическая оформленность слова или словосочетания, эквивалентного слову. Важно указать, что грамматические формы изменяемых частей речи сами по себе не выражают категориальных значений частей речи, они выражают граммы морфологических категорий слова определённой части речи. **Таким образом, категориальное значение частей речи не имеет специальных грамматических формативов в слове.** Г. Гийом так характеризует этот факт с позиций психосистематики и психомеханики: «Во французском языке, как и в любом другом, части речи не имеют собственного отличительного признака. Для своего определения в мышлении в последний момент, для завершения слова, у неё есть детерминанты, после которых она появляется и о которых можно сказать, что они создают её внезапное появление, но – и это следует подчеркнуть – часть речи не имеет специального обозначения. Часть речи выражается не эксплицитно, с помощью особого знака, а имплицитно после серии векторных детерминантов, которые все вместе вызывают её появление, но которые ни вместе, ни по отдельности её не обозначают» [Гийом 1992, 119].

Категоризация слов осуществляется на основе грамматических концептов частей речи. Этим определяются их формообразование и синтаксические функции, и позиции в предложении. Отсюда следует, что категориальное значение части речи является имплицитным векторным типом семантики, а грамматические значения морфологических категорий относятся к эксплицитному типу и выражаются во внешней формальной структуре слова определённой части речи. Имплицитное категориальное значение части речи является потому, что не имеет специально предназначенных для этого формальных показателей в слове. Векторным это значение является потому, что направляет определённым образом соответствующую ему грамматическую оформленность слова.

Введение понятия «грамматические концепты частей речи» повышает семиотический статус частей речи, делает возможным более глубоко проникнуть в содержание их категориальных значений, которые до сих пор только именовались.

Методика анализа содержания культурных и лексических концептов разнообразна, однако её нельзя применить при описании грамматических концептов частей речи. Для анализа содержания культурных концептов используются и логический анализ компонентов значения, и психолингвистические эксперименты, и контекстуальный, и дистрибутивный анализ слов, называющих эти концепты, и культурно-исторический комментарий. Так, например, З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают: «В работах по когнитивному анализу уже апробированы разнообразные методики выявления концептов и особенностей их структуризации с помощью когнитивных классификаторов (по словарным дефинициям, по лексической сочетаемости, по грамматическим особенностям ключевых слов, на основе контрастивного анализа и ряд других)» [Попова, Стернин 2001, 96]. Свою методику авторы описывают так: «Наша методика совмещает несколько приёмов: изучение лексической сочетаемости ключевого слова, определение всех сем, которые несёт эта лексема, построение семантемы слова. Осуществляется описание семного состава каждой семемы, что позволяет разграничить типы сем (архисема, дифференциальные семы, потенциальные семы, ядерные и периферийные семы). Для раскрытия структуры семемы в её психологически реальном объёме используются психолингвистические экспериментальные методики выявления компонентов значения слова» [Там же, 96]. Таким образом, краткий обзор методик анализа содержания лексических концептов показывает, что их невозможно использовать для анализа ГК частей речи. То же можно сказать и о методиках анализа содержания синтаксических концептов, на которых мы здесь не останавливаемся [Волохина, Попова 1999].

Концепты частей речи являются **грамматическими** по своему содержанию, поэтому они отражают **отношения** между языковыми единицами, определяющими формы внутриязыкового **обобщения**

Давно отмечено, что хотя все владеют грамматическими абстракциями на практике, в процессе языкового общения, но теоретически постигать их смысл, то есть актуализировать в сознании, очень трудно. Это возможно только в процессе научного познания. Об этом явлении писал Д. Овсяннико-Куликовский. Он сделал вывод о том, что грамматические абстракции находятся в подсознании, в процессе речи их используют автоматически [Овсяннико-Куликовский (1903) 1989, 74–75]. См. также [Гийом 1992].

Важно отметить, что грамматические абстракции тесно связаны с механизмом коммуникации, поэтому их содержание можно определить функционально. Части речи имеют разные грамматические концепты в зависимости от того, какую роль они играют в процесс коммуникативной предикации и какие компоненты обозначаемой ситуации и речевой ситуации в них отображены. Поэтому содержание грамматических концептов частей речи предполагается далее описывать, опираясь на такие понятия, как **объект обобщения, основание обобщения, способ обобщения и цель обобщения**.

2.5. Функциональный анализ содержания грамматических концептов частей речи

Коммуникативный логоцентризм частей речи проявляется в том, что грамматическая классификация слов по частям речи представляет собой различные **способы языкового обобщения**. Эти способы зависят от того, **что** обобщается, на основании **чего** и **как** обобщается, с **какой** целью обобщается. Специфика языкового обобщения заключается в том, что оно носит интерпретирующий характер [Виноградов 1947]. Это форма языкового представления мыслимых объектов. Выбор формы осуществляется говорящим субъектом в зависимости от цели коммуникации. Таким образом, формы языкового обобщения в частях речи антропоцентричны, коммуникативно опосредованы и культурно значимы.

1. Категориальная семантика частей речи различна **по объекту обобщения**. На этом основана традиционная систематизация частей речи: **знаменательные части речи** (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, предикативы), **числительные, местоимения, служебные части речи, модальные слова, междометия**. В категориальном значении части речи обобщаются не лексические значения слов, а языковые функции слов в предложении, то есть в процессе коммуникации. В категориальном значении знаменательных

частей речи обобщаются **номинативные функции** полнозначных слов. В категориальном значении числительных обобщаются **терминативные функции**. В категориальном значении местоимений обобщаются **указательные (дейктические) функции** неполнозначных слов. В категориальных значениях служебных частей речи обобщаются **реляционные функции** служебных слов. Категориальное значение модальных слов обобщает **оценочные функции** вводных слов. Категориальное значение междометий обобщает **эмоционально-экспрессивную** функцию данного типа слов.

2. По **основанию обобщения** категориальные значения частей речи также различны. Эти основания соотносятся с категориями Аристотеля [Потебня 1968; Степанов 1981; Гак 2000]. Имена существительные объединяются в один класс на основе **категории субстанции**, имена прилагательные – на основе **категории атрибута**, числительные – на основе **категории квантитативности**, глаголы – на основе **категории акциональности**, наречия и предлоги – на основе **категории детерминации**, предикативы – на основе **категории стаальности**, союзы и связки – на основе **категории конъюнкции (связи)**, модальные слова и частицы – на основе **категории модальности**. Обобщающая сила различных категорий различна. В наибольшей степени она развита у существительных. Особо следует рассмотреть вопрос об основании обобщения у местоимений и междометий. Основанием для обобщения указательных функций местоимений является коммуникативная категория **референции**, а у междометий – категория **эмотивности**.

3. Категориальные значения разных частей речи отличаются по **характеру** обобщения. Объекты обобщения – номинативные функции знаменательных слов объединяются в одну часть речи на общем основании – одной мыслительной категории путём **интерпретации** данной функции в соответствии с содержанием этой категории. Таким образом, объекты, названные существительными, интерпретируются как **субстанции**; объекты, названные прилагательными, мыслятся как **атрибуты**; объекты, названные спрягаемыми глаголами, интерпретируются как **действия**; объекты, названные наречиями, интерпретируются как **детерминанты**; объекты, названные предикативами, интерпретируются как **состояния**. Об интерпретационном характере категориального значения частей речи писали многие отечественные грамматисты [Потебня 1968; Шахматов 1941; Пешковский 1956; Виноградов 1947; Бондарко 1983; Степанов 1981; Гак 2000]. В. В. Виноградов писал, что «деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено <...> различиями в способе отражения действительности» [Виноградов 1947, 38]. И. И. Ревзин считал, что категориальный смысл отражает «способ представления объекта в знаке» [Ревзин 1977, 37].

Особым характером обобщения обладают местоимения, частицы и модальные слова – он заключается в **эгоцентричности** указания на тот или иной представляемый объект у местоимений, эгоцентричности оценки у модальных слов и эгоцентричности отношения у частиц. У междометий характер обобщения отличается **интуитивностью**. У служебных слов существует несколько типов обобщения: характер обобщения у предлога – **зависимость**, у союза – **квалификация**, у частиц – **эгоцентричность**, у связок – **координация**.

4. Категориальные значения частей речи отличаются и **по цели, вектору, обобщения**. Общим для всех вектором обобщения является **предикация**. Термины «предикат» и «предикация» широко используются как в логике, так и в лингвистике. Современная лингвистика старается освободиться от собственно логического применения этих терминов и придать им лингвистические смыслы [Мещанинов 1978, Арутюнова 1971; Степанов 1981], однако применительно к семантике частей речи эти понятия используются слишком упрощённо. Коммуникативно ориентированное слово, то есть слово в высказывании, всегда предикативно: так или иначе оно включается в предикативные отношения в высказывании – суждении. Характер предикативности, то есть включённости в процесс предикации, у разных частей речи разный, и вектор обобщения у них направлен по-разному.

Ещё в античности предложение рассматривалось как **динамическая** структура, в которой имя и глагол занимали разные позиции, на это обращали внимание модисты [Арутюнова 1990], затем Ш. Балли, Г. Гийом. Представляется, что разные части речи обобщают **разные фазы предикации**. Цель обобщения существительных – зафиксировать в категориальном значении **начальную (референтные имена) и конечную (предикатные имена) фазы** предикации, исходную и конечную её позиции, что является субстанцией. Цель обобщения глагола – зафиксировать **центральную часть актуальной предикации** – предикат. Цель обобщения прилагательного и числительного – зафиксировать **скрытую предикацию** – атрибут. Цель обобщения наречия – зафиксировать **вторичную предикацию** – детерминант. Цель обобщения слов категории состояния – предикативов – зафиксировать **синкретическую предикацию** – статальность.

Если все предшествующие части речи связаны с **синтетической внутренней предикацией**, то цель обобщения служебных слов – зафиксировать **аналитическую внутреннюю предикацию**.

Внутренней предикации полнозначных и служебных слов противопоставлена **внешняя предикация** модальных слов и местоимений. Цель обобщения модальных слов – зафиксировать **суперпредикацию**. Цель обобщения местоимений – зафиксировать **контекстуальную предикацию**, обусловленную речевым контекстом и речевой ситуацией.

Особой предикацией обладают междометия: это **нерасчленённая предикация**.

Таким образом, части речи различаются по цели (вектору) обобщения – характеру предикации.

Таблица 3

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ПО ХАРАКТЕРУ ПРЕДИКАЦИИ

Внутренняя предикация								Внешняя предикация	Нерасчленённая предикация		
синтетическая				аналитическая							
начальная	актуальная	скрытая	вторичная	синкретическая	скрытая	совместная	актуальная	контекстуальная	суперпредикация		
Предикатные имена	ГЛАГОЛ	Числительные	НАРЕЧИЕ	КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ	Предлоги	Союзы	Связки			МЕСТОИМЕННИЕ	МОДАЛЬНЫЕ слова
Конечная	ГЛАГОЛ							Прилагательные	КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ		
Референтные имена	ГЛАГОЛ	Прилагательные	НАРЕЧИЕ	КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ	Предлоги	Союзы	Связки	МЕСТОИМЕННИЕ	МОДАЛЬНЫЕ слова	ЧАСТИЦЫ	МЕЖДОМЕТИЕ

2.6. Функциональная типология категориальных значений частей речи

Основное отличие методологии описания категориальных значений частей речи от существующих ранее заключается в следующем:

- категориальная семантика частей речи описывается не отдельно для каждой части речи, как это характерно для существующих грамматик, а на основе общего базового понятия – грамматический концепт, который является коммуникативной формой обобщения слов данного языка и у каждой части речи определяется на общих основаниях: по объекту обобщения, основанию обобщения, способу обобщения и цели обобщения; такое описание носит соотносительный, функционально-типологический характер;

- категориальная семантика части речи описывается не с помощью одного семантико-грамматического понятия (предметность, процессуальность, признаковость и т.д.), как это обычно принято, а на основе комплекса коммуникативно-смысловых компонентов, формирующих КЗЧР как сложную семантическую структуру – грамматический концепт;

- поскольку эти компоненты могут повторяться в различной комбинации у разных частей речи и часто взаимно друг друга предполагают по принципу дополнительности, то возникает возможность преемственной, соотносительной систематики частей речи русского языка;

- функционально-типологический анализ КЗЧР не противоречит традиционному описанию частей речи, а включает его в свою сферу и базируется на нём.

Систематика КЗ частей речи русского языка

1. Номинативная система

Имена

Имена существительные – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *номинация* (объект обобщения), *субстанция* (основание обобщения), *интерпретация* (характер обобщения), *начальная и конечная фазы предикации* (цель, вектор обобщения). Объектом обобщения в категориальном значении имён существительных являются не реалии, а их номинации. В силу этого имена существительные могут обозначать самые различные реалии: лицо (*брат*), животное (*волк*), предмет (*тетрадь*), признак (*синева*), количество (*тройка*), действие (*рубка*), состояние (*сон*), событие (*встреча*), ситуацию (*армия*).

Имена прилагательные – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *номинация, признак, интерпретация, скрытая предикация*.

Глагол

Спрягаемые глаголы – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *номинация, процесс, интерпретация, центральная актуальная предикация*.

Инфинитив – синкретический концепт, включающий в свой состав следующие компоненты: *номинация, процесс, интерпретация, скрытая предикация*.

Причастие – синкретический концепт, включающий в свой состав следующие компоненты: *номинация, процесс, признак, интерпретация, скрытая предикация*.

Деепричастие – синкретический концепт, включающий в свой состав следующие компоненты: *номинация, процесс, детерминация, интерпретация, вторичная предикация*.

Предикативы

Наречие – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *номинация, детерминация, интерпретация, вторичная предикация*.

Категория состояния – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *номинация, состояние, интерпретация, синкретическая предикация*.

Общими компонентами грамматических концептов номинативной системы частей речи являются объект обобщения – *номинация* и характер обобщения – *интерпретация*. Это связано с тем, что слова данных частей речи называют компоненты обозначаемой ситуации (акт и актанты), которые могут интерпретироваться по-разному относительно друг друга (*синий, синева, синеть, сине – небо, небесный, небесно*) и поэтому основание обобщения и цель обобщения у них неодинаковы. Таким образом, грамматические концепты данных частей речи носят денотативно-ситуативный характер и различаются основанием и целью обобщения.

2. Терминативная система. Числительные

Числительные – образуют особую концептуальную систему, состоящую из таких частных систем:

- **количественные числительные**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *терминация, количество, интерпретация, скрытая предикация*;

- **порядковые числительные**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *терминация, количество, признак, интерпретация, скрытая предикация*;

- **собираемые числительные**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *терминация, количество, предмет, интерпретация, скрытая предикация*.

- **адвербиальные числительные**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *терминация, количество, детерминация, интерпретация, вторичная предикация*.

Общими компонентами грамматических концептов числительных разных разрядов являются *терминация, количество* и *интерпретация*. Различаются они вторичными основаниями обобщения (*признак, предмет, детерминация* соответственно у порядковых, собираемых и адвербиальных числительных), вторичными способами обобщения (*интерпретация* у порядковых, собираемых и адвербиальных числительных) и целью предикации (*скрытая предикация* у количественных, порядковых и собираемых числительных, *вторичная предикация* у адвербиальных числительных).

3. Дейктическая система. Местоимения

Местоимения образуют сложную концептуальную систему, состоящую из следующих частных систем:

- **обобщённо-предметные местоимения**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые категории: *указание (дейксис), референция лица и предмета, эгоцентризм, внешняя, контекстуальная предикация*;

- **обобщённо-качественные местоимения**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *указание, референция признака, эгоцентризм, внешняя, контекстуальная предикация*;

- **обобщённо-количественные местоимения**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *указание, референция количества, эгоцентризм, внешняя, контекстуальная предикация*;

- **местоименные наречия**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *указание, референция детерминанта, эгоцентризм, внешняя, контекстуальная предикация*.

Таким образом, различные разряды местоимений имеют общий объект обобщения, характер обобщения и цель обобщения. Различаются они только основанием обобщения – типом референции.

4. Реляционная система. Служебные части речи

Служебные части речи образуют сложную концептуальную систему, состоящую из следующих частных систем:

- **предлоги**, грамматический концепт которых включает в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *отношение, детерминация, зависимость, скрытая предикация*;

- **союзы**, грамматический концепт которых включает в свой состав, следующие коммуникативно-смысловые категории: *отношение, связь, квалификация, совместная предикация*;

- **частицы**, грамматический концепт которых включает в свой состав, следующие коммуникативно-смысловые категории: *отношение, модальность, эгоцентризм, суперпредикация*;

- **связки, грамматический концепт которых включает в свой состав, следующие коммуникативно-смысловые категории: отношение, связь, координация, актуальная предикация.**

Таким образом, различные служебные части речи имеют общий объект обобщения и различаются основанием обобщения, характером обобщения и целью обобщения.

5. Модальные слова

Модальные слова – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-смысловые компоненты: *оценка, модальность, эгоцентризм, суперпредикация*.

6. Междометия

Междометия – класс слов, объединённых общим грамматическим концептом, включающим в свой состав следующие коммуникативно-

смысловые компоненты: *экспрессивность, эмотивность, интуитивность, нерасчленённая предикация.*

2.7. Психоцентризм и антропоцентризм КЗЧР. Способы восприятия и представления

Психологические основы категоризации слов по частям речи интересуют многих исследователей. В отечественном языкознании эту проблему обсуждали в своих работах А. А. Потебня и Д. Н. Овсянико-Куликовский, основоположники психологического направления в грамматике, А. М. Пешковский, Л. С. Выготский, представители психолингвистики. А. А. Потебня неоднократно высказывал мысль об антропоцентризме грамматических понятий. Так, он писал: «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия *причины* (русск. *причина* есть *причиняющее* (nom. agentis), *причинение* (совершение действия), *причинённое* (совершённое, сделанное): отражение действия на предмете имеет причиную действие субъекта. Причинность слагается из действия субъекта и одновременности или последовательности этого действия с состоянием объекта <...> Судя по тому, что до сих пор действие субъекта мы можем выразить, т. е. представить себе только человекообразно («дождь идёт», как «человек идёт», «я иду»), можно думать, что и вообще понятия действия, причины возникали так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что как всякий субъект – подобие нашего «я», так всякое действие – подобие нашего действия. Отношения между понятиями: субстанция и явление, вещество и сила или качество, Бог и мир – человекообразны, могут быть в нашем языке выражены лишь как подобия отношения между нашим «я» и его действием, в частности его познанием вместе с познаваемым. Как грамматические разряды: определяемое и определение, подлежащее и сказуемое, так и соответственно выражаемые ими философские разряды – *парны*; ход человеческой мысли состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего» [Потебня 1968, 7–8].

Психологические особенности грамматических понятий языка раскрыл Д. Н. Овсянико-Куликовский. Он указывал на то, что «грамматическая форма слов мыслится бессознательно, автоматически <...> грамматическая форма, перенесённая в сознание, произвела бы там настоящее опустошение, потому что грамматическая апперцепция есть серьёзная, сложная, большая работа мысли. Она поглотила бы наибольшую часть внимания, и на мышление значения, материального содержания слова осталось бы слишком мало умственной силы. Бессознательность грамматических форм – это необходимое условие

для освобождения умственной силы, в них накопленной» [Овсянико-Куликовский 1989, 74–75]. Далее автор рассуждает, фактически, о грамматических концептах частей речи, хотя и пользуется иным термином – логические категории, который, на наш взгляд, затемняет суть дела. Он пишет далее: «Эта освобождённая сила устремляется на лексическое значение слов, то есть на представления, понятия и иные акты мысли, образующие сознательную часть слова. Устремляясь сюда, умственная сила обрабатывает этот материал в новом направлении, подсказанном грамматической апперцепцией; так, на этом новом поприще мысли грамматическая категория существительного превращается в логическую категорию вещи, грамматическая категория глагола – в логическую категорию силы. Так понимаю я отношение между мыслью грамматической и мыслью логической. *Последняя, по этой моей теории, есть новая, высшая форма мысли, возникшая за счёт силы, сбережённой грамматической мыслью*» (курсив автора. – Л. Я.) [Овсянико-Куликовский 1989, 75]. Таким образом, психологическое различие между лексическими и грамматическими значениями связано со степенью их осознанности. Вместе с тем Овсянико-Куликовский подчёркивает, что лексические и грамматические значения тесно взаимосвязаны. То, что он называет логическими категориями (в нашей терминологии это грамматические концепты), активно формирует лексические значения слов: «Возникновение логической мысли, устремлённой на значение слов и вырабатывающей из этих значений более или менее правильные *понятия*» (курсив автора. – Л. Я.), причём грамматическая форма, как и следует, скрывается за порогом сознания, и привело к иллюзии, будто эти высшие понятия суть нечто отдельное от слов и от них независимое. *Нет, это всё те же значения слов, но только усовершенствованные* (курсив автора. – Л. Я.). Понятие логического мышления, овладевающего значениями слов, ведёт к тому, что эти значения расширяются, углубляются, совершенствуются и, следовательно, занимают больше места в сознании, в силу чего их оболочка, грамматическая форма, оттесняется ещё глубже в сферу бессознательную, удаляется от порога сознания и становится ещё автоматичнее, является ещё более удобным орудием мысли, ещё более совершенным процессом сбережения и накопления силы <...> аккумулятом мысли» [Овсянико-Куликовский 1989, 75–76].

О том, что мыслительные категории являются прежде всего языковыми категориями, писал и Ф. Ф. Фортунатов: «Ближе к истине то определение языка и в его отношении к мышлению, по которому язык представляет собой не только средство для выражения мыслей, но также и *орудие для мышления*» (Фортунатов (1903) 1957, 435).

Новое направление когнитивной грамматики также ставит проблему изучения психологических основ категоризации по частям речи.

См. обзоры в работах [Кубрякова 1997; 1999; Селиверстова 2002]. У современных лингвистов большой интерес вызывают работы французского ученого Г. Гийома, создателя психосистематики [Время и пространство в языковом представлении 2003]. Он исследовал то, как внутренняя мыслительная деятельность человека обуславливает структуру языка. Его идеи перекликаются с идеями А. А. Потебни. Вместе с тем последователи Гийома считают его предшественником когнитивистов [Кузнецова 2003, 25–26]. Как отмечает Л. Д. Скрелина, в трудах Г. Гийома исследуются оперативные механизмы языка, которые подчиняются принципу антропоцентризма: в любом анализе любого языкового явления учитывается субъект (субъект языка как творца языка, субъект речи как участник высказывания) [Скрелина 2003, 3]. Этим обусловлен и векторный анализ движения мысли в процессе порождения языка: от общего к частному и от частного к общему [Там же, 4]. Применительно к механизму порождения частей речи как мыслительных сущностей принцип антропоцентризма был положен в основу теории инциденции. Наиболее важными здесь являются мысли о том, что части речи являются ментальными сущностями и первичны по отношению к выражению в языке и речи. Система частей речи представляет собой сорит. Этот термин заимствован из философии и логики и обозначает там «аргумент, состоящий из цепи предложений, связанных между собой так, что атрибут, содержащийся в каждом из этих предложений, становится субъектом следующего предложения и таким образом вплоть до заключения, в котором субъектом является субъект первого предложения, а атрибутом – атрибут последнего предложения» [Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1958–1959 1995. Цит. по: Поликарпова 2003, 41–43]. Как отмечает Т. Д. Поликарпова, «в лингвистике Гийома сорит обозначает генетическую последовательность частей речи, в которой каждая часть речи связана и с предыдущей, и с последующей механизмом инциденции. Она определяется как семантический механизм соотнесения понятия с логическим лицом, которое выступает опорой для значения. Инциденция делит все части на существительные и все остальные (прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз, местоимение, артикль)» [Там же, 42]. «Вся теория частей речи представлена в психосистематике как строящаяся «от имени», то есть формирующая вначале имя, а затем все остальные части речи» [Скрелина 2002; Гак 2000]. Мысли Гийома о том, что имя существительное занимает особое положение в системе частей речи, представляются интересными. «Инциденция может быть внутренней и внешней, в зависимости от того, где происходит процесс соотношения (внутри слова или вне его). Только существительному, открывающему, присуще логическое лицо (опора), поэтому оно обладает внутренней инциденцией. Другие предикативные части речи имеют внешнюю инциденцию к словам, с которыми они со-

относятся. Прилагательное и глагол инцидентны существительному (инциденция 1-й степени), наречие инцидентно глаголу или прилагательному (инциденция 2-й степени, которая по своей природе является инцидентом к процессу инцидентности)» [Поликарпова 2003, 42; Гак 2000]. Это положение представляется очень важным для понимания психических основ формирования системы частей речи, поскольку даёт возможность понять, почему категории Аристотеля отражаются и в категориальной семантике частей речи, и в субкатегориальной семантике номинативных классов имён существительных, и в синтаксической семантике членов предложения. Дело в том, что **эти категории являются только основой обобщения языковых функций, а направление обобщения определяет тип мыслительной предикации, или, по терминологии Гийома, инцидентности.** Таким образом, предложенная нами выше функционально-типологическая систематика частей речи (см. п. 4, 5) вполне соответствует теории инцидентности Гийома.

Рассмотрим проявление принципа психологизма и антропоцентризма в процессе формирования системы частей речи более подробно. Естественный язык человека в целом отличается от всех других коммуникативных систем антропоцентричностью. Поэтому только в естественном языке существуют части речи. Семантика частей речи, как речемыслительных категорий, формировалась в процессе развития речевой деятельности человека, и поэтому она антропоцентрична по своей природе.

1. Антропоцентричны **объекты обобщения** в частях речи – основные коммуникативно-смысловые категории: номинация, предикация, дейксис, модальность, реляция. В **номинативной функции** знаменательных частей речи (существительного, прилагательного, числительного, глагола, наречия, предикатива) всегда присутствует познающее сознание говорящего. Говорящий обнаруживает своё понимание мира и знание о нём как в процессе создания новых номинативных единиц, так и в процессе воспроизведения готовых номинативных единиц. История народа, его духовные и материальные ценности, его самосознание находят выражение в национальной языковой картине мира. Эта общая языковая картина мира реализуется в частной картине мира говорящего, отражая его знание о мире и миропонимание. Таким образом, в сфере номинации обнаруживается **гносеология** каждого языка и его носителей.

В **предикативной функции** знаменательных частей речи осуществляется **мыслительная деятельность** человека. Выражая в высказывании мысль о той или иной реальной ситуации, человек обнаруживает своё понимание этой ситуации, её смысл, устанавливает отношения между субъектом и предикатом, определяемым и определяющим. В **дейктической функции** местоимений антропоцентризм проявляется

особенно ярко, поскольку основной единицей семантической системы местоимений является **говорящий субъект** как исходная точка **речевой координации**. В **модальной функции** модальных слов также обнаруживается говорящий субъект, который является здесь **субъектом оценки**. **Реляционная функция** служебных слов также координируется говорящим. Таким образом, в сфере предикации и модальности обнаруживается **аксиология** языка и его носителей, а в сфере дейксиса и реляции – **координация** говорящего человека в мире.

2. Антропоцентричны **основания обобщения** в частях речи. В них заложены мыслительные категории – наиболее обобщённые концепты, отражающие формы восприятия человеком окружающего мира: **субстанция, действие, признак, признак признака, состояние, количество, отношение**. Наиболее тесно связаны с говорящим субъектом семантика местоимений, модальных слов и междометий. Местоимения отражают место человека в речевом акте, модальные слова – модальную оценку говорящим содержания и формы высказывания, междометия непосредственно выражают эмоции и чувства субъекта речи. Таким образом, **способы восприятия** окружающего мира предопределены в своих формах языковыми концептами, выраженными в семантике частей речи.

3. Способы представления **об окружающем мире также зависят** от частеречной семантики, от того, обобщения какого характера используются той или иной частью речи. Выбирая часть речи, говорящий выбирает способ представления обозначенной реалии. Выше уже был рассмотрен различный характер обобщения у разных частей речи: интерпретационный характер семантики у знаменательных частей речи, эгоцентричность местоимений и модальных слов, терминологичность числительных, относительность служебных слов, интуитивность междометий. Степень антропоцентричности семантики частей речи различна и зависит от характера обобщения. Как уже говорилось выше, наиболее близки к говорящему лицу местоимения, модальные слова и междометия. Приёмы интерпретации, свойственные знаменательным частям речи, отражают сознательную деятельность человека, в воле которого представить субстанцию как субстанцию (*роса, учитель*) или как действие (*оросить, учительствовать*), или как признак предмета (*росистый, учительский*), или как признак признака (*росисто, поучительски*). Менее зависят от говорящего числительные и служебные слова, хотя и здесь исторически прослеживаются антропоцентрические истоки (см. гл. 3). А. М. Пешковский фактически говорит об антропоцентричности частей речи, когда пишет о грамматическом значении предметности имён существительных: «Было бы совершенно бесплодным делом пытаться исчерпать <...> все вещественные значения, которые могут быть опредмечены с помощью категории суще-

ствительного. это так же невозможно, как полная классификация вещей и явлений того внешнего и внутреннего мира, который эти значения отражает. Кроме того, это дело не грамматики, а л о г и к и. Для грамматики достаточно просто констатировать, что в с ё непредметное может быть в языке при помощи определённых грамматических средств о п р е д м е ч е н о» [Пешковский 1956, 73].

4. Антропоцентричны и **цели обобщения**, представленные категориальными значениями частей речи. Как уже отмечалось выше, общим вектором обобщения частей речи является **предикация**. Л. С. Выготский считал предикативность «основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» [Выготский 1956]. Д. Н. Овсянико-Куликовский, анализируя психологические основы предикации, отмечал, что акт предикирования «есть как бы гомолог воли. то есть повторение в новом, переработанном, перерождённом виде, в области умственных процессов, того основного явления психики, которое известно под именем волевых актов» [Овсянико-Куликовский (1903)1989, 80].

Как уже отмечалось ранее, семантические различия категориальных значений частей речи зависят от **фазы предикирования**, которую они отражают. В основе различных фаз предикации лежат неодинаковые психологические процессы. Существует мнение, что актуальная предикация требует более энергичного акта мысли, нежели другие виды предикации (скрытая, вторичная, расчленённая и др. См. п. 2). Д. Н. Овсянико-Куликовский, особо выделяя предикацию, выраженную сказуемым, то есть актуальную предикацию, так её характеризовал с позиции психологических процессов: «Предикирование («сказуемость»), в противоположность другим процессам, участвующим в образовании предложения, есть более энергичный акт мысли. характеризующийся так или иначе невольным обращением к «я» субъекта, представляющий собой как бы усилие мысли, род как бы открытия или, по крайней мере, настойчивого сосредоточения на данном признаке, взятом как сказуемое. Отсюда – большая напряжённость внимания на сказуемом, чем на других частях предложения (при прочих равных условиях). Можно сказать, что предикат больше других частей задерживается в светлой точке сознания и ярче освещается. Следовательно, этот акт мышления должен обходиться нам дороже других, – он является по преимуществу тратой энергии» [Овсянико-Куликовский (1903) 1989, 79].

5. Антропоцентричность частей речи обусловлена **принципом дополнительности**, который характерен для человеческого языка, как и для других форм коммуникации человека. Истина – в целом, и поэтому каждую часть речи дополняют другие части речи, то есть одна часть речи предполагает другую часть речи: существительное – глагол и

прилагательное, глагол – существительное и наречие и др. А. М. Пешковский писал: «...прилагательные и глаголы могут быть в одном пункте объединены друг с другом и вместе противопоставлены существительному: и *чёрный* и *чернеется* обозначали для нас нечто самостоятельное, нечто отсылающее нашу мысль на поиски того, что черно и что чернеется, – другими словами, на поиски существительного. Но существительное обозначает предмет. Значит, и прилагательное и глагол обозначают то, что мы приписываем предметам. А предметам мы приписываем, конечно, их признаки. Это и есть самое общее значение обеих этих частей речи» [Пешковский 1956, 75].

2.8. Культурная значимость категориальных значений частей речи

Категориальная семантика частей речи формировалась и развивалась с развитием общества [Мещанинов (1945) 1978]. В русской грамматической традиции принято подчёркивать культурную значимость грамматического знания [Мечковская 1984]. На общекультурную значимость грамматики указывал Ф. Ф. Фортунатов: «Изучение грамматики родного языка в школе может давать знания ценные, важные для общего образования» [Фортунатов (1903) 1957, 434]. О культурной значимости грамматического сознания, к которому приобщается человек, владея тем или иным языком, писал Д. Н. Овсяннико-Куликовский: «Задача образования не в том, чтобы наполнить голову фактическим материалом, а в том, чтобы, упражняя рефлексию, воспитать самосознание и выработать критическую силу мысли. Первая и простейшая рефлексия – это именно рефлексия грамматическая. На эту точку зрения и нужно стать, чтобы правильно судить о воспитательном значении языков» [Овсяннико-Куликовский (1903) 1989, 74].

В современной когнитивной лингвистике также отмечают культурно-познавательную роль грамматических понятий: «Хотелось бы особо указать на то, что если бы язык не помогал человеку строить гипотезы об абстрактном, непосредственно *не наблюдаемом*, не очевидном, внутреннем и т.д., если бы он мощно не вторгался во все мыслительные процессы, придавая им упорядоченный характер и – главное – не создавал бы *новых ментальных пространств*, человек не вышел бы за пределы наглядного сенсорного опыта, за рамки непосредственно наблюдаемого. Ни тайны галактик, ни загадки мира атомов и элементарных частиц были бы ему не подвластны» [Кубрякова, Александрова 1999, 194].

Особую культурную значимость имеют имена существительные. В системе знаменательных частей речи имя существительное стоит особняком. так как объектом обобщения у него может быть номинация

любого компонента обозначаемой ситуации. акта (*ление, бег, поливка*), актантов (*брат, рука, стол*), их признаков (*близна, верность, сонливость*), детерминантов (*вечер, десятка, край*), отношений (*отношение, подчинение, связь*). А. М. Пешковский писал: «Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли. Без неё невозможны были бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы, например, говорить ни о свете, ни о тепле, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке; ведь ничего этого отдельно не существует. Если бы мы сейчас захотели отказаться от существительных и вместо *света* стали бы исследовать *светлое*, вместо *теплоты* – *тёплое* и т. д., то отказа всё-таки не вышло бы, потому что эти *светлое и тёплое* тоже существительные особого рода, как увидим ниже. Это прилагательные, превратившиеся по нужде на данный момент в существительные. Это лучше всего показывает, насколько нам нужны существительные. Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменную сущность сменяющих друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (*substantivum*; впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция. А тому, что в философии называется «атрибутом» и «акциденцией», в языке соответствуют, как увидим ниже, прилагательное и глагол. Части речи есть, таким образом, не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития» [Пешковский 1956]. Последняя мысль А. М. Пешковского является спорной, что уже неоднократно отмечалось в литературе. Что следует понимать под примитивностью общенародной стадии развития категорий мышления, отражённых в категориальной семантике частей речи? Почему тогда с таким трудом осваивают эту грамматическую семантику ученики и студенты?

Особая культурная значимость существительных обусловлена также его типом предикации: это начальная или конечная предикация. Эти типы предикации являются наиболее информационно ёмкими, так как связаны с кумулятивной функцией языка. А. Ф. Лосев глубоко раскрыл философские глубины имён: «Максимальная глубина вещи является тогда, когда вещь получает имя, когда она дозревает до имени, расцветает до имени. Имя вещи есть максимальное смысловое и умное явление вещи. Имя вещи и есть смысл вещи, разум вещи, сознательно сам себя выявивший во вне и разумно направляющий свои бездонные глубины на свет ясного сознания» [Лосев 1993, 845]. Таким образом, существительные в большей степени, чем другие части речи, способны к накоплению культурной информации, более связаны с культурным семиозисом. В целом можно сделать вывод: чем большей

информационной независимостью от речевого контекста и речевой ситуации обладают части речи, тем в большей степени они связаны с культурным контекстом, тем в большей степени они способны к накоплению культурно значимой информации. Наименьшей культурной значимостью обладают междометия.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что каждая часть речи имеет свою культурную специфику, что ярко обнаруживается в особенностях функционирования частей речи в различных функциональных стилях, и особенно художественных текстах.

2.9. Способы выражения грамматических концептов частей речи в русском языке

Понятие «грамматический концепт части речи» шире традиционного понятия «категориальное значение части речи». Грамматические концепты частей речи обладают большей обобщающей силой, поэтому состав языковых средств его выражения гораздо шире обычного представления о лексическом составе частей речи. Группировка единиц языка и речи, объединённая на основе общего грамматического концепта части речи, является коммуникативно-смысловым полем с определённой структурой. О полевом характере частей речи писал В. Г. Адмони и другие исследователи [Адмони 1968; 1973; Андреев 68; Ревзин 1977; Ревзина 1975; Гак 2000, 108–109]. Как и любое поле, оно имеет центр и периферию, если данный концепт нашёл полное воплощение в языке. Однако возможны поля с другими структурами: 1) поле не имеет сформировавшегося грамматического центра; 2) поле полицентрично.

Далее рассматриваются некоторые группировки единиц языка и речи, являющиеся коммуникативно-смысловыми полями грамматических концептов частей речи.

Способы выражения субстантивности

На основе концепта <субстантив> в русском языке формируется класс номинативных субстантивных единиц, типы которых различаются по способам языковой формализации категориального значения предметности [Яцкевич 1984]. В типологической классификации номинативных субстантивных единиц необходимо учитывать: а) синтетическим или аналитическим способом выражено категориальное значение предметности; б) выражена ли предметность специальными средствами в структуре номинативной единицы; в) на каких уровнях слова объективируется значение предметности в случае его синтетического выражения, каковы средства его формализованного выражения в ана-

литических номинациях; г) первичным или вторичным является предметное значение; д) какие виды формального распространения класса субстантивов наблюдаются в русском языке; е) какие типы транспозиционного распространения предметности наблюдаются при формировании субстантивных номинативных единиц; ж) как грамматически дифференцируются номинативные единицы субстантивного класса по ономазиологическому базису; з) как они грамматически дифференцируются по ономазиологическому признаку.

Правомерность разграничения синтетических и аналитических способов обозначения предметности обусловлена тем, что это значение рассматривается как концепт, который соотносится с определённой ономазиологической категорией и соответствующим номинативным классом. В. М. Никитевич писал: «Ономазиологическое членение текста не обязательно соответствует членению на отдельные слова. Номинация как процесс – это создание слова или коммуникативного заместителя слова во всех тех случаях, когда нет готового слова или когда оно не вполне удовлетворяет целям высказывания» [Никитевич 1985, 14].

Однословные и неоднословные номинации субстантивного класса характеризуются большой неоднородностью своей структуры, что обуславливает значительные расхождения в их значениях, соответствующих концепту <субстантив>. Поэтому говорить о специфике субстантивного значения этих единиц можно только после того, как будут охарактеризованы их формально-грамматические особенности. Для этого прежде всего нужно выяснить, выражена ли предметность формальными средствами в структуре номинативной единицы или такие показатели отсутствуют. В однословных номинациях, то есть у обычных имён существительных, как известно, существует целая система внутрисловных формальных показателей категориального значения: а) собственно морфологические показатели – окончания, имеющие грамматические значения рода, числа и падежа, 2) словообразовательные показатели у производных существительных – форманты, всегда имеющие определённую частеречную отнесённость. Кроме этого, грамматическая оформленность существительных обнаруживается синтагматически в грамматических связях с другими словами. Однако внешние формальные показатели предметного значения следует противопоставить внутрисловным показателям, так как последние характеризуют не все существительные. Известно, что система флексий отсутствует у несклоняемых существительных, а словообразовательных формантов нет у непроизводных слов. Синтагматические же показатели охватывают весь класс субстантивов, хотя они не всегда функционально однородны. На этом основании издавна многие грамматисты с различной степенью категоричности высказывали мысль о том,

что части речи – понятие вторичное по отношению к идее синтаксических значимостей. Это положение, если не понимать его в генетическом плане, кажется нам очень проблематичным, но в данной работе мы не имеем возможности углубляться в этот вопрос. Обратим только внимание на то, что степень синтагматической специфики имён существительных зависит от степени его морфологической оформленности.

В русском языке, кроме основного способа обозначения предметности – особой части речи, имён существительных, располагающих системой специальных морфологических средств выражения данной категории, существуют и другие, периферийные, способы предметной номинации. В процессе речи возникает потребность, наряду с узуально закреплёнными субстантивными номинациями, использовать и речевые номинации, подвижно ориентированные на конкретный речевой акт и субъективные предпочтения говорящего. Это обусловлено тем, что морфология русских существительных, в отличие от морфологии русских глаголов, не имеет прямой коммуникативной ориентации на речевую ситуацию. Морфологические категории русских существительных не ориентируют лексическое содержание слов на коммуникативный акт. А. В. Бондарко отнёс грамматические категории рода, числа и падежа существительных к неактуализационным, поскольку они «не передают тот или иной аспект отношения содержания высказывания к реальной действительности с позиции говорящего» [Бондарко 1976, 50]. Таким образом, предметное значение имён существительных коммуникативно не дифференцировано внутрисловными морфологическими средствами. Предлагаая функциональную типологию частей речи, О. Г. Ревзина, наряду с тремя другими признаками (термовость, когнитивность, эксплицитная зависимость), указывает на признак коммуникативности: «противопоставляются части речи, общее значение и оформление которых немыслимо вне коммуникативных значений, тем, в которых коммуникативность вообще отсутствует или второстепенна» [Ревзина 1979, 78]. В своей классификации, кроме существительных, в категориальную характеристику которых не входят коммуникативные показатели, О. Г. Ревзина выделяет коммуникативные существительные – личные местоимения, что соответствует одной их традиций грамматической интерпретации местоимений. Интерес представляет (для функциональной морфологии существительных) то, что автор показал «роль личных местоимений 3-го лица как операторов первичного отождествления в коммуникативном акте для формирования понятия термового слова и далее категории существительного» [Ревзина 1979, 77].

Периферийные предметные номинации в русском языке очень разнообразны по своей структуре. Однако в целом следует указать на два структурных класса. Во-первых, выделяются деривационные соче-

тания со значением предметности [Никитевич 1985], включающие в свой состав обобщённо-предметные местоимения (местоимения-существительные) или существительные с широкой категориальной семантикой, то есть слова, обладающие специальными показателями субстантивности как ономаσιологического базиса субстантивной номинативной единицы. Во-вторых, выделяются речевые субстантивные номинации, в структуре которых предметность как ономаσιологический базис не имеет формального выражения. Форма таких номинаций соответствует только ономаσιологическому признаку.

В первом случае однословные субстантивные номинации имеют аналитические средства обозначения предметности, причём степень грамматикализованности этих средств различна. С этой точки зрения можно выделить два типа аналитических номинаций, которые мы последовательно рассмотрим.

1 Номинации с грамматическим аналитическим средством выражения предметности. Это аналитические номинации, опирающиеся на местоимения. По мнению Л. Я. Маловицкого, местоимения, как особый тип языкового обозначения, характеризуются прономинальной абстракцией, «которая выявляет общие черты как с лексической, так и с грамматической абстракциями. По объёму обобщения – это абстракция лексическая, так как обобщает вещи, денотаты. По способу обобщения – это абстракция грамматическая, так как обобщение исходит из отношений, а не из внутренних свойств денотатов» [Маловицкий 1981, 187]. Конструктивная функция местоимений в составе деривационных сочетаний усиливает грамматикализованность их значения. Данные деривационные сочетания характерны в основном для номинативной системы устной разговорной речи. Их структура так описана в книге «Русская разговорная речь»: «К местоимению могут примыкать формы различных грамматических классов. Местоимение <...> выступает в роли аналитического субстантиватора, формального базиса номинации» [Русская разговорная речь 1973, 270–271]. По данным монографии «Русская разговорная речь», а также нашим данным (записям устной речи, фактическому материалу, извлечённому из художественных и газетно-публицистических текстов), в роли аналитического субстантиватора могут выступать местоимения различных разрядов. Рассмотрим их ниже.

1.1. Указательное местоимение + лексический конкретизатор [Русская разговорная речь 1973, 270]. Лексическим конкретизатором может быть предложно-падежная форма существительного (1) *Где у вас эти ... из Бреста разместились?* 2) *Эта ... с книгами сейчас придёт*), инфинитив (1) *Завтра вызываем этого ... чинить* [Русская разговорная речь 1973, 270] (2) *Дай мне эти ... раскрашивать*), прилагательное (*Этот ... чёрный опять пришёл*), наречие (*Этот ... внизу опять бушует*).

1.2. Лично-указательные местоимения *он, она, оно, они* + лексический конкретизатор. К качеству последнего выступают предложно-падежные формы существительного (1) *В райисполкоме ... они что тебе сказали?* [Русская разговорная речь 1973, 273]; (2) *В больнице ... они как это лечат?*), прилагательное (1) *Кирпичный ... его под снос?* 2) *Но они стояли как-то отдельно, словно не имели никакого отношения к нему сегодняшнему.* – Халов П.).

Во всех рассмотренных выше случаях выражается определённая предметность.

1.3. Аналитическим субстантиватором часто являются неопределённые местоимения. В этом случае создаются номинативные единицы со значением неопределённой предметности: (1) *А на стене – а на стене недвижимый кто-то, чёрный кто-то людей считает в тишине.* – Блок А.; (2) *С головой открытой кто-то в красном платье поднимал на воздух малое дитя.* – Блок А..

1.4. Аналитические номинации также могут опираться на вопросительно-относительные местоимения: (1) *Кто без сапог остановились перед этим препятствием;* (2) *У кого дача уехали ещё в субботу.* В этом случае номинации обозначают обобщённо-собирательную предметность.

1.5. Такое же предметное значение выражают сочетания с местоимением *весь* (чаще в форме среднего рода – *всё*): (1) *Теперь вопрос о том, чтобы всё намеченное воплотить в реальность.* – «Известия»; (2) *Он любил всё искусственное.* – Паустовский К. Г.; (3) *Всё живое особой метой отмечается с давних пор.* – Есенин С. А.

История формирования рассмотренных выше конструкций описана в научной литературе по исторической грамматике русского языка, например в работах Л. Я. Маловицкого, в которых исследуется развитие конструктивных функций предметно-личных местоимений [Маловицкий 1971]. К изучению конструкций с местоимениями обращаются и исследователи семантики современного языка [Арутюнова 1976, 348–350].

2. Номинации, аналитическим средством выражения предметности у которых являются имена существительные широкой категориальной семантики (которые часто подвергаются прономинализации). Это такие существительные, как *явление, дело, момент, отношение, начало, человек, люди* и некоторые другие. Например: (1) *Он твёрдо знал, что та незначительная и случайная деятельность, которой он занимался.* – *явление временное и преходящее.* – Житинский А.; (2) *Шутили над борттехником, который вез для «нужного человека» здоровенную рыбку, завернутую в брезентовый чехол.* – Халов П.

3. Номинации, у которых предметность выражена не в их структуре, а в их семантико-синтаксической позиции в высказывании. Укажем основные разновидности таких номинаций.

3.1. Субстантивная транспозиция причастий, прилагательных, числительных, местоимений: (1) *Наконец дизели заглушили. Карлов вернулся на твёрдое, обошёл это гиблое место <...> От твёрдого его отделяло метров 50.* – Халов П.; (2) *В неприятное они не углублялись.* – Лиханов А. (3) *Там сносили старое, чтобы построить новое.* – Лиханов А.

3.2. Субстантивная номинация, осуществляемая в высказывании с помощью наречий, когда они обозначают тему высказывания: (1) *Дома знают об этом;* (2) *Внизу успели подготовиться.*

3.3. Субстантивная номинация, осуществляемая словоформами имён существительных в косвенных падежах, обозначающих тему высказывания: (1) *Из Москвы вернулись?* (То есть те, кто уехал в Москву); (2) *У вас есть от кашля?* (3) *С мезонином это ваш?* (4) *За мной в красном пальто.* (5) *За сеной молчали.* В книге «Русская разговорная речь» так характеризуются подобные номинации: «<...> «прямое» название лица или предмета в номинации отсутствует. Она содержит лишь название признаков либо действие лица или предмета – типичных или обнаруженных в данной ситуации. Такие номинации являются своеобразными семантическими конденсатами, содержащими не названное прямо имя лица или предмета [Русская разговорная речь 1973, 227].

3.4. Субстантивные номинации, осуществляемые именными конструкциями в косвенных падежах: *И в жёлтых окнах засмеялись, что этих нищих провели.* – Блок А.

3.5. Субстантивные номинации, осуществляемые с помощью инфинитива, обозначающего тему высказывания: (1) *Покупать не пришли* (ср.: *Покупатели не пришли*); (2) *Возвращаться опасно* (ср.: *Возвращение опасно*).

3.6. Субстантивные номинации, осуществляемые глагольными конструкциями: (1) *Из Москвы приехала ...живёт здесь?* (2) *Пивом торгует ... заболел;* (3) *С собачкой гуляет ... не появляется больше.*

Итоги описания способов выражения предметности в субстантивных номинативных единицах представлены в таблицах.

**ПРЕДМЕТНОСТЬ ФОРМАЛЬНО ВЫРАЖЕНА
В СТРУКТУРЕ НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ**

Структурные типы субстантивных номинативных единиц		Специальные показатели субстантивности как ономаσιологического базиса
Однословные номинации (имена существительные)	Склоняемые непродувные имена существительные	Формообразующие аффиксы, показатели рода, числа и падежа
	Склоняемые производные имена существительные	Формообразующие и словообразовательные аффиксы
Однословные указания (местоимения)	Предметно-личные местоимения	Формообразующие аффиксы, показатели рода, числа и падежа
Аналитические речевые номинации	Аналитические конструкции с предметно-личными местоимениями	Формообразующие аффиксы предметно-личных местоимений
	Аналитические конструкции с именами существительными широкой категориальной семантики	Формообразующие аффиксы имён существительных широкой категориальной семантики

Таблица 5

**ПРЕДМЕТНОСТЬ ФОРМАЛЬНО НЕ ВЫРАЖЕНА
В СТРУКТУРЕ НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ**

Структурные типы субстантивных номинативных единиц		Средства выражения ономаσιологического признака
Однословные номинации (слова различных частей речи)	Субстантиваты	Прилагательные, причастия, местоимения, потенциально – слово любой части речи
	Несклоняемые имена существительные	–
	Наречия в позиции темы высказывания	Обстоятельственные наречия места
Словоформы	Инфинитив в позиции темы высказывания	Инфинитив
	Косвенные падежи имён существительных в позиции темы высказывания	Косвенные падежи имён существительных
Аналитические речевые номинации	Именные конструкции в позиции темы высказывания	Именные конструкции
	Глагольные конструкции в позиции темы высказывания	Глагольные конструкции

Сравнение данных таблиц позволяет сделать ряд выводов

1. Предметность является коммуникативно-смысловой категорией, грамматическим концептом, который по-разному обнаруживается на различных уровнях языка. Морфологическим ядром этого концепта являются склоняемые имена существительные и местоимения существительные, хотя, безусловно, местоимения выражают также другой грамматический концепт – дейксис. Конструктивные свойства морфологической предметности активно проявляются при создании производных номинативных единиц – синтетических (производных имён существительных) и аналитических (речевые конструкции с местоимениями, имеющие предметную семантику).

2. Периферийные номинативные единицы со значением предметности в русском языке очень разнообразны по своей структуре и функциям. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что в русском языке обнаруживаются тенденции к коммуникативной дифференциации предметности как грамматического концепта, а с другой стороны, тенденцией к бесконечной дифференциации ономаσιологического признака субстантивных номинативных единиц «по заказу» разнообразных коммуникативных ситуаций.

3. Способ объективации предметного значения определяет внутреннюю форму субстантивных номинативных единиц, их грамматическую структуру, а также их семантический потенциал в речевой деятельности.

Способы выражения атрибутивности

Грамматический концепт атрибутивности выражается в русском языке в единицах различного уровня. Ниже представлены основные способы воплощения этого концепта.

1. Признаковость формально выражена в структуре слова и синтаксической позиции согласованного определения.

1.1. Системой флексий у склоняемых непроеизводных качественных прилагательных с нечленимой основой: *бел-ый, бел-ого, бел-ому, бел-ый, бел-ым, о бел-ом.*

1.2. Системой флексий и основообразующим суффиксом у склоняемых непроеизводных качественных прилагательных с основой неполной степени членимости: *сур-ов-ый, сур-ов-ого, сур-ов-ому, сур-ов-ый, о сур-ов-ом.*

1.3. Системой флексий и словообразовательным суффиксом у склоняемых производных качественных и относительных прилагательных: *силь-н-ый, силь-н-ого, силь-н-ому, силь-н-ый, силь-н-ым, о силь-н-ом; сель-ск-ий, сель-ск-ого, сель-ск-ому, сель-ск-ий, сель-ск-им, о сель-ск-ом.*

1.4. Словообразовательным суффиксом и частично системой флексий: *отц-в-Ц, отц-ов-а, отц-ов-у, отц-ов- . отц-ов-ым, об отц-ов-ом, отц-ов-а, отц-ов-ой, отц-ов-ой. отц-ов-у, отц-ов-ой, об отц-ов-ой*.

1.5. Системой флексий и формообразующим суффиксом у причастий: *пропе-т-ый, пропе-т-ого, пропе-т-ому, пропе-т-ый, пропе-т-ым, о пропе-т-ом*.

1.6. Конверсией, сменой парадигмы склонения у порядковых числительных: *пять → пят-ый, пят-ого, пят-ому, пят-ый, пят-ым, о пят-ом*.

1.7. Основой – корнем и системой флексий у порядковых числительных *перв-ый, втор-ой* и у местоименных прилагательных типа *как-ой, так-ой, котор-ый* и др.

2. Признаковость формально выражена в соотносительности с полными формами прилагательных и в синтаксической позиции составного именного сказуемого, скоординированного с подлежащим в роде, числе и им. пад. у кратких форм качественных прилагательных: *весел- , весел-а, весел-о, весел-ы*.

3. Признаковость формально выражена формообразующим суффиксом и синтаксическими позициями несогласованного определения и составного именного сказуемого у форм сравнительной степени прилагательных: *весел-ее, бел-ее, выш-е*.

4. Признаковость формально выражена в синтаксических позициях.

4.1. В позиции сказуемого, приложения, обращения у имён существительных с конструктивно обусловленным предикативным образным значением: *лиса, змея, шляпа, рыбка, солнышко*.

4.2. В препозиции сокращённые прилагательные в сложносокращённых словах (*профбилет, стенгазета*), предикатные имена существительные в сложносоставных словах (*царь-рыба, горе-рыбак, чудомашина*), связанная основа в сложных словах (*аэровокзал, авиаконверты*).

4.3. В препозиции и постпозиции несклоняемые прилагательные в функции несогласованного определения: *цвет беж, язык хинди, номер люкс, коми писатель, мини-юбка, макси-юбка, микро-автобус*.

4.4. В постпозиции несклоняемого несогласованного определения количественные числительные: *дом двадцать восемь, олимпиада – 2002, космонавт –2, страница сто сорок*.

4.5. В препозиции и постпозиции несогласованного определения косвенные падежи существительных (*платье из шёлка, беседка на берегу, дом на горе*), наречия (*яйца всмятку, волосы дыбом, дверь направо*), инфинитивы (*желание понять, необходимость учиться*), частицы (*тоже-политики*).

Способы выражения вербальности. Вербальные номинативные единицы

1. Синтетические (однословные) ВНЕ.

1.1. Глаголы.

1.1.1. Спрягаемые формы глагола: *читаю, читаешь, читала, читай*.

1.1.2. Инфинитив: *читать, догонять, вытягиваться*.

1.2. Отглагольная транспозиция.

1.2.1. **Морфологическая** отглагольная транспозиция.

1.2.1.1. Причастия: *читающий, читавший; догоняющий, вытягивающийся*.

1.2.1.2. Деепричастия: *читая, догоняя, вытягиваясь*.

1.2.2. **Словообразовательная** отглагольная транспозиция.

1.2.2.1. Отглагольные существительные: *чтение, догонялки, вытяжка*.

1.2.2.2. Отглагольные прилагательные: *читальный, вытяжной*.

1.2.2.3. Отглагольные наречия: *вдогонку, навывтяжку*.

1.2.2.4. Отглагольные слова категории состояния: *суждено, приказано*.

1.2.2.5. Отглагольные модальные слова: *видать, кажется*.

2. Аналитические (неоднословные) ВНЕ.

2.1. **Вербальные деривационные сочетания**: *дать согласие, оказать помощь, сделать укол, получить помощь, оказать доверие*.

2.2. **Вербальные фразеологические единицы**: *дать стрекача, бросить жребий, волком выть, лезть на рожон*.

2.3. **Вербальные речевые (описательные) номинации**.

2.4. **Составное сказуемое**.

2.4.1. Составное именное сказуемое.

2.4.2. Составное глагольное сказуемое.

2.4.3. Составное осложнённое сказуемое.

Выводы

1. Категориальные значения частей речи занимают особое положение в семиотической структуре языка. С одной стороны, они соотносятся с соответствующими грамматическими концептами, которые находятся на более высоком уровне языковой абстракции и отражают коммуникативные функции языка. С другой стороны, они соотносятся с субкатегориальными значениями слов и аналитических номинаций, которые находятся на более низком уровне языковой абстракции и отражают их коммуникативные функции. Ещё ниже в семиотической иерархии находятся индивидуальные лексические значения слов и аналитических номинаций.

МЕСТО КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТИ РЕЧИ
В ИЕРАРХИИ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Коммуникативные функции языка

Грамматический концепт части речи

Категориальное значение части речи

Субкатегориальное значение подкласса

Лексическое значение слова

2. На каждом семиотическом уровне существует возможность воплощения значения в единицах различного языкового уровня. При этом тип значения и способ выражения различны. По мере снижения семиотического уровня значения возможность варьирования его выражения уменьшается, а возможность варьирования его содержания увеличивается. На этой семиотической закономерности строится разграничение грамматического и лексического значений слова.

3. Категориальные значения частей речи и их грамматические концепты являются основными формами языкового мышления, которым подчинены другие типы языковой семантики. Однако эти отношения не являются односторонними, поскольку грамматические концепты частей речи обобщают функции слов и в силу этого тесно связаны со всеми типами их значений.

4. Грамматические концепты частей речи формируют не только грамматические классы частей речи, но и лексико-грамматические сверхклассы слов и аналитических номинаций. Система воплощения грамматического концепта части речи построена по принципу поля.

Следующая глава посвящена описанию выражения категориального значения частей речи в структуре русского языка.

ГЛАВА 3

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

3.1. Проблемы типологии частей речи

История изучения морфологии русского языка свидетельствует, что части речи – явление многоаспектное и неоднозначное. Как отмечает А. Е. Супрун, «попытки жёсткого определения частей речи оказались в общем безуспешными. Они приводили либо к различным видоизменениям морфологических классов, либо к весьма усложнённым, но всё же не до конца отвечающим реальности классификациям, либо вообще к утверждению о нереальности, ненаучности самой постановки вопроса о частях речи» [Супрун 1971, 86]. Существует несколько причин противоречий в общей теории частей речи. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, понятие части речи применяется нередко к единицам различных уровней языка: к полнозначной лексеме, служебному слову, словоформе, морфеме, вербоиду, квазислову, словосочетанию. В грамматической традиции существует попытка указать на такую неоднородность. Так, наряду с понятием «части речи», вводится понятие «частицы речи» [Греч 1827, 99; Виноградов 1947, 663–664; Фортунатовская школа]. В. В. Виноградов пишет: «Частицы речи», к которым относятся, между прочим, союзы и предлоги, противоплагаются «частям речи». Это общее понятие «частиц» обнимает все классы так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов» [Виноградов 1947, 663]. На неоднородность знаменательных и служебных частей речи указывал также И. И. Мещанинов, выделяя «связочные слова», или «слова-синтаксемы» [Мещанинов 1940, 42]. Не соответствуют статусу слова и модальные слова, междометия и звукоподражательные слова, что также даёт повод сомневаться в принадлежности их к системе частей речи [Штелинг 1996, 41, 59–60]. Попытка применения понятия «часть речи» к словоформе наблюдается, например, тогда, когда особыми частями речи называются словоформы глагола – инфинитив, причастия, деепричастия, словоформы прилагательных – краткие формы, степени сравнения. Возможность отнесения к частям речи морфем мы находим у А. А. Шахматова, который включил в систему частей речи префиксы [Шахматов 1941, 423, 504–505]. Данное решение казалось многим странным, однако образование префиксидов типа *сверх-*, *само-*, *взаимо-*, *лже-* и др., а также экспансия заимст-

вованных элементов типа *микро, макро, макси, мини, супер, ультра, пара-, псевдо-* и др., изменяющая грамматический тип русского языка, вновь сделали актуальным вопрос о возможности отнесения препозитивных морфем к особой части речи [Морфология и синтаксис современного русского языка 1968; Панов 1971; 1999]. Необычным для русского языка является структурный статус частей речи у составных слов: числительных (*триста двадцать пять*), местоимений (*сам по себе, кто угодно*), дробных числительных (*две пятых*), предлогов (*далеко за, в адрес*), союзов (*потому что*), частиц (*да ведь*), наречий (*в точности*).

Во-вторых, противоречия в теории частей речи обусловлены тем, что в по-разному учитываются процессы взаимодействия внутри системы частей речи, а также эволюционные процессы. Наибольшее распространение получила теория переходности [Мигирин 1971; Бабайцева 1983; 1988; 2000; Шигуров 1988; 1998] и теория транспозиции [Ким 1982; Шигуров 1998; 1988] частей речи. Интересной представляется также теория нейтрализации и корреляции частей речи, предложенная В.Г. Руделёвым [Руделёв 1976; 1979; 1980].

Рассмотрим транспозицию в системе знаменательных частей речи. Прежде всего следует исходить из того, что транспозиционные процессы не однородны. Их характер зависит от того, какие единицы субстанциональной и категориальной систем морфологии участвуют в этом процессе. В субстанциональной системе морфологии существуют такие типы единиц: словоформы (минимальные единицы), лексемы (основные единицы), внутрисястеречные парадигмы и межсястеречные парадигмы (комплексные единицы). В категориальной системе частей речи выделяются такие типы морфологически значимых семантических категорий: грамматические концепты частей речи, категориальные значения частей речи, субкатегориальные значения подклассов частей речи, семантико-морфологический тип слов. Эти семантические категории находятся в иерархических отношениях и обладают различной обобщающей силой, хотя по своему смысловому наполнению они соотносительны. Исходя из средств осуществления транспозиции и языкового статуса транспонированного грамматического концепта следует различать словообразовательную, морфологосинтаксическую, функционально-синтаксическую и морфологическую транспозиции.

При **словообразовательной транспозиции** происходит словообразование слов одной части речи от другой части речи с помощью словообразовательных средств – формантов: *весёлый > веселье, весельчак, веселить, весело; плотник > плотничать, плотницкий*.

При **морфологосинтаксической транспозиции** слово одной части речи преобразуется в слово другой части речи без помощи специ-

альных формантов, только в результате изменения морфологических и синтаксических свойств. В одних случаях происходит смена морфологической парадигмы слова: *ведущий* (действительное причастие наст. вр.) > *ведущий* (прилагательное), *ведущий* (существительное). В других случаях наблюдается лексикализация одной словоформы: *порой* (сущ. в ед. ч., твор. пад.) > *порой* (наречие), *пора* (сущ. в ед. ч., им. пад.) > *пора* (категория состояния).

При **функционально-синтаксической** транспозиции слово изменяет только свои синтаксические свойства и приобретает синтаксические функции другой части речи, занимает позицию другой части речи в номинативной структуре предложения [Яцкевич 1977; 1984]: *Злой с лукавым знаются, друг на друга ссылаются.* (Посл.). *Одному милость, а всем обида.* (Посл.).

При **морфологической** транспозиции образуются грамматические формы, совмещающие категориальное значение исходной части речи с категориальным значением другой части речи, причём лексическое значение словоформы остаётся неизменным. Так образуются порядковые числительные, совмещающие признаки числительного и прилагательного, от количественных числительных (*три* > *третий*, *пять* > *пятый*), причастия, совмещающие признаки глагола и прилагательного, и деепричастия, совмещающие признаки глагола и наречия, от глаголов (*лечь* > *ливший*; *говорят* > *говоря*). Формы морфологической транспозиции представляют интерес как особая сфера межкатегориального формообразования. В лингвистике они имеют противоречивые интерпретации и непоследовательное терминологическое обозначение. Это вызвано рядом причин: узким пониманием морфологической парадигмы части речи, а также тем, что данный участок русского формообразования наиболее подвержен процессу лексикализации, что приводит к синкретизму и омонимии формообразующих и словообразовательных средств. Например, деепричастия в грамматиках рассматриваются то как неизменяемая форма глагола, то как особая гибридная часть речи, то как отглагольное наречие. При рассмотрении притяжательных прилагательных их традиционно включают в состав прилагательных, хотя некоторые авторы считают их атрибутивными формами существительных (*птица* > *птичий*).

При описании явлений транспозиции частей речи нет единства в определении типов транспозиции и в соответствующей терминологии. Так, например, В.Г. Гак использует иные терминологические обозначения для рассмотренных выше типов транспозиции [Гак 2000, 110–112].

Для решения этих сложных вопросов морфологии русского языка предпринимались попытки разработать формальные способы отождествления лексем одной части речи. Так, И. И. Ревзин предлагал к од-

ной морфологической парадигме относить единицы, имеющие одинаковые синтаксические связи, однотипные грамматически подчинённые им слова [Ревзин 1973, 40]. В соответствии с этим как формы, включённые в парадигму прилагательного, рассматривались наречия и слова категории состояния с суффиксом –о, е, так как любое слово, которое зависит от прилагательного, зависит и от образованного от него наречия и слова категории состояния [Ревзин 1973, 48]. Такая интерпретация уже имела место в отечественном и зарубежном языкознании [См. об этом Поспелов 1954]. В другом случае формальные способы парадигматического отождествления лексем были заимствованы из фонологии. В частности, был использован принцип дополнительного или свободного распределения, на основе которого определяется вариант и инвариант [Руделёв 1976, 35–49]. Руководствуясь этим принципом, В. Г. Руделёв охарактеризовал два типа морфологических форм, которые образуются или способом модификации основного варианта лексемы (например, формы категории падежа), или способом деривации, которым образуются парадигмы родственных форм. Первым способом образуются «дополнительно распределённые варианты лексемы, которые не могут компенсироваться какими-либо иными средствами данного языка», эти варианты обычно называют словоизменительными формами [Руделёв 1976]. Вторым способом образуются «свободно распределённые варианты» лексем, которые обычно именуют формами словообразования [Руделёв 1976]. Дистрибутивный критерий дифференциации форм способствует выяснению их грамматической неоднородности, однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с выводами, к которым пришёл В. Г. Руделёв. По его мнению, на основе дистрибутивных различий можно выделить как особые части речи: полное причастие, краткое причастие, краткое прилагательное, деепричастие, инфинитив, перфект, презенс, императив [Руделёв 1976, 46]. Подобный принцип типологии частей речи уже имел место в русском языкознании. Как особые части речи выделялись инфинитив, причастие, деепричастие, императив. См. об этом: [Поспелов 1954].

И в той и другой теории, которые мы выше рассмотрели, разработка формальных принципов отождествления лексем одной части речи была вызвана стремлением последовательно проводить синтаксическую точку зрения на словоизменение. Такой подход был в своё время обоснован Ф. Ф. Фортунатовым, А. А. Шахматовым, П. С. Кузнецовым.

Однако формообразование частей речи включает в свою систему не только морфологические формы репрезентации конструктивно-синтаксических функций слова в предложении, но и формы морфологической репрезентации номинативных и коммуникативно-смысловых функций слова в речи и соответствующих им грамматических концеп-

тов. В силу этого система частей речи и системы формообразования частей речи функционально неоднородны. Формы морфологической транспозиции частей речи связаны с коммуникативно-смысловыми функциями слов в тексте, то есть с грамматическими концептами частей речи.

В новейших исследованиях формально-структурного направления намечается тенденция снять проблему транспозиции в её устоявшемся понимании. Так, например, С. А. Крылов в своей работе, посвящённой теоретическим проблемам морфологии, положительно оценивает попытки классификации частей речи в статье А. К. Поливановой [Поливанова 1990, 41–69]: «Эlegantное решение проблемы частей речи в духе несколько осовремененного (нео-)фортунатовского формализма на основе именно внутренней грамматической формы слов предложено в статье А. К. Поливановой: слова *запятая*, *мостовая*, признаются адъективами в ж.р.; *прохожий* – адъективом в м. р.; *крайне*, *тепло*, *хорошо* – адъективом в кр. ф. ср. р.; слова *бегом*, *шагом* – субстантивом в тв. п., *молча* – деепричастной формой глагола и так далее. Неоструктуралистская концепция морфограммем содержательно приходит в значительной степени к тем же выводам (и прибегает к сходным мотивировкам), хотя в слегка иной терминологической упаковке [Крылов 2002, 699–748]. Представляется, что подобное устранение из описания явлений переходности частей речи приводит к нежелательному появлению в описательной формальной морфологии мнимых тождеств, к искусственной изоляции тех аспектов частей речи, которые тесно взаимосвязаны в самом языке. Упрощение грамматической классификации слов по частям речи ради простоты описания языка является неоправданным, поскольку приводит к искаженному представлению о грамматическом строе языка.

Ниже приводится сводный список предполагаемых частей речи по данным научной и учебной литературы. Римскими цифрами обозначены части речи, традиционно выделяемые в учебниках по морфологии.

I. 1. Имя существительное.	VI. 18. Наречие.
II. Имя прилагательное.	19. Местоименные наречия
2. Полные прилагательные.	VII. 20. Категория состояния.
3. Краткие прилагательные.	21. Коммуникативы.
4. Компаративы.	VIII. 22. Модальные слова.
5. Аналитические прилагательные.	IX. 23. Предлоги.
III. 6. Имя числительное.	24. Послелоги.
IV. Местоимение.	25. Префиксы.
7. Личное и возвратное местоимения.	Препозитивные морфемы.
8. Псевдоместоимения.	X. Союзы.
	26. Союзы сочинительные.
	27. Союзы подчинительные.

9. Метаимена.	28. Союзы
V. Глагол.	присоединительные.
10. Презенс.	29. Слитные союзы.
11. Перфект.	30. Аналоги союзов.
12. Императив.	31. Вопросительные слова.
13. Инфинитив.	XI. 32. Частицы.
14. Полные причастия.	XII. 33. Связки.
15. Краткие причастия.	XIII. 34. Междометия.
16. Деепричастия.	35. Звукоподражательные
17. Глагольные междометия.	слова.

Данный сводный список частей речи не только свидетельствует о различных подходах к их выделению, но и даёт интересный материал для размышления над типологией грамматических концептов частей речи по характеру их воплощения и функционирования в языковой структуре. При такой классификации целесообразно учитывать следующие признаки: 1) степень автономности воплощения грамматического концепта части речи, 2) коммуникативный статус грамматического концепта части речи, 3) эволюционную характеристику.

1.1. Степень автономности воплощения грамматического концепта части речи. По этому показателю различаются:

- структурно и функционально однородные автономные части речи;
- структурно и функционально неоднородные комплексные части речи;
- синкретические части речи;
- структурно и функционально несамостоятельные части речи, компоненты комплексной части речи.

Структурно и функционально однородными автономными частями речи являются имена существительные, наречия и категория состояния. Их категориальное значение и синтаксические функции, морфологическая однородность воплощают один грамматический концепт и создают для них автономное положение в системе частей речи. Семантическое и формальное варьирование слов данных частей речи не изменяет их однородную категориальную ориентацию на один грамматический концепт: субстантивность (существительные), адverbальность (наречия), стательность (слова категории состояния). На субкатегориальном уровне эти части речи, безусловно, неоднородны, поскольку номинативные классы существительных соотносительны с несколькими грамматическими концептами частей речи: с ГК признаковости (имена качества), с ГК количественности (кватитативы), с ГК акциональности (имена действий) и др. (см. ниже), а номинативные классы наречий соотносительны с частными грамматическими значе-

ниями адвербиального типа категории падежа, номинативные классы категории состояния вообще имеют лексико-семантический статус.

Структурно и функционально неоднородными комплексными частями речи являются прилагательные, местоимения, числительные, глагол. Имена прилагательные в широком смысле, то есть слова выражающие концепт признаковости, включают в свой состав: полные формы прилагательных, причастий, порядковые числительные, обобщённо-качественные местоимения, краткие формы прилагательных и причастий, аналитические прилагательные. Местоимения в широком смысле, то есть указательные слова, включают в свой состав: обобщённо-предметные, обобщённо-качественные и обобщённо-количественные местоимения, местоименные наречия. Числительные, то есть слова, называющие количество или указывающие на него, включают в свой состав: количественные числительные, порядковые числительные, собирательные числительные, дробные числительные, местоименные числительные. Глаголы, то есть слова, называющие действие, состояние как процесс, протекающий в пространстве и времени, включают в свой состав: инфинитив, спрягаемые формы глагола, причастия, деепричастия, глагольные междометия. Вопрос о границах таких комплексных частей речи всегда являлся дискуссионным, о чём говорят не только научные работы по грамматике, но и вузовские и школьные учебники. Комплексность таких частей речи обусловлена тем, что некоторые выделяемые в их составе подклассы (о них речь шла выше), кроме интегрального для данной части речи грамматического концепта, воплощают и другой, дифференциальный, концепт в той или иной степени равноправный с интегральным. Так, краткие прилагательные, кроме интегрального для прилагательных категориального значения признаковости, имеют и дифференциальный грамматический концепт предикативности, а обобщённо-качественные местоимения – указательности.

Таким образом, разнородной в определении системы частей речи русского языка обусловлен тем, что границы между частями речи проводят в одних случаях по интегральному категориальному признаку, и тогда выделяют комплексные части речи, имеющие полевую структуру, а в других случаях по дифференциальному категориальному признаку, и тогда выделяют синкретические части речи, например, причастия, деепричастия, порядковые числительные, местоименные наречия и др.

И наконец, существует практика выделения в особую часть речи подкласса слов или форм, которые не соответствуют по каким-либо показателям категориальному значению основного грамматического концепта. Так появляются структурно и функционально несамостоятельные части речи, являющиеся компонентами основной части речи,

**КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ПО СПОСОБУ ОТОБРАЖЕНИЯ
ЭЛЕМЕНТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Типы слов	Отображение элементов действительности		
	расчленённое	непосредственное	самостоятельное
Основные ЧР	+	+	+
Междометия	-	+	+
Местоимения	+	-	+
Служебные слова	+	+	-

Далее мы предлагаем классификацию частей речи, отражающую их коммуникативную типологию. На этой основе различаются основные типы: полнозначные слова, неполнозначные слова, модальные слова, междометия, квазислова, препозитивные морфемы.

Полнозначные знаменательные слова обладают номинативной функцией и являются в предложении его самостоятельными членами (существительные, прилагательные, глаголы, числительные, наречия, категория состояния). Полнозначные указательные слова имеют дейктическую функцию, в предложении и тексте выполняют референтную функцию (местоимения).

Части речи – словоформы не имеют специфической коммуникативной функции, а обычно совмещают в себе основную и дополнительную функции. Так, полные причастия, совмещая в себе адъективный и вербальный признаки, является в предложении, как и прилагательное, согласованным определением. Краткие прилагательные и причастия, совмещая признаки признаковости и предикативности, выполняют в предложении функции сказуемых. Деепричастия, совмещая признаки акциональности и адвербиальности, выполняют функцию обстоятельств.

Неполнозначные слова имеют реляционную семантику, не выполняют номинативной функции и не являются членами предложения. Среди неполнозначных слов выделяются: служебные слова (предлоги, союзы, связки), слова-классификаторы (метаимена), модификаторы слов и предложений (частицы).

Модальные слова являются оценочными словами, не обладают номинативной функцией, не являются членами предложения, выполняют роль вводных слов.

Междометия, не называя, выражают чувства и эмоции, являются нерасчленёнными высказываниями.

Квазисловами являются звукоподражания.

Препозитивные морфемы, не являясь самостоятельными словами в высказывании и соответственно не являясь членами предложения, тем не менее выполняют номинативную функцию в составе сложных слов.

В данной системе частей речи по своей коммуникативной значимости выделяются местоимения, имена существительные, глагол и слова категории состояния. Категориальное грамматическое значение местоимений отражает элементы речевой ситуации (*я – ты – он, этот – тот, мой – твой – ваш*) и поэтому носит эгоцентрический и актуализационный характер. Употребление местоимений и речевое значение местоимений всегда ориентируются на координаты речевой ситуации: *я – здесь – сейчас*. Например:

*Мне помнится. в послевоенный год
Я нищего увидел у ворот –
В пустую шапку падал только снег,
А он его вытряхивал обратно
И говорил при этом непонятно.*

(Ю. Кузнецов)

С местоимениями связаны и коммуникативные категории определённости-неопределённости. *Я, ты, он, этот, тот* имеют коммуникативно определённый дейксис: *кто-то, что-то, чей-то, какой-то* и другие неопределённые местоимения имеют коммуникативно неопределённый дейксис. Кроме того, местоимения выполняют метаязыковую функцию, так как могут выражать в обобщённой форме категориальные значения других частей речи. Это свойство местоимений используется в учебной практике, когда отмечается, что имена существительные отвечают на вопросы: *Кто? Что?*, имена прилагательные – на вопросы: *Какой? Чей?*, числительные – на вопросы: *Сколько? Который?*, наречия – на вопросы: *Как? Где? Когда?*

Коммуникативное отличие имён существительных, глаголов и слов категории состояния от других частей речи заключается в том, что в предложении они являются главными коммуникативными опорами, они создают грамматическую основу предложения, называя действие и его субъект. Например: *Дедушка не знал, как внук корову украл. (Посл.); Иглою шьют, чашей пьют, а плетью бьют. (Посл.) В долг брать легко, а платить тяжело. (Посл.)* Только эти части речи способны создавать полные предложения, равные одному слову: *Весна. Степь. Дорога. Светает. Прохладно*. Все остальные знаменательные части речи не имеют такой коммуникативной самостоятельности. Имена прилагательные коммуникативно зависят от имён существительных (*Серебристая дорога. ты ведёшь меня куда?*; *Нивы сжаты, рощи голы*. С. Есенин), наречия – от глагола или прилагательного (*Рано оседлали, да поздно поскакали. Посл.: Очень счастливый человек*), иногда от существительного (*Он почти старик. Окно наверху открылось*). Числительные также в тексте не имеют коммуникативной самостоятельности и требуют после себя словоформ имён существительных: *Семь раз отмерь. один раз отрежь. (Посл.)*. Исключение составляют математи-

ческие тексты. При субстантивации прилагательные, наречия и числительные приобретают необходимую коммуникативную самостоятельность: *Сытый голодного не понимает. Семеро одного не ждут.* (Посл.). Таким образом, в коммуникативном плане выделенные типы частей речи очень разнообразны, что говорит о неоднородности грамматической концептуализации речи.

1.3. Эволюционная характеристика грамматических концептов частей речи. Формирование грамматических концептов и их воплощение в языковую структуру эволюционируют в истории языка, что также создаёт типологическую неоднородность частей речи. Как известно, разные части речи русского языка прошли различный исторический и эволюционный путь, однако эволюция каждой части речи происходила не изолированно, а в границах эволюции всей системы частей речи. Используя данные историко-типологических исследований, схематично это можно изобразить так:

Номинативное слово + слова-актуализаторы

Имя + Связка + Частицы + Местоимения + Предлоги

Имя + Глагол + Связки + Союзы + Частицы + Местоимения + Предлог

Имя существительное	+	Глагол	+	Связки	+	Союзы	+	Местоимения	
									Предлог
Имя прилагательное									Частицы
Имя числительное									
Наречие									
Категория состояния			+	Модальные слова					

КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Мета-языковая функция	Полнозначные слова с номинативной функцией. Знаменательные части речи		Неполнозначные слова со служебной функцией. Служебные части речи				Неполнозначные слова с оценочной функцией	Неполнозначные слова с экспрессивной функцией
	Коммуникативно самостоятельные грамматические концепты	Коммуникативно зависимые грамматические концепты	Реляционные грамматические концепты	Классификационные грамматические концепты	Модификационные грамматические концепты	Модальные грамматические концепты		
Местоимения <i>кто, что, он, она, оно</i>	Имя существительное		Предлог	Метаимена существительные	Частицы	Модальные слова	Междометия	
	Глагол		Союз	Метаглаголы				
Местоимение <i>каково</i>	Категория состояния		Связка					
Местоимения <i>какой, чей</i>		Имя прилагательное		Метаимена прилагательные				
Местоимения <i>сколько, столько, оба, обе</i>		Имя числительное						
Местоименные наречия		Наречия						
Местоимения - актуализаторы: личные и личноприятельные местоимения	Знаменательные частицы							

С развитием письменности эволюция системы частей речи замедляется в качественном отношении, но активно продолжается в количественном отношении. Поскольку эволюционный процесс идёт неравномерно у разных частей речи, то возможна их эволюционная типология в зависимости от фазы эволюции. В количественном отношении завершена эволюция числительных и местоимений. У числительных это произошло в силу терминативности их семантики и строгой замкнутой их системы. Не только языковые, но и индивидуально-авторские неологизмы невозможны. Предпринятые попытки в художественной речи свидетельствуют о том, что создаются всё-таки не новые числительные, обозначающие количество или порядок предметов при счёте, а образы известных исторических событий, фактически имена собственные этих событий. Например, такое явление можно наблюдать в поэме А. Вознесенского «Лёд-69»: *«лёд тыща девятьсот кронштадтский, шахматный, в дырах лёд», «лёд тыща семьсот трефовый от врытых по пояс мятежников», «июньский сорок проклятый», «лёд тыща триста фиолетовый»*. У местоимений лексический состав не пополняется, но не затухают процессы прономинализации, создающие функциональные подобию местоимений (*следующий, известный, данный, один, второй*), и аналитические номинации на базе местоимений и других частей речи (*что угодно, кто угодно, какой угодно; что попало, кто попало, какой попало; неизвестно кто, неизвестно что, неизвестно какой; понятно кто, понятно что, понятно какой*). Для существительных, прилагательных, наречий и глагола характерны количественная эволюция и внутренняя качественная эволюция в силу развития множества продуктивных словообразовательных типов и разнообразия или унификации синтаксических функций. Количественно и качественно эволюционируют и служебные части речи, пополняясь в основном за счёт других частей речи [Черкасова, Рогожникова].

Эволюция частей речи приводит к эволюции их грамматических концептов. Завершение эволюционной фазы делает лексическую систему части речи закрытой, это укрепляет семантическую структуру концепта и его функциональную специализацию, что мы наблюдаем у числительных и местоимений. Это может привести к внутренней перестройке грамматической системы части речи, например, числительные, эволюционно отделяясь от имён существительных и прилагательных, утрачивают склонение. Если часть речи находится в незавершённой фазе эволюции, то лексическая система является открытой, что может привести к изменению семантической структуры грамматического концепта и к развитию многофункциональности, переходности и синкретизма. Это наблюдается у остальных частей речи.

В начальной фазе эволюции пребывают связки, и вопрос о их дальнейшей эволюции является проблематичным. Соответствующий грамматический концепт выражается фактически одной полноценной связкой *быть* и большим количеством «полузнаменательных и знаменательных связок», то есть неполнозначных глаголов: модальных (*желать, хотеть, успеть*), фазовых (*начать, продолжить, кончить*), глаголов-компенсаторов (*происходить, являться, делать, дать, вести*), которые занимают в предложении неодинаковые позиции. Грамматический концепт связки как особой части речи в истории русского языка постоянно видоизменялся, формировался в зависимости от изменения характера синтаксической структуры предложения. Проблема изучения неполнозначных глаголов постоянно привлекает исследователей в силу своей сложности и многоаспектности.

В начальной фазе находится и класс слов с самостоятельной коммуникативной и номинативной функцией, примыкающих к другим словам – существительным, прилагательным и наречиям (*цвет беж, авиапочта, космонавт-два, суперлайнер, супертонкий, супертонко, термобигуди, чудо-печка, данс-стиль*). Теоретические проблемы выделения особой части речи – «аналитических прилагательных» была впервые поставлена А. А. Реформатским [Реформатский 1955, 226], а затем М. В. Пановым [Панов 1971, 240–253; 1968]. Их статус слова подвергается сомнению. Однако свобода их перемещения и относительная информативная независимость, а также их сопроводительная функция позволяют назвать данные единицы **знаменательными частицами**. Препозитивными частицами назвала это новое явление русской морфологии Е. И. Голанова [Голанова 1975.] Термин аналитические прилагательные представляется нам не соответствующим служебному статусу этих единиц. Они лишены всех грамматических категорий прилагательных, обладают особыми синтаксическими свойствами, характерными для аналитического, а не синтетического, как у прилагательных, строя грамматики. Отсутствие единообразного написания знаменательных частиц (слитно, дефис, отдельно) также говорит о том, что данная часть речи находится в стадии формирования.

Проблемы эволюции частей речи на разнообразном и богатом фактическом материале обсуждаются в работах М. В. Панова. В его книге «Позиционная морфология русского языка» этой теме посвящены многие разделы. Автор пришел к основному выводу, который заключается в следующем: «В морфологии у новых именных слов заметна склонность к неизменяемости, одноморфемности – к минимальному количеству возможных выборов морфемы. Противоположное направление в движении глагольных форм» [Панов 1999, 269], «в именах идут процессы, которые поощряют маломорфемность слов. Глагольное слово переживает иной процесс: язык стимулирует его мор-

фемное увеличение» [Панов, 265]. На наш взгляд, этот вывод слишком категоричен. Дело в том, что склонность к неизменяемости не проявляется в именах в таком глобальном масштабе, она в основном касается новых заимствований. Экспансия несклоняемых существительных и прилагательных, наблюдаемая в последние десятилетия, не отражает внутренние запросы русского языка, его внутреннюю логику развития. Замедление процесса морфологической натурализации заимствованных имён имеет внешние и внутренние причины. Агрессивная экспансия заимствованных в основном из английского языка слов характерна для городского сленга, обслуживающего субкультуру, которая не выражает ценностей национальной культуры и чужда ей, поэтому срастание и ассимиляция коренного русского языка с этим ущербным модификатом английского языка вряд ли возможна и тем более не желательна. Другое дело сфера терминологии, отражающая общие тенденции развития мировой науки и техники и допускающая большую долю искусственности языка. Современные средства массовой информации, как правило, ориентируются на эти языковые ситуации, что отражается на их газетно-публицистическом стиле, занижающем культурные ценности русской речи. Думается, что эту болезнь русский язык изживёт, так же как он почти изжил другую напасть – безудержный рост аббревиатур в первые послереволюционные годы.

Кроме этого, кажется неоправданным и противопоставление продуктивности аффиксального словообразования русских глаголов количественному нарастанию морфемно нечленимых заимствованных имён. Именное словообразование русского языка, так же как и глагольное, находится в стадии расцвета, на его основе состав существительных и прилагательных неуклонно растёт, о чём свидетельствуют, например, данные академической «Русской грамматики». Особо следует обратить внимание на то, что увеличивается количество именных конфиксов. Далее, вновь обнаружилось продуктивность, после длительного периода бездействия, префиксальное словообразование существительных и прилагательных [Русская грамматика 1980]. Причём, следует отметить, что частично новые префиксы и префиксоиды формируются на базе тех заимствованных имён, которые относят к аналитическим прилагательным. Таким образом можно говорить о развитии у имён «левой» морфологии, то есть морфологии начала слова, в противоположность старой морфологии – «правой», то есть морфологии конца слова.

Для доказательства рассмотрим более подробно развивающуюся систему префиксального модификационного словообразования имён существительных. Эта система служит для выражения следующих субкатегориальных значений [Яцкевич 1989]:

1) значения количественной модификации: а) размер (*макро: макромолекула; макси: макси-мода; микро: микрообъект; мини: мини-трактор; супер-: суперлайнер*); б) целостность-нецелостность (*пол-: полкирпича; моно: монокультура*); в) интенсивность (*пол-: полбеды; макро-: макромутация; гипер: гипервентиляция; супер: суперинфляция; сверх-: сверхлаконизм; все-: всепонимание; ультра-: ультрареакционер*);

2) значения модальной модификации: а) неполное тождество: подобие (*архаич. па-: падуб; арх. су-: суглинок; полу-: полудикарь; пара-: парагрипп*); мнимое тождество (*лже-: лжеакция; псевдо-: псевдокультура; квази-: квазидоговор*); б) отрицание (*не-: невыезд; без-: безверие*); в) противоположность (*без-: беспорядок; а-: асимметрия; анти-: антивирус; де-/дез-: демонтаж; дис-: дисгармония; контр: контрудар; противо-: противоток; раз-: рассогласованность; ре-: реэмиграция*);

3) значения родо-видового соответствия: *под-: подвид, поджанр; суб-: субпериод, субсчёт*;

4) значения темпоральной модификации: а) предшествования (*до: доистория; пред: предутро, предвесна; пра: прародина, працивилизация; прото: протоистория, протозвезда; пред-: предвечерье*); б) следования (*за-: затакт; от-: отзвук; после-: послесвечение; пост-: постримпессионизм; после: послеследование*); в) начала, новизны (*младо-: младочехи; нео-: неокapитализм, неомещане; ново-: новооткрытие; перво-: перевозимье*); г) бывшего, старого (*экс-: экс-министр, экс-диктатор*); д) промежутка времени между двумя периодами или событиями (*между-/меж-: межвластие, междуцарствие*); е) повторности во времени (*пере-: пересев, перекомиссия; ре-: реорганизация, релаксация*); ж) одновременности, совместности во времени (*при: призыв, со-: сопереживание*).

Словообразование имён существительных с помощью данных префиксов и префиксоидов активно развивается в современном русском языке.

3.2. Грамматические концепты частей речи в структуре лексического значения лексемы

Распространено мнение, что КЗЧР обобщает лексические значения слов. В таком случае КЗЧР считается родовым по отношению к видовому ЛЗ (напр., предметность: *дом, река, зелень, пение, сон* и др.; действие: *нести, плыть, молчать, хотеть, иметь* и др.). Так, А. Н. Савченко пишет: «Значение ... части речи – результат обобщения всех основных, то есть лексических, значений слов, входящих в неё, и не является понятием, качественно отличным от них» [Савченко 1959, 36]. (Правда, далее в этой же книге автор называет его лексико-

грамматическим.) Однако данное положение справедливо только для служебных частей речи (см., например, родо-видовые отношения у союзов: связь – сочинительная – противительная: *а, но, однако* и др.), а для остальных знаменательных частей речи – только в отношении прототипов: напр.: конкретных существительных, которые действительно обозначают предметы; акциональных глаголов, которые действительно обозначают действие. Но в таких случаях предметность и акциональность являются всё же не грамматическими, а категориальными лексическими значениями, поскольку для грамматического значения характерна облигаторность, обязательность для всего грамматического класса слов. Кроме этого, КЗЧР всегда определяет не только лексическую, но и грамматическую оформленность и сочетаемость слова. Ср.: *синее небо, синева неба, небо синее*. Таким образом, категориальное значение части речи имеет особое положение в семантической структуре слова. Оно обобщает не лексические значения слова, а его коммуникативно-смысловые функции в речи. Если в лексических значениях слов происходит обобщение и представление внеязыковых сущностей (предметов, их признаков, действий, явлений внутреннего мира человека, отношений и т.д.), то в категориальном грамматическом значении части речи обобщаются смысловые функции слов в процессе коммуникации. Эти значения выражают не категориальные лексические концепты, а грамматические концепты, природа которых иная. В главе 2 грамматические концепты как формы языкового мышления были рассмотрены подробно. Теперь необходимо определить, какое место занимают грамматические концепты в лексико-семантической структуре слова.

В отечественном языкознании сложилась давняя традиция считать категориальное значение части речи грамматическим [Овсяннико-Куликовский 1912, 36; Пешковский 1956, 70–78; Щерба 1957]. М. И. Стеблин-Каменский считал, что все части речи, кроме числительных и местоимений, имеют грамматическое значение [Стеблин-Каменский 1954, 152].

Для всех без исключения слов одной и той же части речи её категориальное значение, её грамматический концепт, является коммуникативно-смысловой формой представления их лексических значений, то есть это не индивидуальное, а обобщённое обязательное значение. В. В. Виноградов определял ЛЗ как предметно-логическое содержание слова, оформленное по законам грамматики данного языка [Виноградов 1947]. Итак, категориальное значение части речи – это формальное значение слова, оно оформляет лексическое содержание слова в соответствии с тем или иным грамматическим концептом. М. В. Панов, подчёркивая свою принадлежность к московской грамматической школе Ф. Ф. Фортунатова, указывает на то, что «каждая часть речи имеет

свой набор грамматических значений, именно им она отличается от других частей речи». Вместе с тем он сочувственно относится и к мнению Л. В. Щербы о том, что грамматическое оформление слова зависит от категориального значения части речи [Панов 1999, 117]. М. В. Панов пишет: «Все слова, принадлежащие к одной части речи, объединяет грамматическая идея. Все они представляют свои денотаты; обозначаемые фрагменты действительности (в пределах каждой части речи) они рисуют в свете определённого взгляда, подводят изображаемое под определённое грамматическое понимание. Так, глагол всё обозначаемое освещает как действие. Такая у него страсть: всё рассматривать как действие. И каждая часть речи имеет грамматическую идею, которой освещает всё, что она именуёт» [Панов 1999, 117].

Отношения между ЛЗ и КЗЧР разнообразны, что обусловлено эволюцией языка и динамическим характером его системы. Во-первых, эти отношения различны у разных частей речи. Во-вторых, они различаются у разных лексико-грамматических разрядов одной части речи.

3.3. Соотношение лексических значений и категориальных значений частей речи у слов разных частей речи

Наиболее значительны различия в этом плане между частями речи. У существительных и глаголов грамматические концепты наиболее развиты и поэтому в большей степени обладают независимостью от лексических значений конкретных слов. Не случайно их называют основными частями речи, базовыми частями речи. Именно для этих частей речи правомерно называть их грамматические значения – сопутствующими значениями слова. У существительных и глаголов, в силу этого, особенно широко развиты внутри части речи самостоятельные лексико-семантические и лексико-грамматические системы, отражающие высокую степень обобщённости внутривидовых семантических категорий. Таким образом, у слов данных частей речи языковая категоризация происходит в двух направлениях.

У прилагательных, числительных, наречий и слов категории состояния категориальное значение частей речи и лексическое значения слова взаимообусловлены и находятся в отношениях изосемии. Категоризация лексическая и грамматическая идут в одном направлении.

У местоимений грамматическая категоризация подчиняет себе лексическую категоризацию. Отсюда большая обобщённость лексических значений местоимений, их малочисленность и словообразовательная замкнутость. Л. Я. Маловицкий назвал тип местоименных значений грамматацией [Маловицкий 1981].

У служебных слов грамматическая и лексическая категоризации находятся в родо-видовых отношениях, о чём речь шла выше. Этим

обусловлен грамматикализованный характер лексических значений служебных слов

У модальных слов и междометий грамматическая и лексическая категоризации находятся в диффузном, синкретичном состоянии в силу своей неразвитости.

3.4. Соотношение категориальных и субкатегориальных значений частей речи в структуре лексического значения слов

Положение КЗЧР в лексико-семантической структуре слов разных лексико-грамматических разрядов одной части речи также неодинаково. Грамматический концепт каждой части речи развивается на основе прототипа – первичного класса слов данной части речи, который составляет её ядро. Для существительных – это конкретные имена, а ещё ранее – собственные имена. Для глаголов – это акциональные глаголы, называющие конкретные действия, а ещё ранее – бытийные и посессивные глаголы. Для прилагательных – это качественные имена. Для местоимений – это личные местоимения. Отношения между лексическим значением и КЗЧР у слов прототипического класса и слов вторичных классов различны. В прототипических классах слов существуют изосемичные отношения между ГК и ЛЗ. У вторичных классов слов эти отношения не изосемичны. Впервые характер отношений между КЗЧР и лексико-грамматическими значениями слов был терминологически обозначен как изосемические и неизосемические подклассы слов в книге Г.А. Золотовой «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» [Золотова 1982]. Это находит частичное отражение в лексикографической практике при определении лексических значений слов, а также обнаруживается при компонентном анализе лексических значений слов. В лексических значениях слов прототипических классов понятие, лежащее в основе грамматического концепта ЧР, формирует и лексико-грамматическую сему (ЛГС): *дом*: ГК – предметность, ЛГС – предмет (конкретное существительное); *я*: ГК – указательность, ЛГС – указание на лицо. Во вторичных классах слов ЛГС формируется более сложно. Здесь следует отдельно рассматривать слова, семантика которых послужила основой для формирования вторичных частей речи, и слова, семантика которых отражает ГК первичных частей речи. Например, пространственные существительные послужили основой для формирования наречий (*вверх, сбоку, снизу*), стательные существительные – для формирования слов категории состояния (*пора, страх, грех, ужас*). Это первый тип слов. И второй тип слов: имена действий (*бег, пение, просмотр, вывоз*) соотносительны с ГК глаголов, имена качества (*синева, долгота, мужество*)

соотносительны с ГК имён прилагательных. Таким образом, можно говорить о трёх типах соотношения ГК и ЛГС:

1) ЛГС ~ ГК

2) ЛГС → ГК

3) ЛГС ← ГК

Вопрос о соотношении ЛГЗ и КЗЧР издавна рассматривался в русской грамматической традиции (Потебня, Шахматов, Виноградов, Бондарко, Арутюнова, Ю. С. Степанов). Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» пишут: «В русском языке, как и во многих других, категории действительности, типы явлений и их связей оформлены в виде системы частей речи, отработанной языком в его многовековой истории. Классы явлений действительности предстают нашему языковому сознанию как предметы и лица, действия и состояния, качества и количества и т.д. Языковым выражением их служат соответственно знаменательные части речи в их категориально-грамматическом значении. Так, основным категориальным значением имени существительного является предметность, глагола – процессуальность, категории состояния – статуальность, прилагательных – качество, свойство, числительного – количество» [Золотова и др. 1998, 39]. И далее, противореча себе, авторы заявляют: «Известно, однако, что общее семантическое значение части речи в достаточной степени условно, поскольку не всякое существительное обозначает предмет <...>, не всякий глагол обозначает процесс» [Золотова и др. 1998, 40]. Эти различия проявляются в словообразовании, морфологических и синтаксических свойствах. Далее авторы показывают на примерах и подчёркивают, что «именно уровень семантико-грамматических подклассов определяет синтаксические возможности слова и его форм [Золотова и др. 1998, 41–43].

Представляется, что распространённое мнение об условности КЗЧР не раскрывает статуса этого значения в структуре языка. Более конструктивным представляется иное решение. Если считать это значение обобщённым грамматическим концептом, то тогда можно говорить о различных уровнях его представления в языке в зависимости от коммуникативно-смысловых функций слов различных лексико-грамматических разрядов.

3.4.1. Категориальные и субкатегориальные значения в лексической системе имён существительных

Рассмотрим соотношение категориального значения части речи и субкатегориальных значений в лексической системе **имён существительных**. Как известно, существует две классификации по лексико-грамматическим разрядам.

Первая, традиционная, классификация выделяет в составе имён существительных такие лексико-грамматические разряды: собственные (*Иван, Мария, Москва, Волга*) и нарицательные (*дом, река, человек, город*); одушевлённые (*человек, сестра, лиса*) и неодушевлённые (*ветер, снег, стул*) существительные; исчисляемые (*стол, дом, папец, брат*) и неисчисляемые (*снег, красота, пение*) существительные; конкретные (*луг, трава, кровать*) и абстрактные (*совесть, радость, синева*) существительные; вещественные (*вода, железо, крупа*), собирательные (*крестьянство, бельё, мошкара*) существительные, сингулятивы (*снежинка, пылинка, градина*). Данная классификация проверена временем, она является отражением естественной классификации обозначаемых объектов, поэтому выделенные лексико-грамматические разряды пересекаются друг с другом. Такая классификация отражает интерпретацию называемых объектов с различных точек зрения: степени индивидуальности, активности, дискретности, исчисляемости, единичности и множественности. Именно эти семантические категории оказались сопряжёнными с грамматическими категориями рода, числа и падежа существительных и соответственно отражают виды модификации категориальной семантики части речи – предметности.

Вторая классификация возникла позже в рамках функциональной грамматики, поскольку она в большей мере отражает функционально-типологическую систематику лексических значений слов одной части речи и в то же время соотносится с классификацией слов данного языка по частям речи. Создание ономаσιологической классификации имён существительных, которая смогла бы стать базой для описания функциональной морфологии, словообразования и синтаксиса данной части речи, – задача чрезвычайно сложная. До сих пор не существует семантической типологии лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических средств имён существительных, в то время как семантическая терминология, которая использовалась в сфере функционального словообразования [Гинзбург 1979; Кубрякова 1984; Русская грамматика 1980], функциональной морфологии [Бондарко 83; Руделёв 1976] и функционального синтаксиса [Золотова 1973; 1979; 1982; Мухин 1980], обнаруживает определённый параллелизм и свидетельствует о том, что языковые значения различного уровня опираются на общую систему ономаσιологических категорий, соотносительных с коммуникативно-смысловыми категориями и грамматическими концептами частей речи. При исследовании лексического состава имён существительных целесообразно использовать методику ономаσιологического анализа [Кубрякова 1978; 1984; Никитевич 1985]. В один ономаσιологический класс объединяются существительные с однотипной ономаσιологической структурой и функцией. Номинатив-

ная функция слова обусловлена предметом называния и способом называния. Предмет и способ называния определяют в свою очередь номинативную структуру лексико-грамматического значения слова: ономазиологический базис, ономазиологический признак и отношение между ними. Категориальное значение ономазиологического класса существительных является базисным компонентом номинативной структуры слова.

В современной теории номинации пришли к выводу, что в лексической системе существительных существуют два типа номинации: тематическая (денотативная) и функциональная (смысловая, сигнификативная) [Караулов 1976; Степанов 1981; Языковая номинация 1977]. Каждый тип номинации имеет свои ономазиологические базисы и признаки, которые и определяют структуру номинативных классов имён существительных.

Таксономическая классификация ориентируется на внутренние, сущностные (ингерентные) свойства называемых объектов. В соответствии с этими свойствами формируются следующие номинативные классы имён существительных: 1) конкретные – абстрактные существительные; 2) среди конкретных: неодушевлённые – одушевлённые существительные; 3) среди неодушевлённых: наименования растений и их частей, предметов и их частей, тел живых существ, веществ и их частей; 4) среди одушевлённых: наименования людей – наименования животных (антропонимы – зоонимы) [Степанов, 1981]. Номинативная система данного типа отражает основную элементарную таксономическую систему, выражающую миропонимание человека. Впервые эта система была описана Аристотелем при классификации субстанций, или сущностей, отражённой в «дереве Порфирия». Ю. С. Степанов даёт обстоятельную логическую интерпретацию этой классификации [Степанов 1981, 74–76].

В отличие от таксономической классификации функциональная классификация существительных ориентируется на коммуникативную неоднородность объектов номинации. Коммуникативная дифференциация объекта называния является обязательным свойством лексических и синтаксических номинативных единиц языка [Арутюнова 1976], она является стабильной системой, соотносительной с системой грамматических концептов частей речи в языке. В предлагаемой ниже классификации в один номинативный класс объединяются различные по предметно-логическому содержанию существительные, обладающие тождественным коммуникативно-смысловым значением и соотносительные с одним из грамматических концептов частей речи [Яцкевич 1987, 1988]. Таким образом, ономазиологическое членение имён существительных на классы обусловлено их коммуникативными функциями в речи. Таких функции пять: референция, предикация, детерми-

нация, синкретическая и реляционная функции. Им соответствуют основные номинативные классы имён существительных: 1) референтные имена, 2) предикатные имена, 3) детерминантные имена, 4) синкретические имена, 5) полузнаменательные имена, или метаимена.

Рассмотрим каждый номинативный класс существительных.

Референтные имена

Референтные имена являются ономаσιологическим ядром существительных. Основная коммуникативная функция слов этого класса – референция, то есть представление в высказывании предмета сообщения, выражение отношения к денотату. При сопоставлении таксономической и функциональной номинации выясняется, что референция является первичной коммуникативной функцией у существительных следующих таксономических классов: наименования людей, животных, растений, предметов, веществ (*брат, крестьянин, ива, стол, нож, вода*). Общая семантико-синтаксическая характеристика референтных имён наиболее полно представлена в книге Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976].

Референтные имена делятся на две ономаσιологические разновидности: субъектные (*сын, крестьянин, врач*) и объектные (*книга, цветок, столб*) имена. Связь типа грамматики языка с коммуникативно-семантической дифференциацией лексического состава существительных по данному признаку обычно рассматривается в типологических исследованиях различных языков, а также в описательных грамматиках русского языка при исследовании категории падежа, залога, рода, лексико-грамматических категорий способов действия глагола. Однако термины «субъект» и «объект» очень многозначны. Их значение и употребление пересекаются со значениями таких терминов, как одушевлённость и неодушевлённость, личность и неличность, активность и неактивность предмета, агенс и пациенс. Все эти термины не вполне отражают категориальные значения двух указанных подклассов референтных имён, так как или употребляются недостаточно терминологично, или, наоборот, имеют строго ограниченное терминологическое содержание и используются для описания определённой грамматической или лексико-грамматической семантики, в силу чего не могут полностью раскрыть коммуникативное своеобразие лексических значений указанных подклассов слов. По мнению Ю. С. Степанова, на данном этапе исследования мы не можем с уверенностью сказать, каково здесь наиболее адекватное семантическое противопоставление» [Степанов 1981, 305]. На наш взгляд, деление на субъектные и объектные имена отражают принцип антропоцентризма, характерный для человеческого языка, и поэтому в этом случае термины «субъект» и «объект» употребляются в общенаучном смысле: субъект – тот,

кто познаёт мир и воздействует на него, объект – то, что существует вне нас и является предметом познания и воздействия со стороны субъекта.

Внутрисистемная дифференциация референтных имён обусловлена несколькими факторами: 1) сущностными (ингерентными) свойствами называемых объектов, 2) функцией (ролью) объекта номинации в обозначаемой ситуации, 3) типом и способом референции. Как отмечает Ю. С. Степанов [Степанов 1981, 74–76], сущностные свойства объектов отражены в таксономической классификации существительных. Назначение, роль предмета в обозначаемой ситуации также находит отражение в лексическом содержании референтных имён. Семантико-синтаксическая специализация таких имён, нередко отражённая в их словообразовательной структуре [Апресян 1974; Гинзбург 1979; Кубрякова 1984], связана с выражением актантных значений: субъект действия (*учитель, тракторист, доярка*), объект действия (*напиток, наклейка, кипяток*), результат действия (*отсевки, выжимки, вырубка*), средство действия (*топор, пила, расчёска*) [Апресян 1974].

Номинативная система референтных имён отражает в своих внутренних группировках различные типы и способы референции. На этой основе выделяются: 1) собственные имена, выполняющие функцию индивидуализации (*Пётр, Нина, Тюзик*); 2) конкретные нарицательные существительные, способные в различных контекстах обозначать: а) определённый, известный говорящему предмет или лицо (*Она разговаривала со своей дочерью*), б) неопределённый, неизвестный говорящему предмет (*У вас есть дочь?*), в) класс однородных предметов или любого представителя этого класса (*Дочь должна слушать мать*), г) признак класса однородных предметов (*Она для меня как дочь*) [Гак 1977; Николаева 1979]; 3) собирательные и вещественные существительные, называющие совокупности неиндивидуализированных объектов (*зерно, мошкарка, молоко, молодёжь*); 4) квалификативы – экспрессивные характеристики лиц, не имеющие постоянной лексически закреплённой референции: это существительные общего рода (*сирота, соня, умница*), существительные с синтаксически связанными и конструктивно обусловленными значениями (*шляпа, ворона, медведь, лакей*).

Ю. С. Степанов установил, что имена различных предметных групп, выделяемые по ингерентным признакам, по-разному выполняют коммуникативную функцию идентификации. Степень индивидуальности и денотативной определённости у них различна. В наименьшей степени индивидуализируются имена вещей и веществ. «Слова типа «молоток», «стул», «пальто», как правило, исключаются из процесса языковой индивидуализации, являясь одновременно и именами классов и именами индивидов этого класса» [Степанов, 77]. Растения и животные, особенно не домашние, обычно индивидуализируются с точно-

стью до вида [Арутюнова, 307; Степанов 1981, 79]. Домашние животные, особенно крупные, индивидуализируются в большей степени [Степанов 1981, 85].

Референтные имена являются ядром имён существительных как особой части речи. Семантика их имеет прототипический характер. Только у них существуют отношения изосемии между категориальным значением части речи и субкатегориальным значением номинативного класса, поскольку и то и другое значение имеют один и тот же грамматический концепт – субстанциональность, предметность.

Предикатные имена

Предикатные имена обладают имплицитной, свёрнутой предикативностью (*вырубание, косьба, наивность, душевность*) и по этой коммуникативной функции противопоставлены референтным именам, которые составляют лексическое и грамматическое ядро имён существительных и обладают максимальной коммуникативной самостоятельностью в высказывании. По мнению исследователей [Адамец 1973; Арутюнова 1976; Золотова 1979; Кубрякова 1978; Степанов 1981], предикатные имена имеют пропозитивную семантику, то есть предикативное значение в самом широком понимании этого термина) [Арутюнова 1976, 79]. Субкатегориальное значение предикатных имён соотносительно, таким образом, с категориальным значением таких частей речи, как имя прилагательное и глагол. Эта функциональная соотносительность проявляется в словообразовательной и синтаксической коррелятивности предикатных имён и соответствующих частей речи. Данное явление функциональной грамматики привлекало внимание исследователей, но систематически не изучалось. Место предикатных имён в системе ономаσιологических классов русских имён существительных до сих пор не выявлено с полной определённойностью. Это отражается и в неопределённости терминологии, которая используется для обозначения данного класса слов. По нашим данным, с этой целью в современной литературе употребляются такие термины: предикатные имена, абстрактные, отвлечённые имена, сигнификатные имена, десигнатные имена, событийные имена, абстрактно-событийные имена, признаковые имена, пропозитивные имена, метаимена. Несмотря на то, что коммуникативное своеобразие «признаковых» существительных лингвисты отметили давно, специальным предметом разноаспектных исследований этот тип существительных стал сравнительно недавно [Курилович 1962; Кацнельсон 1972; Ким 1978; Бортэ 1979; Золотова 1979; 1982; 1998; Руделёв 1979; Степанов 1981] в связи с активизацией работ в области функционального синтаксиса и словообразования. Коммуникативная специфика предикатных существительных рассматривается в теории транспозиции [Адамец 1973; Ким

1978 и др.] и номинализации [Гак 1976, 86–91]. Библиографический обзор работ по этому вопросу содержится в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1984, 146–148], П. Адамца [Адамец 1973], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976, 70–75; 146].

На наш взгляд, наряду с общим широким пониманием предикатных имён, есть необходимость их дифференцировать. Широкое понимание предикатных (признаковых) существительных сложилось в сфере функционального синтаксиса и отражает логико-синтаксическое понимание предикации. Функционально-типологический подход к описанию этих существительных на основе исходных грамматических концептов частей речи позволяет выделить несколько коммуникативно и номинативно неоднородных классов существительных: собственно предикатные имена, к которым относятся имена действий и имена качеств; детерминантные имена, к которым относятся количественные, пространственные и темпоральные имена; синкретические имена, к которым относятся имена ситуаций, имена состояний, имена событий.

Имена качества

Именами качества являются существительные, обозначающие, подобно прилагательным, качества и свойства предметов, а также действий, состояний, признаков и отвлечённых понятий, представленных существительными как субстанция: (1) *Ветер дул с моря. Он заполнял Прагу свежестью ночи.* – К. Паустовский; (2) *В стихах и прозе искали масштабности и всемирности.* – К. Паустовский. Имена качества являются особым функциональным типом существительных: в высказывании они, как и прилагательные, обозначают признак отдельно от его предполагаемого носителя. Наиболее определённо функциональная специфика имён качества раскрыта в семантико-синтаксических исследованиях, где они рассматриваются как разновидность предикатных слов. В специальной статье Г. А. Золотовой имена качества выделяются как особый подкласс отвлечённых имён существительных [Золотова 1979, 130], однако привлекаемый в статье фактический материал говорит о том, что автор не отделяет имена качества от имён состояния и имён ситуаций [Золотова 1979, 140–146; Курилович 1962].

Атрибутивный характер семантики имён качества проявляется в их формально-синтаксических и семантико-синтаксических свойствах, которые описаны были Г. А. Золотовой и В. В. Степановой в указанных работах. Как и прилагательные, имена качества характеризуются синтаксической связанностью употребления, однако это другая связанность. У прилагательных, как известно, она выражается в специальных морфологических категориях рода, числа и падежа, формы которых, согласуясь с соответствующими формами существительных, указыва-

ют на отношения грамматической зависимости. А признаковые существительные не изменяют своего морфологического статуса, не имеют морфологических форм согласования с определяемым словом, однако находятся с ним в отношениях семантической и синтаксической обусловленности. Имена качества выражают в специальных конструкциях значение принадлежности непроцессуального признака его носителя (то есть атрибутивно-посессивное значение) [Яцкевич 1986; 1988].

Таким образом, у слов данного функционального типа отношения между категориальным значением части речи и субкатегориальным значением номинативного класса не являются изосемичными. Здесь наблюдается такой тип неизосемичных отношений, как транссемия [Яцкевич 1993; 2002], то есть переход от одного грамматического концепта к другому. Причём эти грамматические концепты выражаются в значениях различного ранга: признаковость рангом ниже предметности. С прилагательными имена качества находятся в отношениях парасемии, то есть субкатегориальное значение семантически согласуется с категориальным

Имена количества. Квантитативы

Особым функциональным типом являются существительные, называющие предмеченное количество (*двойня, сотня, масса, армия, класс, уйма* и др.). От числительных они отличаются предметностью своей семантики, однако по некоторым синтаксическим и морфологическим показателям они приближаются к данной части речи. На семантико-синтаксическое своеобразие этого номинативного класса существительных неоднократно обращали внимание многие исследователи [Мишурова 1969; Лашкевич 1975; Супрун 1953; Чеснокова 1992 и др.], однако его место в морфологической систематике имён существительных по-прежнему остаётся недостаточно определённым.

Данный функциональный тип слов имеет свои разновидности, которые различаются: 1) тематической отнесённостью слова, 2) признаком, на основе которого объединяются в множество лица, предметы, явления, 3) характером множества. Систематизация имён количества по этим признакам позволила выделить следующие подклассы [Яцкевич 1988]. Далее толкование значений даётся по СО и МАС.

- Наименование общего количества предметов или явлений: *количество* 'число, величина' (*количество тетрадей, рыбаков, дней*), *число* 'совокупность чего-чего-нибудь' (*число дней, людей, заявок*), *совокупность* 'сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь' (*совокупность прелестей, причин, идей*), *сумма* 'перен. Общее количество чего-нибудь' (*сумма человеческих знаний*), *множество* 'мат. совокупность элементов, объединённых по какому-либо признаку'.

- Наименование очень большого количества предметов, лиц, явлений, которые являются открытыми множествами: *множество* 'очень большое число, количество кого-чего-нибудь' (*множество людей*), *масса* (*сил*), *уйма* (*дел*), *сонм* (*святых*), *гибель* (*комаров*), *пропасть* (*мух*), *прорва* (*забот*), *тьма* (*приезжих*), *туча* (*мух*), *море* (*огней*), *бездна* (*дел*), *наплыв* (*посетителей*), *скопление* (*автомобилей*) и т.д.

- Наименование определённого множества предметов, лиц, явлений: а) счётное абстрактное множество, то есть количественно определённое множество: *двойка*, *тройка*, *четвёрка*, *дюжина*, *десяток*, *пара* и др.; б) качественно определённое закрытое множество – собирательные единицы: *отряд* (*моряков*), *конвой* (*солдат*), *дивизион* (*танкистов*), *гарнизон* (*эсеров*), *сотня* (*казаков*), *батальон* (*пехотинцев*), *команда* (*сапёров*), *полк*, *рота*, *подразделение* и др.; соединение, расположение чего-нибудь, образующее единство: *сочетание* (*звучков*), *набор* (*инструментов*), *батарея* (*аккумуляторов*), *гарнитура* (*мебели*), *комплект* (*деталей*); в) качественно определённое открытое множество: наименование группы лиц, объединённых общими интересами или собравшихся, собранных с какой-либо целью: *братия* (*актёров*), *банда* (*преступников*), *братство* (*народов*), *бригада* (*слесарей*), *группа* (*учащихся*), *класс* (*рабочих*), *комиссия* (*ревизоров*), *контингент* (*студентов*), *круг* (*знакомых*), *лига* (*наций*) и др.; круг родственников одной степени родства по отношению к общему кругу: *семья* (*шахтёров*), *семейство* (*учёных*), *род* (*крестьян*), *порода* (*дворян*), *племя* (*кочевников*), *поколение* (*королей*); группа животных, птиц одного вида: *стадо* (*коров*), *табун* (*лошадей*), *караван* (*верблюдов*), *гурт* (*овец*), *стая* (*уток*), *станция* (*журавлей*).

- Наименования пространственно упорядоченных определённых множеств: а) множество однородных предметов, сложенных, связанных вместе: *связка* (*ключей*), *пук* (*бумаг*), *охапка* (*дров*), *ноша* (*веток*), *стопа* (*книг*), *букет* (*астр*); б) расположение чего-нибудь или кого-нибудь в один ряд, в линейной последовательности: *линия* (*укрепления*), *ряд* (*домов*), *цепь* (*гор*), *цепочка* (*бойцов*), *колонна* (*тракторов*), *вереница* (*журавлей*); множество чего-нибудь, расходящегося из одной точки источника: *лучок* (*лучей*), *сноп* (*искр*), *веер* (*искр*).

- Наименование темпорально упорядоченных определённых множеств: *ряд* (*дней*), *полоса* (*невзгод*), *серия* (*упражнений*), *залп*, *поток*, *град*, *рой*, *каскад*, *лавина*, *волна*, *водопад*, *дождь*, *фонтан* и другие.

- Наименования систематизированных множеств: а) систематизированное собрание каких-нибудь однородных предметов (книг, экспонатов, товаров и т.п.): *каталог*, *сборник*, *подбор*, *собрание*, *серия*, *коллекция*; б) группа, подразделение (в различных классификациях): *класс*, *разряд*, *род*, *вид*, *порода*, *семейство*.

- Наименование незначительного количества: *капля, крошка, искра, горстка, клочок, комочек, краешек, крохи, крупинка, крупица, кусточек, частица, тень (сомнения)* и др. [Лашкевич 1985, 109, 113].

Количественные имена существительные характеризуются не только номинативным, но и грамматическим своеобразием. Как и числительные, они употребляются в двух типах синтаксических конструкций: а) в генитивных синтаксически связанных сочетаниях (*уйма дел, группа товарищей, пучок лучей*) и б) в предикативных конструкциях: субъектный родительный пад. + предикативный именительный пад. количественного имени (*Комаров гибель. Народу тьма. Впечатлений масса*). Таким образом, они обладают синтаксически связанным лексическим значением атрибутивно-предикативного характера. Семантико-синтаксические особенности количественных имён определяют их морфологическое своеобразие. В генитивных конструкциях у них намечается тенденция к утрате грамматического изменения по числам. Там, где это изменение сохраняется, противопоставление по числам получает особую функциональную нагрузку. Например, единственное число обозначает у них определённое множество, а множественное число – неопределённое гиперболическое множество: *сотня людей – сотни людей, водопад слов – водопады слов*, единственное число – одно предметное множество (*связка ключей*), а множественное число – несколько таких множеств (*связки ключей*). Изменение по падежам у количественного имени в составе генитивных конструкций носит чисто формальный характер, так как не выражает его семантико-синтаксических отношений в предложении. Выбор падежной формы обусловлен не его семантической функцией, а лексическим значением и синтагматическими отношениями другого, зависящего от него слова в родительном падеже. Ср.: *Высоко над семьёю гор, Казбек, твой царственный шатёр сияет вечными лучами.* – А. С. Пушкин. Иначе: *Высоко над горами.* В составе предикативной конструкции с родительным субъекта метафорические количественные имена полностью утрачивают способность к изменению по падежам и употребляются только в именительном падеже с предикативным значением: *Комаров тучи. Цветов пропасть. Новостей короб.*

Таким образом, количественные имена по своему функциональному типу соотносятся с числительными, находятся с ними в отношениях **парасемии**, а исторически являются его прототипом. Парасемия предполагает такое семантическое соответствие между значениями, когда субкатегориальная семантика изосемична категориальной семантике [Яцкевич 1993; 2002]. С категориальным значением существительных субкатегориальное значение количественных существительных находится в отношениях **транссемии**, то есть семантического перехода [Яцкевич 1993; 2002].

Детерминантные имена

Различные формы детерминации предметов, опредмеченных свойств, состояний и действий в пространстве и времени нашли отражение в семантике особого номинативного класса имён существительных, которые соответственно следует называть детерминантными именами [Яцкевич 1987; 1988]. Это слова, обозначающие место и время: *верх, низ, холм, берег; лето, утро, молодость, начало* и др. Функционально они существенно отличаются от реферетных и предикатных имён. Независимо от их синтаксических и морфологических форм, существительные данного класса всегда представляют детерминантные члены семантической структуры высказывания. Именно поэтому субкатегориальное значение этого класса слов соотносительно со значением таких членов предложения, как обстоятельства места и времени, обстоятельственные детерминанты. Соотносятся такие слова и с категориальной семантикой наречий. Во всех этих случаях называется детерминация обозначаемого в высказывании события, ситуации в пространстве и времени. Данная коммуникативная установка явно обнаруживается, когда словоформы этих лексем употребляются в автономной или относительно автономной, синтаксической позиции: *В лес! К берегу! Книги – на полке. Варенье – прошлого года. Собрание – на следующей неделе* [Русская разговорная речь 1973, 300, 307]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что темпоральные и локальные имена наиболее естественно образуют автономные высказывания, они «не нуждаются ни в каких дополнительных лексических и грамматических «привесках», чтобы превратиться в высказывания» [Арутюнова 1976, 75–76].

В работах по функциональной грамматике исследователи обратили внимание на семантико-синтаксическое своеобразие существительных, обозначающих место и время [Арутюнова 1976; Всеволодова 1982; Клобуков 1986; Степанов 1981; Яковлев 1980]. Синтаксическая релевантность детерминантных имён проявляется в том, что они участвуют в формировании семантики синтаксических форм слова: *Наш путь в тайгу* (Л. Мартынов); *Сосна большая, корабельная стучится в небо, как в окно* (А. Прокофьев).

Темпоральные и локальные имена, так же, как и предикатные имена, обладают семантикой, которая относится к сфере функционального распространения существительных в концептуальную область другой части речи, данном случае – наречий. Этим объясняются не только синтаксические, рассмотренные выше, но и словообразовательные возможности детерминантных имён. В качестве мотивирующих слов детерминантные имена формируют особые семантические типы производных различных частей речи. Так, например, в словообразовательной системе наречий выделяются такие словообразовательные типы: а) отсубстантивные наречия с суффиксами -ом, -ой, -ами, -ями

<...> «наиболее частотные лексические группы наречий этого типа – названия временных отрезков (*днём, вечером, утром, ночью, весной и весною, зимой и зимою, летом, осенью, порой и порою, днями, временами* <...>» [Русская грамматика, 400]; б) наречия с префиксом *в-*, *во-* и суффиксом *-у* и нулевым обозначают направленность к тому, что названо мотивирующим словом (*вверх, вниз, вбок, вглубь*) [Русская грамматика, 405]. Далее, в особые словообразовательные типы выделяются отсубстантивные глаголы, которые мотивируются только детерминантными именами: а) глаголы с суффиксом *-и-*, имеющие значение «совершать действие, обычно производимое в (на) том, что названо мотивирующим существительным» (*базарить* < *базар*, *балаганить* < *балаган*) [Русская грамматика, 334]; б) глаголы с суффиксами *-ова-*, *-ирова-*, имеющие или значение «совершать действия, обычно производимые в том, что названо мотивирующим существительным» (*шлюзовать* < *шлюз*, *докировать* < *док*), или значение «совершать действия, обычно производимые во время того, что названо мотивирующим существительным» (*ночевать* < *ночь*, *дневать* < *день*, *зимовать* < *зима*) [Русская грамматика, 338] и другие словообразовательные типы [Русская грамматика, 341, 375-377].

Таким образом, детерминантные имена включают в свой состав два грамматических концепта, из которых главным является предметность как категориальное грамматическое значение части речи, а подчинённым – субкатегориальное значение детерминации. Между ними наблюдаются отношения транссемии, а между категоральным значением наречий и субкатегориальным значением детерминантных имён – отношения парасемии.

Синкретические имена

Особой коммуникативной специализацией отличаются имена существительные, называющие ситуацию в целом, а не её отдельные субъектные, объектные, признаковые или детерминантные компоненты (*государство, тыл, армия, буря, конференция, беда*). Н. Д. Арутюнова, обратившая внимание на данный разряд слов в связи с их «склонностью к преобразованию в предложение» [Арутюнова 1976, 76], назвала его «событийной лексикой». В этот разряд она включила «обозначения безличных, неопределённо-личных, социальных, личных и психологических событий, явлений, происшествий, процессов, поступков и пр. Ср.: Беда. Крушение. Крах. Ветер. Дождь. Буря. Пожар. Мор. Голод. Недород. Паника. Суматоха. Давка. Война». [Арутюнова 1976, 76]. Функцию событийных слов могут получать и существительные других номинативных классов. Н. Д. Арутюнова, вслед за Н. Ю. Шведовой, указывает, что в односоставных предложениях прямое соединение предметной лексики с глаголом *быть* и сопутствующую

щих обстоятельственных слов «проявляется в имени событийный аспект» [Арутюнова 1976, 77].

На наш взгляд, более точно отражает номинативное и коммуникативное своеобразие рассматриваемых имён термин «синкретические имена», так как в нём отражается основное отличие данного функционального класса существительных от референтных и детерминантных имён [Яцкевич 1987; 1988]. Это отличие связано с коммуникативно недифференцированным представлением субстанции, её нерасчленённое обозначение. Своёобразие лексического обобщения, характерное для синкретических имён, проявляется, например, в таком употреблении слова *лицей* у Ю. Тынынова: «*Нет, они не кончили лицей. Кончились лекции, кончилось царскосельское время, пробуждение на заре, блуждание с неотвязчивым стихом весь день, кончилось всё это, а лицей не кончился. Не мог кончиться*». (Тынянов Ю. Пушкин).

Номинативным и коммуникативным синкретизмом лексических значений обладают, на наш взгляд, три подкласса имён существительных: 1) имена ситуаций различных физических, психических и социальных сфер: *климат, радиация, авиация, балет, архитектура, семья, быт, практика, искусство, газета, хор, институт*; 2) имена событий, фактов, случаев, происшествий: *взрыв, бой, просьба, беда, землетрясение, звонок, катастрофа, пожар, экскурсия, победа*; 3) имена состояний и положений: *жара, болезнь, обида, восторг, жажда, грипп, сон*.

Ситуативные имена

Функционально-типологическое своеобразие ситуативных имён уже описывалось в грамматике [Караулов 1976; 1981; Степанов 1981]. Исследователи проблем лексикологии и лексикографии выделили их в качестве ядерных слов, организующих лексику в систему на денотативном уровне. Ю.Н. Караулов отмечает: «В случае превращения имён полей в денотативные сами поля становятся тематическими группами, а словарь из идеографического преобразуется в тематический, включающий в основном слова типа *больница, магазин, университет, рынок, столовая, общежитие* и т.п.» [Караулов 1976, 133]. Ю.С. Степанов, комментируя это наблюдение, указывает, что названные имена одновременно являются именами ситуаций [Степанов 1981, 61]. Он отмечает, что слова типа *одежда, мебель* «носят ярко выраженный денотативный характер и предполагают перечисление их составных частей по признаку «часть – целое»; элементы такого класса неравноправны, не могут быть – в изолированном виде – подставлены один вместо другого и вместо общего термина: палец не заменит ногу, а носки – рубашку; такие слова называют неравно-функциональные элементы ситуации» [Степанов 1981, 60, а также Арутюнова 1976,

305]. Показательно также и то, что для «предварительной информации о дескрипторных областях», с которыми соотносятся дескрипторы, составляющие каталог, содержащий 1621 понятие и по определению целиком покрывающий семантическую сферу общелитературного языка», Ю. Н. Караулов использует классификацию Касареса [Караулов 1981, 220]. Из 38 названий областей, указанных в этой классификации, 24 являются именами ситуаций: религия, физика, химия, география, астрономия, метеорология, геология, минералогия, ботаника, зоология, анатомия, физиология, питание, одежда, жилище, медицина, коммуникация, искусство, государство, армия, торговля, земледелие, животноводство, транспорт [Караулов 1981, 229]. В лексической системе имён существительных содержится гораздо большее количество ситуативных имён, называющих ситуацию в целом, а не её элементы: *товар, пушнина, учреждение, промышленность, образование* и др.

Степень обобщённости ситуативных значений имён существительных может быть различной и колеблется в зависимости от множества факторов, в том числе и от степени культурно-исторической и в целом социальной значимости, называемой словом тематической сферы. Именно поэтому функцию ситуативных имён могут получать слова других функциональных классов, например, в языке современных газет имена собственные: *Москва, Кремль, Вашингтон, Бонн* и др. В силу номинативного и коммуникативного синкретизма ситуативных имён, в речи они характеризуются большой функциональной подвижностью и гибкостью. Особенно высоким номинативным потенциалом отличается этот класс имён в устной речи. Их полифункциональность засвидетельствована в современных исследованиях русской разговорной речи [Русская разговорная речь 1973], а также в диалектных словарях, отражающих стихию живой разговорной речи.

Событийные имена

Мы употребляем этот термин в узком смысле. Событийными можно назвать только те отвлечённые существительные, которые обязательно включают в свое содержание определённые аспектуальные характеристики обозначаемого явления. В отличие от имён действия и состояния, событийные имена обозначают явления в виде целостных, предельных фактов. Именно поэтому состав событийных имён пополняется за счёт образования от глаголов совершенного вида: *потеплеть > потепление, похолодать > похолодание*. Иногда событийное значение может развиваться и у глаголов несовершенного вида в результате лексикализации контекстуально обусловленных значений: *праздновать > празднование, наступать > наступление*.

Событийные имена охватывают различные тематические области. Для общей характеристики этого малоизученного класса слов целесо-

образно рассмотреть его основные тематические группы. Слова данного типа распределяются по двум большим группам: 1) события сферы природы, физического и биологического мира, 2) события социальной сферы. Последняя группа слов выделяет в своём составе несколько тематических групп: 1) слова, называющие события общественной жизни: *съезд, форум, собрание, конференция, совещание, митинг, визит, забастовка, катастрофа*; 2) наименования военных событий: *штурм, бой, наступление, маневр*; 3) наименования событий в экономике, промышленности, сельском хозяйстве: *сев, кризис, инфляция, выпуск*; 4) наименования событий в области культуры, просвещения, науки, искусства: *выставка, карнавал, премьера, доклад, сенсация, экзамен*; 5) названия спортивных событий: *чемпионат, матч, турнир, олимпиада, забег*; 6) наименования событий личной жизни человека: *рождение, смерть, свадьба, роды, именины, встреча*.

Слова, обозначающие события в мире природы (в широком смысле слова), объединяются в следующие тематические группы: 1) названия событий в неживой природе: *ураган, гроза, дождь, шторм, землетрясение*; 2) названия событий в растительном мире: *листопад, цветение, прорастание*; 3) названия событий в животном мире: *нерест, вывод, линька*.

Событийные имена характеризуются имплицитной предикативностью. Независимо от различий в их структуре значение событийных имён обычно рассматривают как результат номинализации предикативных синтаксических единиц [Адамец 1973; Арутюнова 1976; Гак 1976; Мигирин 1973; Кубрякова 1984; Степанов 1981]. Следовательно, субкатегориальное значение данного номинативного класса является вторичным для данной части речи – существительных. Семантические качества событийных имён объективируются в их синтаксических особенностях. По наблюдениям исследователей синтаксиса простого предложения, «для обстоятельств причины, цели, условия «первичным» и наиболее частотным средством выражения оказываются предметно-падежные группы «отвлечённых» существительных глагольного типа. так как одним из дифференциальных признаков таких обстоятельств является их событийная характеристика [Бортэ 1979, 53]. См. также [Арутюнова 1976, 281]. Так же, как и другие синкретические имена, событийные имена способны выступать как самостоятельные номинативные предложения и могут распространяться детерминантами различного типа: *На улице снегопад В Испании война. На заводе собрание*.

Имена состояний

Синкретическими по ономаσιологическим и коммуникативным функциям являются имена состояний: *темнота, скука, волнение, спокойствие*. Категориальное значение этого функционального подкласса

существительных соотносительно с категориальным значением безлично-предикативных слов, слов категории состояния (*ужас – ужасно, страх – страшно*), стальных глаголов (*ужас – ужасаться, страх – страшиться, грусть – грустить*), прилагательных, характеризующих лицо или предмет по их состоянию (*грусть – грустный, молчание – молчаливый*). Коммуникативно-смысловая соотносительность номинативных классов различных частей речи проявляется в их словообразовательной и синтаксической коррелятивности. По наблюдению С. Н. Цейтлин, в русском языке существуют шесть синонимических синтаксических моделей со значением психического состояния: 1) глагольная модель (*Я волнуюсь. Он тоскует*); 2) безлично-предикативная модель (*Мне грустно. Ему страшно*); 3) субстантивная модель (*У меня тоска*); 4) адъективная модель (*Она весела. Я счастлив*); 5) *Я взволнован. Она встревожена*); 6) предложно-падежная модель (*Я в волнении. Он в восторге*) [Цейтлин 1976, 161]. Кроме этого, в составе предложения предложно-падежные формы имён состояния синонимизируются с деепричастиями, если в языке есть соответствующий глагол и его деепричастная форма: (1) *Старец выслушал её улыбаясь* (ср. с *улыбкой*) и с *нежностью* (нет соответствующего глагола) *благословил.* – Ф. М. Достоевский; (2) *Дмитрий Фёдорович почтительно поцеловал его руку и с необыкновенным волнением* (ср.: *необыкновенно волнуясь*), почти с *раздражением* (ср.: *раздражаясь*) *произнёс <...>* – Ф. М. Достоевский. О синтаксической релевантности категориального значения состояния свидетельствует и то, что это значение регулярно встречается в описаниях семантической структуры простых предложений [Русская грамматика 1980]. Данный тип значения имеет и словообразовательную значимость.

Таким образом, у слов данного функционального типа отношения между категориальным значением части речи и субкатегориальным значением номинативного класса не являются изосемичными. Здесь наблюдается неизосемичные отношения транссемия [Яцкевич 1993; 2002], то есть перехода от одного грамматического концепта к другому. Причём субкатегориальное значение событийных имён соотносительно с категориальным значением глагола, а стальных имён – с категориальным значением слов категории состояния и субкатегориальными значениями стальных глаголов и деепричастий несовершенного вида. Субкатегориальная семантика ситуативных имен не имеет соотношения с категориальными значениями других частей речи, её вторичный характер по отношению к категориальному значению предметности существительных связан с более высоким уровнем обобщения и опредмечивания явлений действительности.

Метаимена. Неполнозначные имена существительные

В номинативной системе имён существительных своеобразное место занимают слова с широкой понятийной основой и минимальной степенью коммуникативной самостоятельности. Это существительные типа: *явление, событие, дело, случай, человек, место, время* и др. Лексическое значение метаимён имеет грамматикализованный характер. В парадигматическом отношении они характеризуются тем, что являются средством внутриязыковой классификации субстантивов различной структуры и различного значения. Основное назначение метаимён – называть обобщённые категориальные значения различных единиц языка и речи. Они используются в грамматиках для описания категориальных значений частей речи и их подклассов (*предмет, признак, действие, процесс, состояние, отношение* и др.), грамматических категорий (*число, множество, единица, лицо, степень, время, место, объект, субъект* и др.), типов значений структурных схем предложения (*факт, ситуация, событие, субъект* и др.), словообразовательных типов (*предмет, признак, место, средство, субъект* и др.), лексико-грамматических и лексико-семантических разрядов и полей. Таким образом, метаимена – это универсальные ключевые слова в описании языковой семантики единиц различного уровня языка [Яцкевич 1987; 1988]. Формальный, реляционный характер их семантики определяет и их синтагматические особенности. Обычно они употребляются в синтаксически связанных конструкциях, обладающих единой номинативной функцией. В следующих деривационных сочетаниях (термин В.М. Никитевича [Никитевич 1985] они выражают ономаσιологический базис: (1) *Северюки люди со странностями, но очень простые.* – К. Г. Паустовский; (2) *Мы накануне больших событий.* – Там же. Эта же функция характерна для них и в случае связанного употребления в сложноподчинённом предложении: *Укажи ты мне в службе, за некоторыми исключениями, дело, без которого бы нельзя было обойтись.* – И. А. Гончаров. В высказываниях метаимена не имеют самостоятельной смысловой нагрузки, выполняют служебную, вспомогательную функцию и в случаях полной утраты знаменательности становятся базой для образования служебных частей речи, обычно предлогов (*ввиду, в деле, в качестве, вместе, во время, в лице, в целях, по случаю* и др.), или подвергаются прономинализации. Неоднократно описывалась в литературе прономинализация таких слов, как *человек, штука, дело, вещь, факт* [Шахматов 1941; Золотова 1973; Кузнецов 1977]. По данным частотных словарей, а также по нашим наблюдениям, метаимена, подобно местоимениям и служебным частям речи, имеют высокую частотность употребления в речи.

Несмотря на то, что лингвисты давно обратили внимание на функционально-семантическое своеобразие рассматриваемых слов, до сих

пор они не имеют единого устоявшегося терминологического обозначения. Одни относят их к неполнозначным словам, другие называют «словами с широким значением» [Блох, Лотова 1980], широкозначными существительными, словами «с широкой понятийной основой» [Уфимцева 1968, 104], «прономинальными словами», «вспомогательными словами» [Золотова 1973], «связками-категориями», «нулевыми компонентами» [Караулов 1976, 195, 235], «релятемами», «нулевыми пустыми множителями» [Караулов 1981, 310–316, 339], «метаименами» [Степанов 1984]. В различных терминах отражены различные аспекты данного типа слов, а также различные подходы к их изучению. На наш взгляд, наиболее универсальным является последний термин, использованный в книге Ю. С. Степанова. Именно этот термин отражает функциональную сущность данного типа слов – обозначать категориальные семантические компоненты в значениях единиц языка и речи. Однако, в отличие от Ю. С. Степанова, мы не распространяем этот термин на все производные непредметные существительные, возникающие в результате словообразовательной транспозиции [Степанов 1981, 97]. Наличие существенной внутриязыковой информации в их значениях ещё не делает их вторичными знаками по коммуникативной функции (они вторичны только по образованию и значению). Метаименами можно называть только те слова, которые способны выполнять вторичные коммуникативные функции – выражать категориальные и субкатегориальные значения единиц языка и участвовать в образовании аналитических единиц языка и речи.

Метаимена называют различные способы категоризации субстанции, которые представлены в семантике номинативных классов имён существительных [Степанов 1981]. Система метаимён отражает субкатегориальные значения всех рассмотренных выше номинативных классов имён существительных и находится с ними в отношениях гиперсемии. В соответствии с этим и построена их классификация: 1) субъектные метаимена: *лицо, человек (люди), субъект, личность, существо, особа, создание, народ, товарищ, представитель, натура, гражданин, господин, женщина, мужчина*; 2) объектные метаимена: *объект, предмет, вещь, штука, единица, член, элемент, вещество, масса, экземпляр*; 3) признаковые метаимена: *признак, свойство, качество, черта, образ, характер, натура, вид, сущность, особенность, примета, сторона, аспект, знак*; 4) процессные метаимена: *процесс, движение, действие, дело, операция, работа, деяние, ход, деятельность, осуществление, отношение, течение, процедура*; 5) количественные метаимена: *количество, множество, совокупность, единица, экземпляр, штука*; 6) пространственные метаимена: *пространство, место, площадь, область, поверхность, пункт, точка, зона, центр, позиция, цепь, ось, ряд, полоса, край, предел(ы)*;

7) темпоральные метаимена: *время, час, период, пора, эпоха, этап, фаза, начало, конец, момент, мгновение, миг, минута*; 8) ситуативные метаимена: *ситуация, сфера, дело, вещь, обстановка, положенная зона, система, отрасль, отдел, часть, среда, круг, центр*; 9) событийные метаимена: *событие, случай, дело, факт, явление, происшествие, поступок, эпизод, явление*; 10) статальные метаимена: *состояние, положение, обстоятельство, чувство, ощущение, сознание, строй, атмосфера, дело*; 11) семиологические имена, называющие единицы информации и коммуникации: *имя, слово, название, знак, символ, обозначение, фраза, высказывание*; 12) логические метаимена, называющие категории логической детерминации высказывания и его элементов: *цель, причина, фактор, средство, противопоставление, связь, принадлежность, отношение, различие, тождество, сходство, сопоставление, соединение*.

По сравнению с другими функциональными классами имён существительных метаимена являются ограниченной по составу группой слов. Это обусловлено их обобщённым релятивным значением и ключевым положением в номинативной системе имён существительных. Тем не менее метаимена являются открытым классом слов, их состав расширяется за счёт имён существительных других разрядов.

Таким образом, метаимена по коммуникативно-смысловому назначению соотносятся с грамматическими концептами местоимений и служебных слов. Между ними возникают отношения парасемии.

Выводы

Основание обобщения и объект обобщения грамматического концепта предметности, характер и цель обобщения варьируют в различных лексико-грамматических разрядах имён существительных под влиянием субкатегорального значения, соотносительного с другим грамматическим концептом.

Так, грамматический концепт *<предметность>* может быть представлен в системе имён существительных в результате **номинации** у референтных имён, в результате **номинализации** у предикатных имён, наряду с **детерминацией** у пространственных и темпоральных имён, наряду с терминацией у количественных имён, в результате **десемантизации** у метаимён. Все вторичные подклассы имён существительных являются результатом субстантивации других грамматических концептов.

Таким образом, данный грамматический концепт занимает ключевое положение в системе грамматических концептов частей речи русского языка. Он обладает большой обобщающей способностью, что позволяет ему представлять рангом ниже – как субкатегориальные значения номинативных классов – грамматические концепты других частей речи. Подобное явление И. И. Ревзин назвал функциональным

расширением части речи [Ревзин 1977]. Иную трактовку этому явлению даёт М. В. Панов: «Обзор разных попыток определить грамматическую семантику существительного подводит к мысли, что специфической семантики у существительного как части речи нет <...> существительное никаким грамматическим кругом значений не ограничено» [Панов 1999, 164]. Представляется, что точка зрения И. И. Ревзина является более конструктивной.

Таблица 9

**ВОПЛОЩЕНИЕ ЧАСТЕРЕЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ
В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ, В ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДАХ
И В СИНТАКСЕМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(фрагмент систематики)**

Коммуникативно-смысловые функции	Грамматические концепты частей речи	Номинативные классы имён существительных	Семантические типы синтаксем
Референция	Предметность Имя существительное	Субъектные имена	Субъектные синтаксемы
		Объектные имена	Объектные синтаксемы
Предикация	Признаковость Имя прилагательное	Имена качества	Квалитативные синтаксемы
	Процессуальность Глагол	Имена действия	Процессуальные синтаксемы
Терминация	Количественность Числительное	Количественные имена	Квантитативные синтаксемы
Детерминация	Обстоятельственность Наречие	Пространственные имена	Локативные синтаксемы
		Темпоральные имена	Темпоральные синтаксемы
		Синкретические имена	Обстоятельственные синтаксемы причины, цели, следствия и способа действия
Синкретическая функция	-	Имена ситуаций	Ситуативные синтаксемы
		Имена событий	Событийные синтаксемы
		Имена состояний	Стативные синтаксемы
Дейкисис	Указательность Местоимение	Метаимена	Дейктические синтаксемы
	Реляционность Служебные части речи		Компоненты синтаксем

3.4.2. Категориальные и субкатегориальные значения в лексических системах других частей речи

Грамматический концепт *признаковость* может быть представлен в системе имён прилагательных в результате **лексической номинации** у качественных прилагательных, в результате **словообразовательной адъективации** у относительных и притяжательных прилагательных, а также в результате **морфолого-синтаксической адъективации** причастий, местоимений и числительных. Все вторичные подклассы являются результатом адъективации других грамматических концептов.

Грамматический концепт *глагольность* может быть представлен в системе глагола в результате **номинации** у собственно акциональных глаголов, в результате **предикации** у неакциональных и неполнозначных глаголов, в результате **адъективации** и **адвербиализации** у причастий и деепричастий, в результате **субстантивации** у инфинитива. Таким образом, грамматический концепт глагольности, включаясь в соответствующие процессы, сочетается с другими грамматическими концептами.

С функционально-семантической точки зрения номинативная система глагола включает в свой состав большое количество лексико-грамматических разрядов глаголов. Далее рассматривается классификация, предложенная в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова и др. 1998, 76]:

1. Неоднозначные глаголы

1.1. Модификаторы.

1.1.1. Фазисные (*начать, стать, продолжить, кончить*).

1.1.2. Модальные (*хотеть, желать, стремиться, надеяться*).

1.2. Компенсаторы (*вести наблюдение, совершать посадку, проводить консультацию, отличается, характеризует*).

2. Знаменательные глаголы

2.1. Акциональные (активность и целенаправленность действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, потенциальная наблюдаемость и способность к конкретно-временной локализации).

2.1.1. Физического действия (*мыть, чистить, копать, бить, варить, резать, писать, косить*), перемещения (*ходить, идти, бежать, лететь*), речевого действия (*говорить, рассказывать, сообщать, спрашивать, отвечать, бормотать*), глаголы донативного действия, изменяющие посессивные отношения (*давать, брать, получать, дарить, продавать*), социальных intersubъективных действий (*играть с кем, ссориться, мириться, воевать, драться, советоваться, сражаться, судиться, голосовать, разводиться, здороваться*).

2.1.2. Ментального действия: мыслительных (*думать, размышлять, анализировать, решать, считать*), глаголы восприятия (*воспринимать, осознавать, ощущать, чувствовать, слушать, слышать, смотреть*), глаголы эмоционального действия (*сердиться, гневаться, паниковать, жалеть, буянить*). Физиологические действия (*есть, пить, плакать, плевать, кашлять, дышать, храпеть*), глаголы деятельности или занятия (*работать, трудиться, учиться, плотничать, сапожничать, учительствовать*); глаголы, называющие способ поведения, обычно с оценочно-характеризующим оттенком (*капризничать, лицемерить, важничать, модничать, лебезить, лукавить, обманывать*). Все эти глаголы делятся на констатирующие и интерпретирующие.

2.2. Неакциональные.

2.2.1. Статуальные (*страдать, тосковать, мерзнуть, болеть, расти*).

2.2.2. Функцивные (*телевизор работает, нож режет, часы спешат, радио говорит*) и экзистенциальные (*луна светит, ветер дует, дождь идёт, волны плещут*).

2.2.3. Реляционные (переходные между 1 и 2).

2.2.3.1. Локализирующие (*Цветы стоят в вазе. Шляпа лежит на вешалке (висит, находится); Дорога ведёт к саду. Окна выходят на террасу*). Глагол может опускаться. Экзистенциальные, лексически ослабленные глаголы (*За окнами идёт дождь. В лесу стоял золотистый туман*).

2.2.3.2. Партитивные: классификационные (*Дельфин относится, принадлежит к классу млекопитающих*), целого и составных частей (*составляет, входит, содержит, делится*). Глагола может не быть.

2.2.3.3. Посессивные (*принадлежать, есть, иметь, владеть, располагать*). Глагол может опускаться.

2.2.3.4. Сопоставительные: глаголы компаративного значения (*уступает, превосходит, обгоняет, напоминает*).

2.2.4. Компликаторы.

2.2.4.1. Каузативные.

2.2.4.2. Авторизующие.

Данная система субкатегориальных значений глагола позволяет сделать вывод о том, что главной составляющей в содержании грамматического концепта глагольности у спрягаемых форм является актуальная предикация, а номинативное наполнение её функционально вырывает.

Грамматический концепт **количественности** может быть представлен в системе числительных в результате **терминации** чисел у количественных числительных, в результате **морфологической адъективации** у порядковых числительных, в результате **морфологической субстантивации** у собирательных числительных.

У вторичных частей речи грамматический концепт части речи всегда возникает как результат вторичных коммуникативно-смысловых функций и поэтому совпадает с результатами **номинации, словообразовательной или морфолого-синтаксической адвербиализации**. Это наблюдается у наречий, слов категории состояния, модальных слов. Лексико-грамматические значения отдельных подклассов слов не влияют у них на характер категориального значения части речи.

Грамматические концепты служебных частей речи возникают в результате **релятивизации** понятий детерминации у предлогов, конъюнкции – у союзов, оценки – у частиц. Лексико-грамматические разряды служебных частей речи различаются, следовательно, не по объекту обобщения (у всех он один – реляция), а по основанию обобщения.

ГК междометий возникает в результате экспрессивизации эмоциональных возгласов.

3.5. Соотношение КЗЧР и дифференциальных сем в ЛЗ слов

Грамматические концепты частей речи могут соотноситься с дифференциальными семами лексических значений слов. В одних случаях это соотношение с грамматическим концептом той же части речи, к которой относится данное слово (*сахарница* 'посуда для сахара'; *день* 'часть суток от утра до вечера'; *вдруг* 'неожиданно, внезапно'). В других случаях – это соотношение дифференциальных сем с грамматическими концептами другой части речи (*наездник* – тот, кто едет или едит верхом; *ведро* 'летняя сухая и ясная погода'; *бинт* 'марлевая лента для лечебных повязок'; *впрыснуть* 'впустить под кожу шприцем'). Таким образом, дифференциальные семы (ДС) оформляются в соответствии с тем или иным грамматическим концептом (ГК):

1) ЛЗ: $ГК^1 = КЗЧР + ГК^1 \sim ДС$;

2) ЛЗ: $ГК^1 = КЗЧР + ГК^2 \sim ДС$.

Если учитывать и лексико-грамматические семы, то общая схема лексических значений является более сложной, поскольку субкатегориальные значения могут быть изосемичны одной или разным частям речи. Например, у слова *сахарница* (существительного конкретного с предметной ДС) все три типа сем изосемичны одному грамматическому концепту субстанциональности: ЛЗ: $ГК^1 = КЗЧР + ГК^1 \sim ЛГЗ + ГК^1 \sim ДС$; у слова *скорость* (существительного абстрактного, имени качества с адвербиальной и акциональной ДС) разные типы сем изосемичны разным грамматическим концептам: ЛЗ: $ГК^1 = КЗЧР + ГК^2 \sim ЛГЗ + ГК^3 \sim ДС + ГК \sim ДС$.

Таким образом, грамматические концепты в лексико-семантической структуре слова представлены на различных уровнях: 1) как

категориальная грамматическая сема, 2) как лексико-грамматическая сема, 3) как дифференциальная сема.

3.6. КЗЧР в структуре словообразовательного значения производного слова

Данный вопрос наиболее разработан в лингвистической литературе, поскольку современная теория словообразовательных значений и типов опирается в своих классификациях на характер отношений между словообразовательными и частеречными значениями. Соответственно выделяются транспозиционные и нетранспозиционные типы словообразования, то есть образование слов одной части речи от других частей речи (*сборка* ← *собрать*, *синеть* ← *синий*, *малиновый* ← *малина*) и образование слов внутри одной части речи (*школьник* ← *школа*, *домик* ← *дом*, *запеть* ← *петь*, *весёленький* ← *весёлый*). Следовательно, в семантической структуре производных слов грамматические концепты представлены дважды: как КЗЧР производного слова в целом и как характеристика его мотивирующего словообразовательного значения:

ЛЗ: $ГК=КЗЧР + ГК \sim МЗ$.

Отношение между этими грамматическими концептами в семантической структуре слова бывает двух видов в соответствии с изосемичными (1) и неизосемичными (2) типами словообразования:

1) В нетранспозиционном словообразовании производное слово и производящее слово имеют один и тот же грамматический концепт (*школьник* ← *школа*, *домик* ← *дом*, *запеть* ← *петь*, *весёленький* ← *весёлый*):

ЛЗ: $ГК_1=КЗЧР + ГК_1 \sim МЗ$.

2) В транспозиционном словообразовании производное слово имеет два или более грамматических концепта различного уровня (*сборка* ← *собрать*, *синеть* ← *синий*, *малиновый* ← *малина*, *высоко* ← *высокий*):

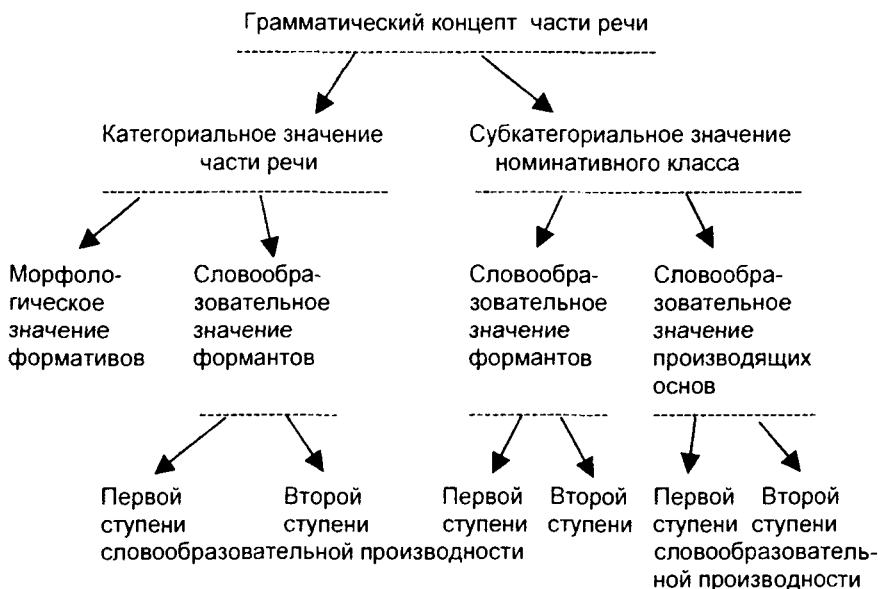
ЛЗ: $ГК_1=КЗЧР + ГК_2 \sim МЗ$.

Таким образом, словообразовательная структура производных слов транспозиционного типа формируется на основе грамматических концептов различного языкового уровня, которые могут быть изосемичными и неизосемичными друг другу.

Характерной особенностью суффиксации в русском языке является то, что они обязательно включают в свою семантику категориальное значение части речи [Азарх 1984]. Например, суффиксы *-ник*, *-тель*, *-ость*, *-к* используются только в словообразовании существительных, суффиксы *-н*, *-ан*, *-ск*, *-ов* – только в словообразовании прилагательных.

тельных, суффиксы *-о*, *-е*, *-ому* – только в словообразовании наречий, суффиксы *-и-*, *-нича-*, *-ирова-*, *-ова-* – только в словообразовании глаголов. Это относится не только к транспозиционным, но и к модификационным суффиксам

Итак, грамматические концепты частей речи как обобщённые языковые категории могут быть представлены следующими способами в словообразовательной системе русского языка:

Вопрос о характере воплощения концептов в словообразовательную структуру производных слов связан с вопросом об изучении композиционной семантики сложной языковой единицы. Е. С. Кубрякова, давая обзор исследований в области когнитивной лингвистики, отмечает что проблема композиционной семантики привлекала к себе гораздо меньшее внимание [Кубрякова 2002, 13]. Автор отмечает, что данное понятие было введено впервые Г. Фреге и «имело своей целью объяснить природу семантики комплексных знаков» [Кубрякова 2002, 14]. Свою статью она посвящает вопросу о том, «как реально формируется семантика» в структуре производных слов [Кубрякова 2002, 15]. Важным представляется её вывод о том, что возможные значения производного слова – комплексного знака – предопределяются главным образом его концептуальной структурой [Кубрякова 2002, 21]. Таким образом, изучение таких концептуальных структур, характера их

воплощения в языковые значения и далее выражения этих значений формальными средствами представляется актуальным.

На примере словообразования имён существительных рассмотрим типы словообразовательной характеристики грамматических концептов частей речи на категориальном и субкатегориальном уровне воплощения.

Как было рассмотрено выше, субкатегориальные значения номинативных классов имён существительных соотносятся с разными грамматическими концептами частей речи. У непроединительных нечленимых существительных категориальное значение части речи (КЗЧР) выражается только в системе флексий, а субкатегориальное значение является словообразовательно нехарактеризованным (*рук-а, -и, -е, -у, -ой, -е; год-□, -а, -у, -□, -ом, -е; сестр-а, -ы, -е, -у, -ой, -е*). У производных слов словообразовательно характеризованными являются все грамматические концепты – и категориальные, и субкатегориальные. Ср. слова: *воля > воль-н-ый > вольн-ость*. В первом непроединительном слове *воля* морфологически выражено категориальное значение части речи, а субкатегориальное значение состояния – словообразовательными средствами не выражено. В слове *воль-н-ый* КЗЧР – признаковость – выражено и морфологически – в системе флексий, и словообразовательно – в суффиксе *-н-*. В слове *вольн-ость-□* КЗЧР – признаковость – выражена в суффиксе *-н-*, а соотносительное с ним по грамматическому концепту субкатегориальное значение выражено суффиксом *-ость*, который, кроме этого, выражает вместе с системой флексий и КЗЧР существительных – субстанциональность.

Исключение из этого правила составляют метаимена, у которых их субкатегориальное значение никогда не выражается в словообразовательной структуре, даже если эти слова являются производными. Это словообразовательно нехарактеризованный номинативный класс слов. В противоположность им предикатные имена обязательно имеют словообразовательную характеристику. Их регулярная производность от основ прилагательных и глаголов и ономазиологическая близость к данным частям речи привели некоторых исследователей к мысли, что они являются формами морфологической транспозиции [Руделёв 1979, 14; Левицкий 1977; Улуханов 1979]. Слова остальных номинативных классов имён существительных могут быть как словообразовательно характеризованными, так и нехарактеризованными (речь идёт о референтных, детерминантных и синкретических именах существительных).

Понятие о словообразовательно характеризованных и нехарактеризованных подклассах имён существительных впервые было подробно рассмотрено в аспектологии применительно к лексико-грамматическим разрядам глагола – способам глагольного действия [Маслов

1965, 71–72; Бондарко 1967, 11–29]. А.В. Бондарко считает, что более точными являются термины «морфемно характеризованные и морфемно нехарактеризованные» лексико-грамматические разряды [Бондарко 1976, 170]. Автор распространяет эти понятия и на лексико-грамматические разряды имён существительных [Бондарко 1976, 170–184]. Проблема морфемной характеристики номинативных классов рассматривалась также нами [Яцкевич 1988; 1989].

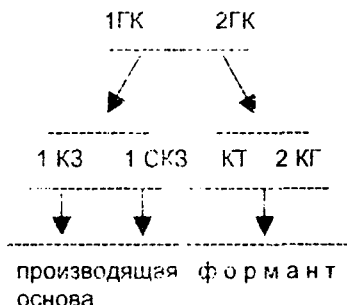
Следует отметить, что субкатегориальное значение номинативного класса выражается в структуре производного слова, но оно не тождественно его словообразовательному значению, а является одним из составляющих его компонентов. В теории словообразования вопрос о выражении категориальной и субкатегориальной семантики в словообразовательных значениях наиболее полно разрабатывался в работах, в которых использовался ономазиологический подход к изучению словообразовательной системы [Dokulil 1962; Kuchař 1968; Кубрякова 1978; 1984; Лённгрен 1978]. Словообразовательные значения основ и формантов, являясь структурным стержнем содержания слова, должно отражать многоаспектность его семантики. Поэтому наряду с лексически и синтаксически релевантными свойствами словообразовательных значений необходимо выявить и морфологически значимые его особенности.

Субкатегориальные значения номинативного класса существительных всегда относятся к ономазиологическому базису слова, однако способы его объективации в словообразовательной структуре слова различны. В один тип можно объединить производные слова, имеющие одинаковый способ словообразовательного воплощения грамматических концептов частей речи. По нашим наблюдениям, это способ зависит: 1) от характера выражения категориального значения части речи (КЗ) в словообразовательной структуре слова, 2) от характера словообразовательного выражения субкатегориального значения номинативного класса существительных (СКЗ), 3) от наличия категориальной транспозиции частей речи (КТ), 4) от наличия субкатегориальной транспозиции номинативных классов (СКТ), 5) от наличия лексикализации (Л). Распределение перечисленных компонентов может быть различным относительно мотивирующей основы и форманта.

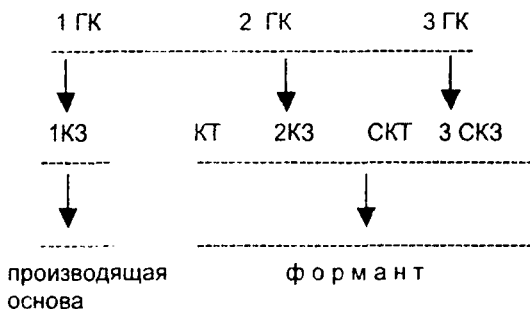
Типы словообразовательного воплощения грамматических концептов частей речи

1 тип. В словообразовательную структуру слова воплощены два грамматических концепта частей речи. Первый ГК воплощен в категориальное значение производящей основы и в субкатегориальное значение суффикса, причем суффикс одновременно выражает категори-

альное значение другой части речи, то есть второй концепт, и имеет функцию категориальной транспозиции (КТ). Например: *горение* < *гореть*, *хранение* < *хранить*; *белизна* < *белый*, *смелость* < *смелый*.

2 тип. В словообразовательную структуру воплощены три грамматических концепта частей речи. Первый ГК воплощён в категориальном значении производящей основы, второй концепт воплощён в категориальное значение суффикса причём суффикс одновременно выражает субкатегориальное значение третьего концепта и имеет функции категориальной и субкатегориальной транспозиции. Например: *пахарь* < *пахать*, *хранение* < *хранилище*, *белок* < *белый*, *желток* < *жёлтый*.

3 тип. В словообразовательную структуру воплощены два грамматических концепта частей речи. Первый ГК воплощён в категориальном значении производящей основы и категориальном и субкатегориальном значении суффикса, который выполняет функцию субкатегориальной транспозиции; второй концепт воплощён в субкатегориальное значение производящей основы. Например: *библиотекарь* < *библиотека*, *практикант* < *практика*, *лесник* < *лес*, *моряк* < *море*.

Среди суффиксов, не имеющих субкатегориальной специализации по номинативным классам, но активно участвующих в образовании имён существительных, по нашим наблюдениям, выделяются следующие функциональные разновидности: 1) суффиксы, специализирующиеся на выражении общего референциального значения без дифференциации на субъект и объект, эти разновидности референциального значения различаются только на денотативном уровне лексического значения производного слова; ср.: *руководитель* (субъект), *выключатель* (объект), *чистильщик 1* (субъект) и *чистильщик 2* (объект); 2) суффиксы, специализирующиеся на референтном значении, но способные также к образованию существительных других номинативных классов (ср.: *умница*, *лечебница*, *потница* – субъект, место, состояние), поскольку сам суффикс не принимает участия в объективации субкатегориального значения и имеет только категориальное значение части речи; 3) суффиксы, специализирующиеся на выражении нереферентных значений, но производные слова, образованные с их помощью, способны развивать на денотативном уровне лексического значения субкатегориальные субъектные и объектные значения; ср.: *индивидуальность*, *знаменитость*, *бездарность* – обозначают свойство лица и лицо.

Далее предлагается обзор суффиксов указанных функциональных разновидностей. Источником для него послужили данные «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980], а также данные словарей (ГС, НСЗ, МАС).

1. К суффиксам, выражающим общее референтное значение без дифференциации на субъект и объект, относятся: а) среди отсубстантивных производных: -ак (*рыбак*, *сибиряк*, *земляк* – *рысак*, *ветряк*, *медяк*); -ач (*бородач*, *горбач*, *трубач* – *крылач*, *кедрач*, *пихтач*); -итор (*композитор*, *инквизитор* – *культиватор*, *ингалятор*); -ор/-ёр (*монтажёр*, *визитёр* – *тренажёр*, *компрессор*); -ин (*семьянин*, *грузин*, *осетин* – *кофеин*, *трикотин*); -ух(а) (*горюха* – *волнуха*, *краюха*); б) среди отглагольных производных: -щик/-чик (*лётчик*, *танцовщик* – *буксировщик*, *погрузчик*); -ец (*продавец*, *выходец* – *резец*, *певец*); -ач (*ткач*, *рвач*, *трелач* – *тягач*, *секач*, *пугач*); -ун (*бегун*, *прыгун*, *опекун* – *пловун*, *зыбун*); -атор/-итор (*компилятор*, *рационализатор* – *блокиратор*); -ор/-ер (*гравёр*, *дирижёр* – *стартер*, *тралер*); -ух(а) (*стряпуха*, *щебетуха* – *развалюха*); -ш(а)/-уш(а) (*копуша*, *вруша* – *крыша*, *волокуша*); -ень (*баловень*, *лежень* – *студень*, *плетень*); в) среди отадективных производных: -ок (*милок*, *четверток* – *желток*, *белок*, *дичок*); -уш(а) (*дорогуша*, *милуша* – *дикуша*, *долгуша*); -иш/-ыш (*малыш*, *глупыш* – *мякиш*, *голыш*); -арь (*дикарь*, *глухарь* – *сухарь*).

Для разграничения обозначений лица и предмета (орудий, механизмов) в современной профессиональной терминологии используется-

ся вторичная, или двойная, суффиксация. С этой целью используется суффикс *-щик* [], который в отсубстантивных образованиях специализируется на субъектном значении (*коагуляция* > *коагулятор* > *коагуляторщик*, *вулканизатор* > *вулканизаторщик*, *резонатор* > *резонаторщик*, *вибратор* > *вибраторщик* и др.).

2. Суффиксы, не имеющие номинативной специализации и характеризующиеся обобщённым категориальным значением предметности. По степени обобщённости, грамматикализованности значения выделяется несколько функциональных разновидностей таких суффиксов. Наибольшей обобщённостью обладают суффиксы, участвующие в образовании не только субъектных и объектных имён, но и существительных других номинативных классов: названий места, времени, признаков, ситуаций событий, состояний. К ним относятся: а) среди отсубстантивных образований суффикс *-ник* образует: субъектные имена (*помощник*, *фокусник*, *завистник*), объектные имена (*градусник*, *пустырник*, *ценник*), названия места, вместилища (*салатник*, *коровник*, *виноградник*), названия времени и события (*субботник*, *декадник*, *полдник*); б) среди отглагольных суффикс *-лк(а)* образует: субъектные имена (*сиделка*, *гадалка*, *зубрилка*), объектные имена (*молотилка*, *сеялка*, *коптилка*), имена места (*читалка*, *курилка*, *умывалка*), действия (*побелка*, *выделка*, *выписка*), события (*сделка*, *рыбалка*), признака (*смекалка*); суффиксы *-ок*, *-к(а)*, *-ушк(а)* образуют наименования лица (*ездок*, *игрок*, *выскачка*, *побирушка*), объекта (*движок*, *поплавок*, *тёрка*, *подпорка*), места (*каток*, *загородка*), состояния (*устаток* простореч., *лихорадка*); в) среди адъективных существительных суффиксы *-ик*, *-к(а)*, *-ин(а)*, *-иц(а)* образуют субъектные имена (*озорник*, *старик*; *неженка*, *невидимка*; *жадина*, *старшина*; *пьяница*, *умница*), объектные имена (*творожник*, *учебник*; *кожанка*, *перцовка*; *пушнина*, *боковина*; *колесница*, *лиственница*), имена места (*конопляник*, *торфяник*; *дежурка*, *литейка*; *равнина*, *луговина*; *теплица*); темпоральные имена (*праздник*, *старина*); имена событий (*утренник*, *маёвка*, *массовка*). К этому же типу относятся суффиксы в отсубстантивных образованиях *-ат*, *-ит* (*стипендиат*, *хлорат*, *деканат*; *одессит*, *фосфорит*, *бронхит*), в отадъективных *-ец/-овец/-авец* (*глупец*, *острец*, *солонец*, *румянец*, *мокрец*), *-ух(а)* (*молодуха*, *зеленуха*, *желтуха*).

Промежуточное положение между первым и вторым функциональными типами занимают суффиксы *-тель* и *-ник* у отглагольных существительных, суффикс *-ниц* у отсубстантивных существительных. В основном с их помощью образуются референтные имена (*испытатель*, *хранитель*, *распылитель*; *шутник*, *проводник*), но возможно также и образование пространственных имён (*распределитель*, *вытрезвитель*, *отстойник*, *отборник*).

3. Суффиксы, с помощью которых образуются предикатные имена, можно наблюдать в структуре субъектных имён, у которых субъектное значение образовалось как вторичное на базе предикатного значения. Номинативная транспозиция качество > субъект, действие > субъект является имплицитной и основана на метонимии. Например: а) отглагольные существительные, образованные с помощью суффиксов: *-ниј* (*управление, командование, население* [Русская грамматика 1980, 160], *-ациј* (*эмиграция*) [162], *-ок* (*звонок*) [Там же, 163]; а) отаггетивные существительные, образованные с помощью суффикса *-ость* (*личность, индивидуальность, знаменитость, бездарность*), *-ств(о)* (*ничтожество, высочество, святейшество, -щин* (*деревенщина*), *-от(а)* (*темнота*) [Там же, 176–180].

Итак, выявленные типы словообразовательной характеристики субкатегориальных значений номинативных классов существительных различны по степени грамматикализации, поэтому на этой основе возможно рассмотрение степени морфологизации каждого номинативного класса. Данное исследование было проведено нами ранее [Яцкевич 1988: 1989].

3.7. КЗЧР в морфемной структуре слова

Явления морфемной детерминации семантической структуры слова разработаны недостаточно. Семантика морфем рассматривается обычно только в связи с их словообразовательными и формообразовательными функциями. Ранее мы уже представляли разработанную нами таблицу, в которой дана типологическая характеристика морфем с точки зрения их роли в детерминации семантической структуры слова [Морфемика и словообразование русского языка 2002, 38].

Согласно данным этой таблицы грамматические концепты могут быть представлены четырьмя функционально-семантическими типами корневых морфем и четырьмя функционально-семантическими типами аффиксальных морфем (См. таблицу 10).

Последовательно рассмотрим эти типы.

1. Корневая морфема выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические, категориально-лексические и дифференциальные семы. Это наблюдается в производных нечленимых словах, напр.: *вода, зелёный, пить, здесь, я*.

2. Корневая морфема выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические и категориально-лексические семы, напр.: *соседка, попить, холодновато*.

3. Корневая морфема выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические семы, напр.: *лицо, кто, что, свой, себя*.

Таблица 10

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ МОРФЕМ

Компоненты семантической структуры слова	КОРНИ										АФФИКСЫ								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	4	5	6	7		
1. Грамматические семы				4								1							
2. Лексикограмматические семы			3		5								2						
3. Категориально-лексические семы		2				6							3						
4. Дифференциальные семы	1						7							4					
5. Периферийные семы								8								5			
6. Фоновые семы										9							6		
7. Асемантическое пространство											10							7	

4. Корневая морфема выражает грамматический концепт, напр.: *предмет* (филос.), *процесс*, *признак*, *статус*, *число*, *реляция*.

Остальные шесть типов корней (5–10) не выражают КЗЧР, а только семы более низкого ранга.

Аффиксы также политипологичны относительно ГК.

1. Аффикс выражает КЗЧР, напр.: *лететь*, *рисовать*, *шарманка*, *ложка*, *суровый*.

2. Аффикс выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические семы, напр.: *весенний* (относительное прилагательное), *писый* (притяжательное прилагательное), *запеть* (начинательный способ действия), *крикнуть* (одноактный способ действия), *весело* (определяющее наречие).

3. Аффикс выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические и категориально-лексические семы, напр.: *пильщик* (агентивное значение), *приехать* (доведение действия до конечной цели).

4. Аффикс выражает наряду с КЗЧР лексико-грамматические, категориально-лексические семы и дифференциальные семы, напр.: *соседка*, *почтамт*, *прибавить*, *разлучить*.

Остальные три типа аффиксов (5–7) не выражают КЗЧР, а только семы более низкого ранга.

3.8. КЗЧР в морфологической структуре словоформы

Вопрос о соотношении семантического и собственно морфологического аспектов части речи, к сожалению, часто решается очень прямолинейно.

Безусловно, данная проблема требует специального изучения. Дело в том, что в русском языке, как и в других, категориальное значение части речи не имеет специальных структурных показателей, поскольку в структуре словоформ изменяемых частей речи формативы выражают только категориальные значения морфологических категорий. Эта особенность обусловлена тем, что в морфологии сосуществуют две системы: категориальная система и соотносительная с ней субстанциональная система. Категориальные значения частей речи и категориальные значения грамматических категорий относятся к категориальной морфологической системе. Субстанциональная система частей речи – это система лексем и форм морфологической транспозиции. Субстанциональная система грамматических категорий – это система их формообразования. Так же как грамматические категории подчинены категориальному значению части речи, поскольку каждая часть речи имеет свой набор и свою типологию грамматических категорий, функционально реализующих это значение, так и система их формо-

образования подчинена грамматическому типу лексемы, её включению в определённую часть речи. Здесь уместно напомнить известное замечание Л. В. Щербы: «Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительное, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [Щерба 1974]. В. А. Плунгян также считает, что грамматическое противопоставление существительного и глагола «является следствием каких-то более глубоких различий в значении этих классов слов» [Плунгян 2003, 239]. См. и др. работы: [Савченко 1959, 30].

Отсутствие в структуре слова формального показателя, специально предназначенного только для одного категориального значения части речи, определяется тем, что **категориальная и субстанциональная системы частей речи и соотносительной с ней морфологической системы структурированы по-разному.**

Различия в структурной организации категориальной и субстанциональной **морфологических систем** заключаются в следующем [Яцкевич 1987, 51]. Основной единицей **формообразования** (субстанциональной морфологической системы) является словоформа. Это тот организующий центр, на базе которого выделяются морфемы (минимальные единицы) и образуются морфологические парадигмы лексем (комплексные единицы); словоформа представляет в тексте лексему определённой части речи. Основной единицей **категориальной** морфологической системы является грамматическая категория. Это тот организующий центр, на базе которого выделяются граммы (минимальные единицы) и образуются грамматы (комплексные единицы).

Основной единицей **субстанциональной системы частей речи** является лексема, поскольку по частям речи классифицируются именно лексем. На базе лексем выделяются словоформы (минимальные единицы) и формируется лексический состав части речи (комплексная единица). Основной единицей категориальной системы частей речи является категориальное значение части речи (основная единица), на его основе выделяются субкатегориальные значения (минимальные единицы) и образуется единая система категориальных члестеречных значений (комплексная система).

Подведём итоги структурирования двух рассмотренных систем в морфологии.

**СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ЕЁ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

Типы единиц	Типы систем части речи		Типы морфологических систем	
	субстанциональная система	категориальная система	субстанциональная система	категориальная система
Минимальная	Словоформа	Субкатегориальное значение части речи	Форматив	Граммема
Основная	Лексема	Категориальное значение части речи	Словоформа	Грамматическая категория
Комплексная	Лексический состав части речи	Система категориальных значений частей речи в языке	Парадигма лексемы	Грамматема

В современной грамматике проблема соотношения категориальных значений частей речи и грамматических категорий слов наиболее разработана в **теории ступеней морфологической парадигматики**. В основе этой теории лежит представление о том, что парадигма лексем, парадигма части речи и парадигма грамматической категории характеризуются различной степенью грамматической абстракции и относятся к различным уровням морфологической парадигматики. В своей статье «Лексическое и грамматическое в слове» А. И. Смирницкий сделал удачную попытку терминологически разграничить «три ступени» морфологической парадигматики [Смирницкий 1955, 36]. Он выделил: 1) **парадигму конкретного слова**, состоящую из словоформ; 2) **парадигматическую схему**, то есть «определённый состав (или комплект) грамматических форм, взятый в отвлечении от конкретных слов и от конкретных черт образования самих форм»; «одна и та же парадигматическая схема характеризует грамматическое изменение некоторого большего или меньшего числа слов и таким образом объединяет их в известную грамматическую группу» [Смирницкий 1955, 32]; грамматическую форму, связанную с «определённым грамматическим типом слов», А. И. Смирницкий назвал «**типоформой**», противопоставляя её словоформе (грамматической форме, связанной с определённым словом); 3) **основную парадигматическую схему – парадигму части речи**, «класс слов, характеризуемый некоторой основной парадигматической схемой (в отвлечении от её вариантов) и определённой грамматической сочетаемостью <...> обычно выступает как

особая часть речи [Смирницкий 1955, 34]; если парадигма конкретного слова состоит из словоформ, то парадигма грамматического типа слов строится из типочформ, парадигма части речи (грамматического класса слов) строится собственно из «грамматических форм в собственном смысле слова», «слово выступает здесь лишь как единица, способная к её оформлению данной грамматической формой» [Смирницкий 1955, 36]. Итак, обобщающая схема трёх ступеней морфологической парадигматики такова: 1) парадигма лексемы и составляющие её словоформы, 2) парадигматическая схема грамматического типа слов и составляющие её типочформы, 3) основная парадигматическая схема части речи и составляющие её грамматические формы в собственном смысле слова.

Дальнейшее развитие теории ступеней морфологической парадигматики происходило в двух различных направлениях: формальном и функциональном. Формальное направление характерно для работ А. А. Зализняка, который исследовал внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах [Зализняк 1967], и статьи С. А. Крылова, который, исходя из основных теоретических положений А. А. Зализняка, обосновывает «неоструктуралистский подход к описанию морфологии языков флективного типа» и вводит такие понятия, как «морфограмма» и «морфокатегория», которые находятся на более низкой ступени грамматической иерархии по сравнению с граммемами и категориями [Крылов 2002]. Функциональное направление развития теории ступеней морфологической парадигматики представлено в исследованиях А.В. Бондарко [Бондарко 1980; 1983], а также наших работах [Яцкевич 1987; 1988; 1992; Панова 1996]. Обобщая определённые лингвистические традиции, А. В. Бондарко указывает три уровня существования и, соответственно, описания грамматических категорий: 1) уровень абстрактной грамматической системы языка (рассматриваемый в отвлечении от лексики); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания в тексте [Бондарко 1980; 1983, 100]. Исходя из этого мы считаем, что парадигмы грамматических категорий и частей речи являются элементами абстрактной грамматической системы и соотносительны с соответствующими грамматическими концептами (первый уровень). Морфологическая парадигма лексемы относится к уровню репрезентации парадигматических систем абстрактно-грамматического уровня в лексике (второй уровень). Словоформы, компоненты парадигмы лексемы, включаются в уровень функционирования грамматических и лексических единиц в структуре высказывания (третий уровень).

Исследование грамматики слова на основе сопоставления парадигмы лексемы с парадигмой части речи и парадигмой грамматических

категорий ведутся многими лингвистами [Зализняк 1967; 1977; Марков 1974; Бондарко 1976; Волинец 1978; Грамматическая лексикология ... 1978], этим принципом руководствуются при описании морфологического строя русского языка авторы академических грамматик [Грамматика 1970; Русская грамматика 1980]. Однако далеко не всегда эти понятия, относящиеся к различным уровням морфологической парадигматики, явно противопоставляются и терминологически обозначаются. Сопоставление парадигмы грамматической категории (ПГК) с парадигмой лексемы (ПЛ) и парадигмой части речи (ПЧР) позволяет установить важнейшие особенности морфологического строя русского языка и включить закрытую систему русского формообразования в открытую систему функциональной грамматики. Данную проблему мы уже обсуждали ранее в других работах [Яцкевич 1987; 1988; 1992].

Далее предлагается типология отношений между различными типами парадигм в русской морфологии. По мнению А. В. Бондарко, «вся типология морфологических категорий в их отношении к слову базируется на соотношении абстрактно-грамматического уровня и уровня реализации морфологических категорий в конкретном слове – в лексеме и в словоформе» [Бондарко 1983, 10].

Соотношение парадигмы грамматической категории и парадигмы лексемы

Структуру парадигмы грамматической категории образует комплекс граммем, находящихся в определённых взаимосвязях друг с другом. Структуру парадигмы лексемы образует комплекс словоформ, определённым образом взаимосвязанных. Между этими структурами нет изоморфизма. В связи с этим ставится задача – изучить возможные виды соотношения между этими структурами. По нашим данным, существуют шесть видов такого соотношения.

1. Парадигма грамматической категории представлена в парадигме лексемы или только одной граммемой, или полностью всеми граммемами. Соотношение, при котором компоненты ПГК распределяются между парадигмами разных лексем, наблюдается у так называемых лексико-грамматических [Виноградов 1947; 1975; Смирницкий 1955], в иной терминологии – классификационных [Зализняк 1987], некоррелятивных [Бондарко 1976] грамматических категорий. В этом случае «граммемы классифицирующей грамматической категории <...> характеризуют парадигму (лексемы) в целом, противопоставляя её другим парадигмам [Бондарко 1976, 32]. Соотношение, при котором парадигма грамматической категории представлена в парадигме одной лексемы полностью, наблюдается у словоизменяемых или последовательно коррелятивных грамматических категорий [Бондарко 1976].

2. Парадигма грамматической категории включается во всю парадигматическую систему лексемы или же входит только в одну из её парадигматических подсистем. Например, парадигма падежа охватывает полностью всю парадигматическую систему лексемы существительного. Значение падежа включается в содержание любой словоформы существительного, а у лексемы-прилагательного парадигма падежа не распространяется на формы простой сравнительной степени, у лексемы-глагола парадигма падежа охватывает только парадигматическую подсистему причастных форм.

3. Компоненты парадигмы грамматической категории, граммы, характеризуются однофункциональностью, имеют одно категориальное грамматическое значение. Компоненты парадигмы лексемы, словоформы, многофункциональны, обычно они являются точкой пересечения нескольких грамматических категорий [Бондарко 1976, 136, 142, 144]. Парадигма лексемы в русском языке обычно репрезентирует парадигмы целого комплекса грамматических категорий, характерных для данной части речи, поэтому парадигма лексемы имеет более сложную структуру. Например, парадигмы грамматических категорий рода, числа и падежа у прилагательных пересекаются в четырёх рядах парадигмы лексемы: 1) *белый, белого, белому, белый, белым, о белом*; 2) *белая, белой, белой, белую, белой, о белой*; 3) *белое, белого, белому, белого, белым, о белом*; 4) *белые, белых, белым, белые, белыми, о белых*.

4. Парадигма лексемы может быть или полной, или неполной, или избыточной, или дефектной, а парадигма грамматической категории, как явление потенциальное, всегда характеризуется целостностью и невариантностью и является поэтому эталоном для описания грамматической структуры различных лексем.

5. Грамматическое слово (морфологическая парадигма лексемы) и лексическое слово (парадигма его лексико-семантических вариантов) существуют в единстве. В силу этого правомерно «ставить вопрос о разбиении морфологических категорий на те, которые обслуживают слова, и те, которые обслуживают лексико-семантические варианты слов» [Соболева 1980, 127]. П. А. Соболева отмечает, что слова в целом обнаруживают категории падежа и рода у существительных и прилагательных, категорию времени и наклонения у глагола. А категория числа существительных, вид, залог глагола обслуживают лексико-семантические варианты слов.

Все рассмотренные выше виды соотношения парадигмы грамматической категории и парадигмы лексемы свидетельствуют о несовпадении их границ и различии их структур.

6. Кроме структурного несоответствия наблюдается также функциональное различие парадигмы грамматической категории и пара-

дигмы лексемы. Словоформа, компонент парадигмы лексемы, обладает семантическим содержанием, в котором интегрируются и категориальные значения пересекающихся в ней граммем, и грамматически значимые компоненты лексического значения слова, и категориальное значение части речи, и семантико-синтаксические значения, обусловленные функциями данной словоформы в предложении. Кроме этого, словоформа получает частные контекстуально-обусловленные грамматические значения. Всё это усложняет и расширяет функциональную сферу парадигмы лексемы, порождает систему вторичных противопоставлений её компонентов в тексте.

Соотношение парадигмы грамматической категории и парадигмы части речи

Парадигма грамматической категории и парадигма части речи относятся к абстрактно-грамматическому уровню языковой системы. Существующие между ними «отношения парадигматической иерархии» рассмотрены А.В. Бондарко [Бондарко 1983, 141–144], хотя он и не пользуется термином «парадигма части речи», а говорит о комплексе морфологических категорий, характеризующих часть речи [там же, 143–144]. Возражает против этого термина М. М. Гухман, так как, по её мнению, «под парадигмой понимается всегда совокупность противопоставленных и взаимосвязанных форм, между тем парадигматические ряды наклонений, залогов и т.д. не взаимообусловлены, хотя межкатегориальные связи бесспорно существуют» [Гухман 1968, 16]. Правомерность понятия «парадигма части речи» был рассмотрен выше при обзоре работ В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, А. А. Зализняка в связи с сопоставлением системы словоизменения лексемы с системой формообразования части речи, к которой данная лексема относится. Правомерность этого понятия может быть доказана также и при сопоставлении его с понятием «парадигма грамматической категории». В парадигме части речи выражается комплекс взаимосвязанных грамматических категорий части речи. Парадигмы этих грамматических категорий представлены в общей парадигме части речи в определённой системе, которая по сравнению с системой форм отдельной грамматической категории имеет более сложную парадигматическую организацию. Кроме того, в парадигму части речи включаются формы морфологической транспозиции.

На основе соотношения ПГК и ПЧР выделяется несколько типов грамматических категорий в русском языке.

А) ПГК охватывает весь класс слов данной части речи, то есть обязательно включается полностью или одним своим компонентом в парадигму части речи или ПГК не охватывает весь класс, а характеризу-

ет парадигму только отдельных подклассов. Например, категория падежа охватывает все разряды прилагательных, а категория степеней сравнения – только качественные прилагательные, да и то не все.

Б) ПГК включается в парадигму одной части речи или в парадигму нескольких частей речи. А. А. Зализняк отмечает: «Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, ГК русских имён описываются иначе: например, ГК падежа признаётся у всех разрядов имён. В связи с этим мы будем различать частные и обобщённые ГК. Частная ГК – это грамматическая категория в определённом грамматическом разряде слов. Обобщённая ГК – совокупность частных ГК, имеющих в определённом описании одинаковое название» [Зализняк 1967, 34–35]. Однако целям нашего исследования не соответствует дальнейшее рассуждение А. А. Зализняка о том, что «совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определённых принципов описания» [1967, 34]. Действительно, с точки зрения описания внешнего выражения грамматических противопоставлений в парадигмах, которое проводится в работе А. А. Зализняка, одноименные частные грамматические категории должны рассматриваться как равные категории. Если же ставятся другие задачи – изучение морфологической парадигматики как целостной иерархической системы, элементы которой на уровне функционирования словоформ представляются в единстве, то этот вопрос решается иначе. Частные грамматические категории должны рассматриваться не просто как одноименные в описании, а как взаимосвязанные в грамматическом строе языка. Морфологическая теория длительное время развивалась под девизом дифференциации частей речи, а отношения интеграции поэтому исследовались мало. Тем не менее эта проблема была поставлена в работах: [Степанов 1981; Бортэ 1979; Баудер 1982; Руделёв 1976; 1979; Гак 2000].

Существует три типа взаимосвязи частных грамматических категорий в составе общей грамматической категории, объединяющей парадигмы нескольких частей речи.

Во-первых, есть ПГК, которые распространяются на парадигмы нескольких частей речи на основе их контактных синтагматических связей в тексте, которые выражаются в формах согласования. Например, категории падежа, рода и числа формируют парадигмы имён существительных, прилагательных, причастий; парадигма падежа включается в парадигмы всех именных частей речи. Но функциональные нагрузки

падежных форм имён существительных и падежных форм других частей речи различны, хотя и взаимообусловлены.

Во-вторых, есть ПГК, которые распространяются на парадигмы частей речи, которые находятся друг с другом в парадигматических связях на основе общего категориального значения части речи и соответственно грамматического концепта. Например, на причастные формы глагола и на порядковые числительные распространяется парадигма склонения прилагательных, с которым они объединяются на основе общего категориального концепта признаковости. Следует отметить, что в русском языке парадигматическая связь по грамматическому концепту части речи не всегда морфологизирована, то есть не всегда выражается в общих грамматических категориях. Так, близость ономаσιологических функций инфинитива и отглагольного существительного, обозначающего действие или состояние, не сопровождается однотипностью их морфологической структуры, а имена качества в составе существительных не имеют грамматических категорий, характерных для качественных прилагательных. Однако, не имея морфологических парадигм той части речи, с которой они соотносятся по своему субкатегориальному значению, данные подклассы существительных располагают периферийными средствами выражения тех же самых семантических функций, которые выражаются парадигмами. Например, в русском языке издавна продуктивны грамматикализованные глагольно-именные сочетания, в которых полузнаменательные глаголы выражают различные аспектуальные, залоговые, темпоральные значения действий или состояний, обозначенных отвлечёнными существительными (*начать / начинать, закончить / заканчивать, продолжить / продолжать чтение, операцию, объяснение; оказать / получить помощь; дать / получить образование; оказать / вызвать, внушить доверие*). Также периферийным средством выражения аспектуальных значений является противопоставление форм единственного и множественного числа у имён действия и состояния [352], например: (1) *Зазывали покупателей вкрадчиво, даже кокетливо, насмехались же над ними очень дружно, забывая на это время свои внутренние распри*» (К. Г. Паустовский), ср. *распря*; *И вот все колебания пролетели и мелькнули в его уме*» (Ф. М. Достоевский), ср. *колебание*; *У меня начались одышки, головокружения* (Ю. Трифонов) ср. *головокружение, одышка*.

Таким образом, парадигматически соотносительные по категориальному значению части речи, или подклассы частей речи, имеют общие грамматические категории и одноструктурные их парадигмы, или включаются в разные сферы общего для них функционально-семантического [Бондарко 1983] или грамматического [Гухман 1968] поля.

В-третьих, части речи могут находиться в деривационных отношениях. Деривационные отношения могут связывать лексемы различных частей речи (*зелёный* – *зелень*, *покупать* – *покупка*, *трое* – *тройка*). В этом случае наблюдается словообразовательная транспозиция, и морфологические категории исходной части речи не сохраняются. Если же деривационные отношения межчастеречного характера связывают формы одного слова, что наблюдается при морфологической транспозиции, то некоторые грамматические категории сохраняются. Например, наречия на -о, -е сохраняют степени сравнения (*Сегодня он стал веселее*. – *Сегодня он поёт веселее*), причастия имеют глагольные категории вида, залога, времени, деепричастия – вида и залога. В научной литературе обсуждается вопрос о том, сохраняются ли, а если сохраняются, то в каком виде, глагольные грамматические категории у нелексикализованных форм отглагольных существительных.

Л. В. Бортэ предлагает рассматривать деривационную систему лексем, образованных от одной части речи, как особую лексико-грамматическую парадигму [Бортэ 1979]. Соотношение морфологических и лексико-грамматических парадигм до сих пор не получило системного описания.

Сопоставление парадигмы грамматической категории, парадигмы части речи и парадигмы лексемы показало, что русский язык располагает разнообразными способами грамматического оформления лексики. Грамматические категории, составляющие ядро грамматического строя языка, на уровне лексем, а также на уровне функционирования словоформ представлены несколькими способами [Яцкевич 1988; 1992]:

А) грамматическая категория охватывает: 1) несколько частей речи, 2) весь лексический состав одной части речи, 3) один или несколько подклассов одной части речи;

Б) граммемы грамматической категории, члены её парадигмы, распределяются: 1) между разными лексемами и, значит, разными подклассами одной части речи; 3) между разными лексико-семантическими вариантами одного слова; 4) между разными словоформами одной лексемы; 5) между разными парадигматическими рядами одной лексемы или двумя конверсивными лексемами; 6) между разными употреблениями одной словоформы [Яцкевич 1987; 1992];

В) грамматическая категория охватывает: 1) все словоформы лексемы (напр., категория падежа существительных); 2) части словоформы (категория времени глагола);

Г) словоформы лексемы соотносятся с данной грамматической категорией только через периферию её грамматического поля: 1) грамматическая категория соотносится с вторичными функциями словоформ лексемы; 2) грамматическая категория соотносится с граммати-

кализованными аналитическими конструкциями, образованными на базе словоформ лексемы.

Соотношение парадигмы лексемы и парадигмы части речи

В работах В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого были намечены основные аспекты изучения соотношения парадигмы лексемы и парадигмы части речи.

1. По отношению к системе форм части речи системы форм отдельных слов данной части речи – «величины изменчивые» [Виноградов 1975, 43]. Парадигма отдельного слова может не располагать всем комплексом форм, типичных для данного класса. Данное положение нашло дальнейшее развитие в современных исследованиях неполных, потенциально полных и дефектных парадигм слова [Маслов 1964; Зализняк 1967; 1977; Волинец 1978; Кубрякова, Соболева 1979 и др. работах], а также в трактовке непоследовательно коррелятивных грамматических категорий [Бондарко 1976].

2. Изменчивость парадигмы лексемы по отношению к парадигме части речи обнаруживается также и в применяемых способах и моделях формообразования [Виноградов (1952) 1975, 43; 1975а, 174–175, 178–180]. В. В. Виноградов выделяет морфологический тип формообразования, к которому он относит образование форм с помощью 1) окончаний, 2) суффиксов, 3) префиксов, 4) их комбинаторных сочетаний. Кроме морфологического формообразования, которое явно преобладает в русском языке, он говорит о существовании так называемого синтаксического лексико-синтаксического формообразования [Виноградов 1975а, 179]. К синтаксическому формообразованию он относит не только аналитические формы степеней сравнения прилагательных, формы будущего времени несовершенного вида глагола, «формы условно-желательного» наклонения, но и неграмматизованные до конца сочетания типа *стану, стал* + инфинитив (*стану работать, стал работать*), имеющие значения приступа к действию. К лексико-семантическому формообразованию он относит супплетивные формы, очень редкие в русском языке (*человек – люди, братья – брать*). Разнообразие способов и моделей формообразования обусловлено эволюцией языка, отражает динамизм морфологического строя. Думается, что такой подход к формообразовательной структуре слова является более конструктивным (несмотря на кажущуюся сложность и несистемность) по сравнению с дескриптивным анализом, согласно которому любое средство выражения категориального значения в слове следует считать флексией [Милославский 1981, 24]. На наш взгляд, мысль о политипологичности грамматической структуры парадигмы лексемы является важнейшим положением грамматического учения о слове В. В. Виноградова.

3. Существенно, что В. В. Виноградов отмечал не только наличие индивидуальных изменений в парадигмах отдельных слов, которые приводят к их несимметричности относительно общей парадигмы части речи, но и указывал на закономерный характер частичного несоответствия парадигмы лесемы парадигме части речи: «Чаще же всего изменения в системах форм зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов» [Виноградов 175, 42]. Таким образом, утверждается мысль не только о структурно-морфологической, но и семантико-морфологической политипологичности лексического состава части речи. Это положение нашло дальнейшее развитие в процессе изучения лексико-грамматических разрядов слов в современной функциональной грамматике [Маслов 1964; 1968; Бондарко 1973; 1976; Яцкевич 1987; 1988; Теория функциональной грамматики 1987–1996; Золотова 1973; 1998], а также в работах, авторы которых используют структурно-вероятностный анализ морфологических категорий относительно их реализации в лексическом составе слов одной части речи [Андреев 1975; Супрун 1968].

4. Неоднородность морфологической парадигматики лексем одной части речи может быть обусловлена также конкретными (нередко индивидуальными) историческими процессами, происходящими в сфере словообразования, лексики и морфологии [Виноградов 1976]. Эти взаимосвязанные процессы приводят: 1) к распаду системы форм отдельного слова, 2) к специализации отдельной формы и выпадению её из парадигмы, 3) к качественному и количественному изменению семантического наполнения форм [Виноградов 1975, 42]. 4) «к качественным переходам форм слов в отдельные слова и, наоборот, слов в формы других слов с тем же корнем-основой или в формы слов семантически тождественных» [Виноградов 1975, 178]. Данные положения грамматического учения В. В. Виноградова получили дальнейшее развитие в исследованиях казанских учёных [Марков 1972; 1974; Еселевич 1979; Грамматическая лексикология ... 1978]. В. М. Марков обосновал необходимость особой лингвистической отрасли – «грамматической лексикологии», которая должна рассматривать «грамматическую историю отдельных слов, лексических групп и словообразовательных разрядов» [Марков 1974, 4]. В этом же русле выполнены монографические исследования Ю. С. Азарх [Азарх 1984], В. И. Дегтярёва [Дегтярёв 1983].

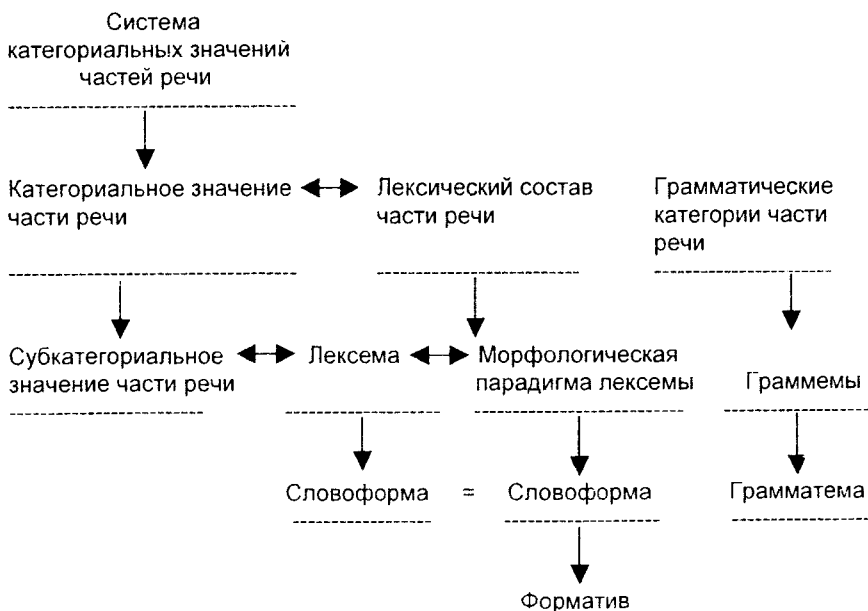
Выводы

1. В морфологии русского языка существуют две субстанциональные системы, каждой из которых соответствует своя категориальная

система. Первая система – это система лексем разных частей речи и их категориальных значений; вторая система – это система словоформ и их грамматических категорий.

2. Между этими системами нет изоморфизма. Система частей речи формируется на основе **центробежных по отношению к слову** факторов, поскольку слова как части речи исторически и функционально оформляются в предложении. Система категориальных значений частей речи соотносится с грамматическими концептами, отражающими коммуникативно-смысловые функции слов в речи. А система грамматических категорий формируются на основе **центростремительных по отношению к слову** факторов, поскольку они исторически и функционально предназначаются для грамматического оформления слов как лексических единиц определённой части речи.

3. Общей единицей для обеих субстанциональных систем является словоформа. следовательно, она представляет в предложении и единицы категориальной системы частей речи, и единицы системы грамматических категорий. Так, в предложении *Сестра придет завтра* словоформа *сестра* выражает категориальное значение имени существительного – предметность, субкатегориальное значение – субъектность, грамматему – женск. р., ед. ч., именит. п. То, что для нас кажется привычным и простым в морфологическом анализе словоформы, в грамматической системе языка имеет сложный многоуровневый механизм:

4. Категориальное значение части речи входит в состав грамматики как **интегральный компонент**, объединяющий данную грамматику и словоформу с другими грамматиками и словоформами в составе морфологической парадигмы лексемы.

5. Асимметрия формообразовательной и категориальной систем в морфологии проявляется в следующем: если единицы категориальной морфологической системы отражают только формообразование, то единицы субстанциональной формообразовательной системы, наряду с системой грамматических категорий, связаны со словообразованием, с системой частей речи, с синтаксисом, то есть со смежными с морфологией и взаимодействующими с ней субстанциональными системами языка. Как отмечал В. Г. Адмони, «система грамматических единиц образуется путём скрещения двух разнообразных, хотя и связанных планов – плана обеспечения номинации и плана обеспечения коммуникации» [Адмони 1964, 12]. Данное положение, неоднократно высказываемое представителями функциональной грамматики, предъясняет определённые требования к методике анализа в морфологии. «В связи с этим такая система не может быть представлена как однолинейное построение, в которой каждая высшая ступень по одному и тому же принципу надстраивается над каждой низшей ступенью и анализ которой может быть произведён на основе одного единственного критерия», – пишет В. Г. Адмони [там же, 12]. В силу этого в морфологическое описание необходимо включать не только морфемы, словоформы и парадигмы слов, но и производные слова, синтаксические формы слова, лексический состав частей речи.

6. Важной представляется проблема функциональной типологии словоформ в зависимости от характера воплощения грамматических концептов частей речи. Здесь выделяются три вопроса: вопрос о начальной форме части речи, вопрос о транспозиционных грамматических формах и вопрос о синкретических формах.

Понятие «**начальная форма слова**» кажется некоторым исследователям искусственным и чисто методическим. Обычно под это понятие подводят форму в единств. ч. имен. пад. существительного (*дом, озеро, трава*), форму инфинитива глагола (*жить, лететь, лететь*), форму единств. ч. мужск. р. имен. пад. прилагательных (*чистый, зелёный, речной*), форму имен. пад. числительных (*три, двадцать, сто*). Однако именно то явление грамматики, которое традиционно называется «начальная форма слова», в наибольшей степени актуализирует грамматический концепт данной части речи, поскольку данный тип форм в меньшей степени зависит от контекста и в большей степени обладает репрезентативной функцией категориального значения части речи. Поэтому данное понятие отражает естественную функциональную классификацию словоформ и в теоретической грамматике не является излишним.

Понятие «**транспозиционные словоформы части речи**» также важно для характеристики места категориального значения части речи в структуре словоформы, поскольку в данном типе словоформ присутствуют сразу два категориальных значения части речи. В таком случае словоформу следует относить к той части речи, в составе которой обнаруживаются другие словоформы с тем же самым лексическим значением. Так, причастия, совмещающая в своём грамматическом содержании категориальные значения глагола и прилагательного, относятся к глаголу, поскольку не отличаются по лексическому значению от его других словоформ. На этом же основании к глаголу относятся деепричастия, совмещающие в своём грамматическом содержании категориальные значения глагола и наречия. И только при адъективации и адвербиализации причастия и деепричастия соответственно переходят в состав прилагательных и наречий.

Понятие «**синкретические словоформы части речи**» отражает эволюционные процессы в русской грамматике. Концептуальная отнесённость таких словоформ сформировалась не до конца и является неотчётливой. Например, синкретизмом характеризуется словоформа *один* в предложении *Выхожу один я на дорогу* (Лермонтов), поскольку по образованию и первичной грамматической семантике это числительное по употреблению в предложении – и прилагательное и наречие (хотя в словарях такой тип употребления имеет помету «в знач. прил.»). Многие исследователи отмечают, что перемещение словоформ и лексем из одной части речи в другую может носить постепенный характер [Виноградов 1947, 269, 315–318, 320–321; Пешковский 1956, 152–161, 166; Бабайцева 1988; 2000; Шигуров 2002, 34–43]. В. В. Шигуров в качестве такой синкретичной формы рассматривает употребление глагольных словоформ *хватает* (*Людей хватает*, т.е. много или достаточно), *хватит* (*Денег хватит*, т.е. достаточно), *завались* (*Грибов завались*, т.е. очень много), которые, по его мнению, совмещают признаки местоимений и числительных. Более убедительной нам представляется точка зрения Н. А. Каламовой, которая относит данные употребления в сферу категории состояния [Камалова 1991, 13].

Заключение

Категориальное значение части речи представляет собой особый тип языковой семантики: это векторный имплицитный тип семантики, в отличие от грамматических значений грамматических категорий и словообразовательных значений, выражающих свою семантику эксплицитно – в грамматической и словообразовательной оформленности слова. Это значение части речи включается в качестве ядерного грамматического значения в языковое поле соответствующего грамматического концепта, который находит в нём своё воплощение.

Грамматические концепты частей речи являются особыми грамматическими понятиями, отражающими основные коммуникативно-смысловые категории языка. Они сформировались постепенно в процессе эволюции грамматического строя языка и являются результатом грамматического обобщения основных коммуникативно-смысловых функций слов в предложении.

Между собой грамматические концепты различаются такими компонентами своего содержания, как: объект, основание, характер и цель обобщения. На этих различиях строится система грамматических концептов и соответствующая им функциональная типология частей речи в русском языке. Для типологической систематики частей речи характерен принцип дополнительности, что является коммуникативной универсалией всех семиотических систем.

Языковое поле грамматического концепта части речи имеет иерархическую структуру: его семантические зоны последовательно представлены категориальным грамматическим значением части речи, субкатегориальным значением лексико-грамматического разряда слов, словообразовательным значением слов одного словообразовательного типа, субкатегориальным лексическим значением лексико-семантического разряда слов, дифференциальной семой лексического значения слова.

Каждый тип языкового значения, соотносительного с грамматическим концептом, может быть объективирован, то есть формально выражен в морфеме. Изучение в этом аспекте морфемной системы русского языка является актуальной задачей морфологии.

Наличие категориального значения части речи в содержании словоформы является её организующим центром. От него зависит морфологическая и словообразовательная структура словоформы, оно является стержнем лексического значения слова.

Методика концептуального анализа грамматической, лексико-грамматической и словообразовательной семантики слова требует дальнейшего развития.

Литература

- Абаев Е. И. Языкознание – общественная наука // Русская речь. – 1971. – № 5. – С. 5–10.
- Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1973. – № 4. – С. 40–46.
- Адмони Е. Г. Введение в синтаксис немецкого языка. – М., 1955.
- Адмони В. Г. О модальности предложения // Уч. зап. Ленинград. гос. педагогич. ин-та, 1956. – Т. 21. – С. 66–68.
- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. – М.; Л., 1964. – 167 с.
- Адмони В. Г. О числительных как части речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л., 1968.
- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. – Л., 1973. – 366 с.
- Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М., 1984.
- Алпатов В. М. История лингвистических учений. – М., 1999.
- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975.
- Андреев Н. Д., Андреева Л. Д. Конструктивные уровни частей речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л., 1968.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.
- Аристотель. Категории. – М., 1939.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.
- Арутюнова Н. Д. Логическое направление в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
- Бабайцева В. В. Классификация частей речи с учётом существования гибридных слов // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. – Тамбов, 1973. – С. 102–112.
- Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–43.
- Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М., 1988.
- Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.

Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин, 1982.

Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М., 2000.

Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 21–54.

Биаши К. Представление смысла текста как мирового комплекса // *Textlinguistik. – Beclentung, Sprechkte und Text; Acten der 13 Linguistischen, Kolloquiums, Gent, 1978 / Hrsg. Von Velde M. Van de Vandewege W. Tübingen. – 1979. – Bd. 2.*

Бирвиш М. Точное знание – практический вопрос // *Sprecha theorie und Semantik / Hrg. Von Grewendorf G – Frankfurt A.M. Suhrkanap, 1978.*

Блох М. Я., Лотова И. С. Широкозначные существительные в структуре предложения // *Исследования по лексической сочетаемости. – М., 1980.*

Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2000.

Блумфилд Л. Язык. – М., 1968.

Бондарко А. В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. – М., 1971.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.

Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // *Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.*

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.

Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц // *Функциональный анализ грамматических единиц. Сб. научных трудов. – Л., 1980. – С. 5–27.*

Бондарко А. В. О структуре грамматических категорий. (Отношения оппозитивного и неопозитивного различия). – *Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 17–28.*

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.

Борте Л. В. Проявление связей между частями речи в современном русском языке. – Кишинёв, 1979.

Будагов Р. А. Филология и культура. – М., 1980.

Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. – М., 1977.

Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // *Аспекты семантических исследований. – М., 1980.*

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.

- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка (1934) – М., 1993.
- Вальков К. И. Геометрические аспекты принципа инвариантной неопределённости. – Л., 1975.
- Вальков К. И. Машину учат говорить? // Вопросы геометрического моделирования. – Л., 1980. – С. 7–44.
- Вальков К. И. Русский язык – Алгол // Вопросы геометрического моделирования: Межвузовский тематич. сб. – Л., 1981. – С. 7–40.
- Вальков К. И. Моделирование и формализация. – Л., 1984.
- Вальков К. И. Проекционный схематизм – инструмент и метод. – Л., 1988.
- Вальков К. И. В сумерках полужнания. – СПб., 1995
- Вальков К. И. Границы научного познания. – СПб., 2002.
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Ван де Вельде Р. Г. Проблемы создания лингвистической теории эмпирической науки о тексте // *Empirische Textwissenschaft: Aufbau u. Auswertung von Text – Corpora* / Bergenholz H., Schaefer B., Hrsg. – Kornigstein / Ts.: Scriptor, 1979.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1947.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* – М., 1975. – С. 53–87.
- Виноградов В. В. О формах слова // *Избр. труды. Исследования по русской грамматике.* – М., 1975. – С. 166–220.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) (1952) // Виноградов В. В. *Избр. труды. Исследования по русской грамматике.* – М., 1975.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999.
- Волынец Т. Н. Структура русской глагольной парадигмы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1978.
- Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. – Л., 1968.
- Воронцова В. Л. Наименования лиц по профессии // *Способы номинации в современном русском языке.* – М., 1982. – С. 254–270.
- Время и пространство в языковом представлении. (К 120-летию со дня рождения Гюстава Гийома). Тезисы докладов международной научно-практической конференции. 23–24 октября 2003 г. – Вологда, 2003.
- Всеволодова М. В. Категория именной темпоральности и закономерности её речевой реализации Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1982.

- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 1977.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
- Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. – М., 1979.
- Гладкий А. Б. Попытка формального определения понятия падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования. – М., 1973.
- Голанова Е. И. Об одном типе препозитивных частиц в современном русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975.
- Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 3. – С. 20–31.
- Головин Б. Н. Заметки о грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1962. – № 2. – С. 121–141.
- Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1990.
- Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
- Грамматическая лексикология русского языка. – Казань, 1978.
- Греч Н. И. Пространная русская грамматика. – СПб., 1827.
- Гулыга В. В., Шендельс В. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.
- Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.
- Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3.
- Докулил М. К. К вопросу о морфологических противопоставлениях (Критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка) // Языкознание в Чехословакии. – М., 1978.
- Дегтярёв В. И. История категории числа в славянских языках. – М., 1983.
- Дюрфмюллер К. Компоненты понимания текста и их реконструкция в анализе текста // Textlinguistik // Bedeutung, Sprechakte und Text: Acten des 13 Linguistischen Kolloquiums, Gent, 1978 / Hrsg. Von Velde M. Van de Valdewege W. Tubingen, 1979.
- Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. – Казань, 1979.

Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.

Жеребков В. А., Балаганина Л. Н. Понятие мнимости как средство объяснения языковых фактов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, М., 1984. – № 1. – С. 69–77.

Журавлёв В. К. Диахроническая морфология. – М., 1991.

Забавников Б. Н. Методические аспекты коммуникативно ориентированной грамматики // Известия АН СССР. – ОЛЯ. – М., 1980. – № 1. – С. 21–34.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. – М., 1967.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.

Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. – М., 1967.

Звегинцев В. А. Предложение в его отношении к языку и речи. – М., 1976.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Золотова Г. А. О синтаксических свойствах имён качественных // Синтаксис и стилистика. – М., 1979.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.

Камалова А. А. Категория состояния в современном русском языке. – М., 1991.

Кантино Э. П. Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 35–48.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М. – Л., 1981.

Карцевский С. О. Об асимметрическом дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II. – С. 212–225.

Кацнельсон С. Л. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.

Кедров Б. М. Классификация наук. – М., 1961. – Т. 1; 1965 – Т. II.

Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явления омонимии в современном русском языке. – Ташкент, 1978.

Ким О. М. К типологии транспозиционных процессов // Сб. научных трудов Ташкентского университета. – Ташкент, 1982.

Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. – М., 1979.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. – М., 1986

Кодухов В. И. Общее языкознание. – М.; Л., 1974.

- Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. – М., 1999.
- Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
- Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М., 2002. – С. 669–748.
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М., 1978.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1984.
- Кубрякова Е. С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в словообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 5–23.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Семантика языка. – М., 1999. – С. 186–197.
- Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002 – Т. 61. – Номер 1.
- Кузнецов В. Я. Синтаксическое функционирование имён существительных с конструктивно-обусловленным значением // Лексико-грамматические исследования по русскому языку. Межвузовский тематич. сб. – Калинин, 1977.
- Кузнецова Т. Я. Исходные положения теории Гюстава Гийома в современной лингвистике // Время и пространство в языковом представлении. (К 120-летию со дня рождения Гюстава Гийома). Тезисы докладов международной научно-практической конференции. 23–24 октября 2003 г. – Вологда, 2003.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сб. статей. – М., 1962.
- Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1995.
- Лашкевич А. И. Именные словосочетания со значением метафорического количества. – Минск, 1985.
- Левицкий Ю. А. Категоризация, модификация и транспозиция // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. – Пермь, 1977. – С. 38–47.
- Лённгрен Л. Русские деривационные суффиксы. – Uppsala, 1978.
- Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М., 1997.
- Логический анализ языка. – М., 1989–2001.
- Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Изд. Академии наук СССР. – Т. VII. – М., 1952.

Лосев А. Ф. Категории // *Философская энциклопедия*. – Т. 2. – М., 1962. – С.475.

Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. *Бытие – имя – космос* / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М., 1993.

Лукин О. В. Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика) // *ВЯ*, 1999. – № 1.

Лукин О. В. Части речи в средние века // *Вопросы языкознания*. – 2001. – № 6.

Маловицкий Л. Я. Значение и обозначение // *Грамматическая семантика языковых единиц*. – Вологда, 1981. – С. 183–190.

Марков В. М. О лексико-словообразовательных факторах в развитии морфологических процессов // *Вопросы теории и истории русского словообразования*. – Казань, 1972.

Марков В. В. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – М., 1974.

Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // *Проблемы структурной лингвистики*. 1963. – М., 1963. – С. 47–74.

Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках) // *Славянская филология* – Л., 1964.

Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // *Вопросы общего языкознания*. – 1965. – С. 12–19.

Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // *Советское славяноведение*. 1968. – № 4. – С. 53–68.

Мейен С. В. Систематика и формализация // *Биология и современное научное познание*. – Ч. 1. – М., 1975.

Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // *Вопросы философии*. – 1976. – № 12.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Под ред. Ю. Г. Косарева. – М., 1978.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. Введение. Часть первая: Слово. – М., 1997.

Мечковская В. Б. Ранние восточнославянские грамматики. – Минск, 1984.

Мещанинов И. И. *Общее языкознание*. – Л., 1940.

Мещанинов И. И. *Члены предложения и части речи*. – Л., 1978.

Мигиринов В. Н. *Очерки по теории процессов переходности в русском языке*. Бельцы, 1971.

Мигиринов В. Н. *Язык как система категорий отображения*. – Кишинёв, 1973.

Милославский И. Г. *Морфологические категории современного русского языка*. – М., 1981.

- Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной / Пер. с англ. 2-е изд. – М., 1914.
- Мишурова Г. И. Существительные с количественным значением в современном русском языке: Семантические характеристики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1969.
- Морфемика и словообразование русского языка / Науч. ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2002.
- Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л, 1965.
- Морфология и синтаксис современного русского языка. – М., 1968.
- Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. – Л., 1980.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М., 1979.
- Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.
- Николаева Г. М. Введение. // Категория определённости-неопределённости в славянских и балканских языках. – М., 1979. – С. 3–10.
- Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Овсянко-Куликовский Д. Н. О значении научного языкознания для психологии мысли // Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы в двух томах. – М., 1989. – Т. 1. – С. 65–82.
- Ольховиков Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания: Становление и эволюция грамматического описания в Европе. – М., 1985.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском языке XIX века. – М., 1964.
- Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. – М., 1971. – С. 240–253.
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
- Панова Г. И. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. – СПб. – Абакан, 1996.
- Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.
- Перельмутер И. А. Платон // История лингвистических учений. Древний мир. – Л., 1980.
- Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. – М., 2001.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2003.
- Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. статей к 60-летию проф. В. А. Успенского). М., 1990. С. 41–69.

Поликарпова Т. Д. Предлог в сорите частей речи // Время и пространство в языковом представлении. (К 120-летию со дня рождения Гюстава Гийома). Тезисы докладов международной научно-практической конференции. 23–24 октября 2003 г. – Вологда, 2003.

Попова З. Д., Стернин. И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.

Попова З. Д., Стернин И. А., Волохина Г. А. Когнитивная семантика русского языка // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Сборник рефератов избранных работ. – Екатеринбург, 2001.

Поспелов Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. – М., 1954.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. I–II – М., 1958.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. III. – М., 1968.

Рассел Б. Человеческое познание и его сфера и границы. – М., 1957.

Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. – М., 1967.

Ревзин И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. – М., 1973. – С. 11–32.

Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике // Вопросы философии. – 1972. – № 11. – С. 27–48.

Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. – М., 1977.

Ревзина О. Г. Типологический анализ грамматических категорий рода на материале славянских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1970.

Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Проблема частей речи в современной лингвистике // Лингвистические исследования. – М., 1975. – Вып. II. – Ч. 2. – С. 41–62.

Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определённости-неопределённости // Категория определённости-неопределённости в славянских и балканских языках. – 1979. – С. 64–89.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М., 1955.

Рождественский Ю. В. Типология слова. – М., 1969.

Руделёв В. Г. Семантико-грамматические классы существительных (современного русского языка) // Грамматические классы слов русского языка. – Тамбов, 1976. – С. 41–63.

Руделёв В. Г. Об основных постулатах современной лингвистической теории // Грамматические классы слов русского языка. – Тамбов, 1976. – С. 63–70.

Руделёв В. Г. Место существительных среди других частей речи русского языка // Грамматические классы слов русского языка. – Тамбов, 1976.

Руделёв В. Г. Существительное в русском языке: Учебное пособие. – Тамбов, 1979.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова – М., 1980. – Т. I.

Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской – М., 1973.

Савченко А. Н. Части речи и категории мышления. – Ростов-на-Дону, 1959.

Садовский В. Н. Основания общей теории систем. – М., 1974.

Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12-20.

Симашко Т. В. История лингвистических учений. Античность Средневековье. – Архангельск, 2001.

Склерина Л. М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. – СПб., 1997.

Скрелина Л. М. Лингвистика XX века: школа Гийома (психосистематика). – СПб., 2002.

Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М., 1980.

Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи // Вестник Ленинградского университета. 1954. – № 6. Серия общественных наук.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л., 1974

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 1975.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997

Суник О. П. Общая теория частей речи. – М.; Л., 1966.

Супрун А. Е. Производные существительные с корнями числительных. – Фрунзе, 1953.

Супрун А. Е. Грамматические свойства слов и части речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л., 1968.

Супрун А. Е. Части речи в русском языке. – М., 1971.

Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980.

Теория нейтрализации. Сб. ст. / Под ред. Руделёва В. Г. – Тамбов, 1980.

Теория функциональной грамматики. В 6-ти томах / Отв. ред. Бондарко А. В. Л. (СПб.), 1987–1996.

Улуханов И. С. Словообразовательные отношения между частями речи // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4.

Успенский Б. А. Структурная типология языков. – М., 1965.

Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – Т. 2. – М., 1957. – С. 427–462.

Хохлачёва В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. – М., 1969.

Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. – М., 1976.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. – М., 1975.

Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог, 1992.

Чеснокова Л. Д. Категория количества и способы её выражения в современном русском языке. – Таганрог, 1992.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Шелякин М. А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий // Труды по русской и славянской филологии. XXIX. Серия лингвистическая. Проблемы языковой системы и её функционирования. Учен. зап. Тартуск. ун-та. – Тарту, 1977. – Вып. 425.

Шендельс В. И. О грамматической полисемии. – Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 49–53.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 77–100.

Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. – М., 1996.

Шигуров В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. – Саранск: изд-во Саран. ун-та, 1988.

Шигуров В. В. Существительные, прилагательные, причастия, числительные в их отношении к прономинализации // Вопросы лингвистики. Межвуз. сб. науч. труд. Вып. 2. – М., 1998.

Шигуров В. В. Три этапа транспозиции глагола в наречие // Разнородные характеристики лексических единиц. В 3 частях. Ч. 3. – Смоленск, 1997.

Шигуров В. В. Проспект транспозиционной грамматики современного русского языка // Вестн. Мордов. ун-та, 1998. № 3–4.

Шигуров В. В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия АН. Серия литературы и языка, 2002. – Т. 61. – № 2. – С. 34–43.

Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. – М., 1974.

Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.

Яковлев В. Н. Деривационно-семантический анализ имён существительных со значением места в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1980.

Яцкевич Л. Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1977 – №4 – С. 101–106.

Яцкевич Л. Г. Лингвистические аспекты принципа инвариантной неопределённости // Вопросы геометрического моделирования: Межвузовский тематич. сб. / Научн. ред. К. И. Вальков. – Л., 1981. – С. 40–50.

Яцкевич Л. Г. Способы выражения предметности в русском языке // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 77–83.

Яцкевич Л. Г. Деривационные парадигмы имён качества в русском языке // Русский язык. Межведомственный сб. – Минск, 1986. – С. 127–134.

Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имён существительных). – Минск, 1987.

Яцкевич Л. Г. Функциональные типы парадигм в русской морфологии (на материале имён существительных). – Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Гомель, 1988.

Яцкевич Л. Г. Функциональная морфология русского языка. – Минск, 1989.

Яцкевич Л. Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4.

Яцкевич Л. Г. Морфемика // Морфемика и словообразование русского языка. Науч. ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2002.

Brøndal Viggo. Les parties du discours. – Partes orationis. Copenhagen, 1928, 1948.

Brunot F. La pensee et la langue. – Paris, 1965.

Daneš Fr. The relation of Centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1966. – Т 2.

Dokulil M. Tvoření slov v češtin. – Praha, 1962. – Т. 1.

Durnovo N. La catégorie du genre en russe moderne // Revue des études slaves. – Paris, 1924. – Т. IV. – № 1-2. – С. 208–221.

Fries Ch.C. The structure of English. – N.Y. Harcourt. Brace and Co., 1952.

Křížkova N. Привативные оппозиции и некоторые проблемы анализа многочленных категорий (на материале категории лица в русском языке) // Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1964. – Т. 1.

Kučař J. К общей характеристике номинации // TLP. – Prague, 1968. – № 3.

Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1958–1959 et 1959–1966. Sous la dir. de R. Valin et W. Hirtle. – Quebec – Paris, 1995.

Leška O. «Le centre» et «la peripherie» des differents niveaux de la structure linguistique // Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1964. – Т 2.

Magnusson R. Studies in the theory of the parts of speech. Lund – Copenhagen, 1954.

Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. – Paris, 1979.

Séchehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. – Paris, 1926.

Vachek J. On the integration of the peripheral elements in to the sistem of language // Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1964. – Т 2.

Приложение

Индексированный список основных понятий и терминов

1. Коммуникативно-смысловые функции

- 1.1. Номинация
- 1.2. Предикация
- 1.3. Терминация
- 1.4. Детерминация
- 1.5. Дейксис
- 1.6. Реляция
- 1.7. Оценка
- 1.8. Экспрессия

2. Грамматические концепты частей речи (ГКЧР)

- 2.1. Компоненты содержания ГКЧР
 - 2.1.1. *Объект обобщения*
 - 2.1.2. *Основание обобщения*
 - 2.1.3. *Способ обобщения*
 - 2.1.4. *Вектор обобщения*
- 2.2. Виды грамматических концептов
 - 2.2.1. *Субстанциональность*
 - 2.2.2. *Атрибутивность*
 - 2.2.3. *Вербальность*
 - 2.2.4. *Квантитативность*
 - 2.2.5. *Адвербиальность*
 - 2.2.6. *Статальность*
 - 2.2.7. *Дейксис*
 - 2.2.8. *Реляция*
 - 2.2.9. *Модальность*
 - 2.2.10. *Междометность*

3. Категориальные значения частей речи

- 3.1. Категориальное значение имён существительных
 - 3.1.1. *Номинация*
 - 3.1.2. *Предметность*

- 3.1.3. *Интерпретация*
- 3.1.4. *Начальная или конечная фазы предикации*
- 3.2. Категориальное значение имён прилагательных
 - 3.2.1. *Номинация*
 - 3.2.2. *Признаковость*
 - 3.2.3. *Интерпретация*
 - 3.2.4. *Скрытая предикация*
- 3.3. Категориальное значение глагола
 - 3.3.1. Спрягаемые глаголы
 - 3.3.1.1. *Номинация*
 - 3.3.1.2. *Процесс*
 - 3.3.1.3. *Интерпретация*
 - 3.3.1.4. *Центральная актуальная предикация*
 - 3.3.2. *Инфинитив*
 - 3.3.2.1. *Номинация*
 - 3.3.2.2. *Процесс*
 - 3.3.2.3. *Интерпретация*
 - 3.3.2.4. *Скрытая предикация*
 - 3.3.3. *Причастие*
 - 3.3.3.1. *Номинация*
 - 3.3.3.2. *Процесс*
 - 3.3.3.3. *Признак*
 - 3.3.3.4. *Интерпретация*
 - 3.3.3.5. *Скрытая предикация*
 - 3.3.4. *Деепричастие*
 - 3.3.4.1. *Номинация*
 - 3.3.4.2. *Процесс*
 - 3.3.4.3. *Детерминация*
 - 3.3.4.4. *Интерпретация*
 - 3.3.4.5. *Вторичная предикация*
- 3.4. Категориальное значение числительных
 - 3.4.1. *Количественные числительные*
 - 3.4.1.1. *Терминация*
 - 3.4.1.2. *Количество*
 - 3.4.1.3. *Интерпретация*
 - 3.4.1.4. *Скрытая предикация*
 - 3.4.2. *Порядковые числительные*
 - 3.4.2.1. *Терминация*
 - 3.4.2.2. *Количество*
 - 3.4.2.3. *Признак*
 - 3.4.2.4. *Интерпретация*
 - 3.4.2.5. *Скрытая предикация*
 - 3.4.3. *Собирательные числительные*

- 3.4.3.1. *Терминация*
- 3.4.3.2. *Количество*
- 3.4.3.3. *Предмет*
- 3.4.3.4. *Интерпретация*
- 3.4.3.5. *Скрытая предикация.*
- 3.4.4. Наречные (адвербиальные) числительные
- 3.4.4.1. *Терминация*
- 3.4.4.2. *Количество*
- 3.4.4.3. *Детерминация*
- 3.4.4.4. *Интерпретация*
- 3.4.4.5. *Вторичная предикация.*
- 3.4. Категориальное значение наречий
- 3.5.1. *Номинация*
- 3.5.2. *Детерминация*
- 3.5.3. *Интерпретация*
- 3.5.4. *Вторичная предикация*
- 3.5. Категориальное значение предикативов (категории состояния)
- 3.6.1. *Номинация*
- 3.6.2. *Статальность*
- 3.6.3. *Интерпретация*
- 3.6.4. *Синкретическая предикация*
- 3.6. Категориальное значение местоимений
- 3.6.2. *Обобщённо-предметные местоимения (местоименные существительные)*
- 3.7.1.1. *Указание (дейксис)*
- 3.7.1.2. *Референция лица и предмета*
- 3.7.1.3. *Эгоцентризм*
- 3.7.1.4. *Внешняя, контекстуальная предикация*
- 3.6.3. *Обобщённо-качественные местоимения (местоименные прилагательные)*
- 3.6.3.1. *Указание*
- 3.6.3.2. *Референция признака*
- 3.6.3.3. *Эгоцентризм*
- 3.6.3.4. *Внешняя, контекстуальная предикация*
- 3.6.4. *Обобщённо-количественные местоимения (местоименные числительные)*
- 3.6.4.1. *Указание*
- 3.7.1.2. *Референция количества*
- 3.7.1.3. *Эгоцентризм*
- 3.7.1.4. *Внешняя, контекстуальная предикация*
- 3.6.5. *Обобщённо-обстоятельственные местоимения (местоименные наречия)*
- 3.6.5.1. *Указание*

- 3.6.5.2. *Референция детерминанта*
- 3.6.5.3. *Эгоцентризм*
- 3.6.5.4. *Внешняя, контекстуальная предикация.*
- 3.8. Категориальное значение служебных частей речи
- 3.8.1. Предлоги
- 3.8.1.2. *Отношение*
- 3.8.1.3. *Детерминация*
- 3.8.1.4. *Зависимость*
- 3.8.1.5. *Скрытая предикация*
- 3.8.2. Союзы
- 3.8.2.2. *Отношение*
- 3.8.2.3. *Связь*
- 3.8.2.4. *Квалификация*
- 3.8.2.5. *Совместная предикация*
- 3.8.3. Частицы
- 3.8.3.2. *Отношение*
- 3.8.3.3. *Модальность*
- 3.8.3.4. *Эгоцентризм*
- 3.8.3.5. *Суперпредикация*
- 3.8.4. Связки
- 3.8.4.2. *Отношение*
- 3.8.4.3. *Связь*
- 3.8.4.4. *Координация*
- 3.8.4.5. *Актуальная предикация*
- 3.9. Категориальное значение модальных слов
- 3.9.1. *Оценка*
- 3.9.2. *Модальность*
- 3.9.3. *Эгоцентризм*
- 3.9.4. *Суперпредикация*
- 3.10. Категориальное значение междометий
- 3.10.1. *Экспрессия*
- 3.10.2. *Эмотивность*
- 3.10.3. *Интуитивность*
- 3.10.4. *Нерасчленённая предикация*
- 4. Транспозиция частей речи
- 4.1. Способы транспозиции
- 4.1.1. *Словообразовательная транспозиция*
- 4.1.1.1. *Аффиксальная транспозиция*
- 4.1.1.2. *Транспозиция по модели*
- 4.1.2. *Морфолого-синтаксическая транспозиция*
- 4.1.3. *Морфологическая транспозиция*
- 4.1.4. *Синтаксическая транспозиция*
- 4.2. Статус транспозиции

4.2.1. Языковая транспозиция

4.2.2. Речевая транспозиция

4.2.2.1. Узуальная

4.2.2.2. Оказиональная

5. Межуровневые семантические отношения грамматических концептов частей речи

5.1. Изосемия

5.1.1. Синсемия

5.1.2. Парасемия

5.1.3. Гипосемия

5.1.4. Интерсемия

5.1.5. Гиперсемия

5.2. Неизосемичные отношения

5.2.1. Гетеросемия

5.2.2. Транссемия

5.2.3. Энантиосемия

6. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре слова

6.1. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре лексического значения

6.2. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре лексико-грамматического значения

6.3. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре морфемы

6.4. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре словообразовательного значения

6.5. Грамматические концепты частей речи в семантической структуре морфологического значения словоформы

7. Эволюционная типология грамматических концептов

7.1. Эволюционирующие грамматические концепты

7.2. Стабильные грамматические концепты

7.3. Инволюционирующие грамматические концепты

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Редподготовка – *Л. И. Безнина, Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудряцева*

Оригинал-макет – *С. В. Кудряцев*

ИД № 05241 от 02 июля 2001 г. Подписано к печати 7. 04. 2004.
Формат 60x84/16. Бумага ксероксная. Уч.-изд. л. 10,9. Усл. печ. л. 9,2
Тираж 100 экз.

160600, Вологда, ул. С. Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь»
Отпечатано в литографии Северного лесостроительного предприятия
160014, г. Вологда, Некрасова 51.

